

H.X.

9(SB16)
T505

Г. Тогжанов ✓
Казахский
Колониальный
аул

2.1
—
1

1934.

9(584.6)2
Т 505

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ
ПО ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ И КОЛОНИАЛЬНЫХ
ПРОБЛЕМ

ВЫПУСК XV

Г. ТОГЖАНОВ

**КАЗАКСКИЙ
КОЛОНИАЛЬНЫЙ
АУЛ**

ЧАСТЬ I

57.4)
Г-50

35090

ИЗДАНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ
ПО ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ И КОЛОНИАЛЬНЫХ
ПРОБЛЕМ

МОСКВА

1934 г.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
18	18 сверху	отделениях	делениях
26	19 „	кунцыз	кунсыз
Содержа- ние	Глава I	киргизском	казакском
34	7 сверху	идет и	идет тов.
41	12 „	назначили	назначил
45	17 „	многочисленных	многоскотных
46	16 „	виноватого	виновного
72	23 снизу	сливая	сваливая

ТРУДЫ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ
ПО ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ И КОЛОНИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ.
ВЫПУСК XV

9(5846)2
Т 505

Г. ТОГЖАНОВ

КАЗАКСКИЙ КОЛОНИАЛЬНЫЙ АУЛ

ЧАСТЬ I.

Под редакцией
А. М. АВИГДОРА

ИЗДАНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АССОЦИАЦИИ
ПО ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ И КОЛОНИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ
МОСКВА

1934 г.

2274
2274
2274

PK
8960

ГОС. БИБ. И МУЗ. ЦЕНТРА
КазССР им. А. С. Пушкина
- Инв. № 098974

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая работа тов. Тогжанова «Казакский колониальный аул» является первой частью работы. Вторая часть будет посвящена вопросу о колониальной политике русского царизма и национально-освободительном движении среди казаков.

Вопросы развития колоний царской России далеко не достаточно освещены в нашей литературе. Далеко не достаточно, а зачастую неверно освещены такие важнейшие вопросы, как вопрос о родовом строе, феодализме и его особенностях, о развитии капитализма в бывших колониях.

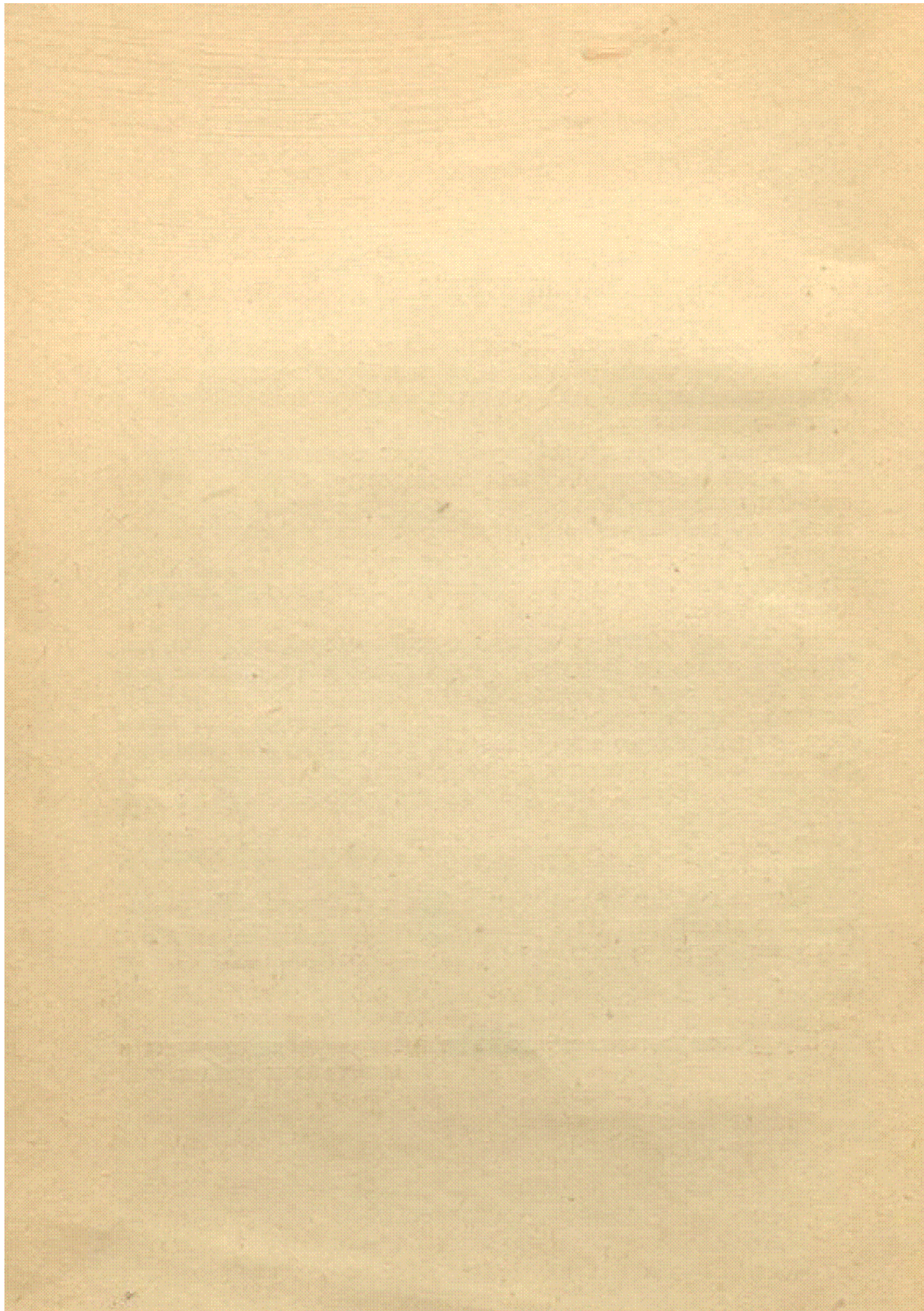
Между тем знание этих проблем, знание конкретного пути развития бывших колоний дает ключ к пониманию процессов, происходящих в настоящее время.

Работа тов. Тогжанова является ценной попыткой освещения этих вопросов в отношении Казахстана. Автор в данной работе, основные установки которой были обсуждены в Секции Советского Востока ИНАВКИ, раскрывает картину специфического развития дореволюционного Казахстана. В основном верно освещая вопросы, работа вместе с тем имеет ряд пробелов. Не всегда приводятся для подкрепления развиваемых положений соответствующие факты, цифры. Не освещен достаточно вопрос о сущности феодалов-завоевателей.

Также нуждается в уточнении вопрос о самодержавной власти казахских ханов.

Выпуская в свет первую часть работы т. Тогжанова, ИИА рассматривает ее как материал для изучения истории бывшей царской колонии — Казахстана, ныне успешно, вместе со всем Союзом, строящего социализм.

Научно-исследовательская ассоциация по изучению национальных и колониальных проблем.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О РОДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ В КАЗАКСКОМ АУЛЕ

Значение вопроса

Одной из характерных особенностей дореволюционного казахского аула являлось наличие в нем пережитков патриархально-родовых отношений.

Феодальное казахское байство умело пользовалось этими пережитками в своих классовых интересах. В дореволюционном ауле, в условиях байского засилья и вековой отсталости, забитости масс казахских трудящихся, эти пережитки в течение нескольких столетий отрицательно влияли на социально-экономическое развитие аула, в особенности — на развитие классового самосознания казахских трудящихся. Эти пережитки, правда, исчезающие по мере победоносного строительства социализма в нашей стране, еще дают себя знать и в современном кочевом и полукочевом ауле. Поэтому изучение экономики и социального строя дореволюционного аула необходимо начать с исследования классовой сущности пережитков родовых отношений в ауле и выявить их роль, степень влияния и место в процессе дореволюционной истории казахского народа.

Марксистское изучение сущности и роли родовых отношений в казахском ауле имеет большое теоретическое и политическое значение не только для правильного понимания истории развития классовых отношений у казаков, — оно имеет большое политическое и практическое значение для сегодняшней конкретной работы наших партийных и советских организаций в казахском кочевом и полукочевом ауле. Правильное понимание сущности пережитков родовых отношений дореволюционного аула даст партийному и советскому работнику возможность правильно разобраться в так называемых «родовых отношениях» и теперешнего кочевого и полукочевого аула. Это тем более необходимо, что всякие ходячие «теории» и теоремы о господстве родовых отношений в казахском ауле наибольшее распространение получали именно в период после Октября и имеют некоторое хождение и сейчас.

Байское понимание сущности родовых пережитков

Дореволюционная литература о казаках дает очень мало сведений о сущности родовых отношений и влиянии их на развитие казахского аула. Почти во всех трудах буржуазных исследователей и «знатоков» казахского аула подчеркивались «особенности жизни казаков», и в ка-

чество одной из особенностей его (аула) отмечалось наличие родовых отношений. В чем, однако, конкретно эти родовые отношения заключались, на какой стадии развития они находились, как влияли они на казаков и т. д., — этих «ученые» и литературные агенты российского империализма не интересовались, так как для колониальной эксплуатации казаков российскому царизму вполне достаточно было знать о казаках «вообще», а такого рода запросы полностью удовлетворялись «научной» продукцией господ Руминовых, Дмитриевых и иже с ними. К сожалению, вопросы о пережитках родовых отношений в казакском ауле недостаточно, а часто и неверно, но по-марксистски разрабатывались и в нашей советской литературе.

Как это ни странно, но байское понимание сущности родовых пережитков в ауле получило свое теоретическое обоснование именно после революции. Казакский бай испокон веков старался выдавать свои классовые интересы за интересы своего рода, подрода или аула и всеми мерами и способами внушал казакским трудящимся, что он — не эксплуататор, а благодетель, защитник прав и интересов всего рода. В течение нескольких столетий байско-феодальной верхушке удавалось обманывать казакские массы и, прикрываясь всякими родовыми пережитками, бесконтрольно эксплуатировать и угнетать своих сородичей-бедняков. По стопам этих баев пошли и казакские националисты-алашордцы. Они — верные идеологи и защитники интересов казакского байства — вслужебски старались убедить всех в особом пути развития казакского народа, в отсутствии у казаков классовой вражды и в наличии общности родовых интересов. Бай-вождь — защитник всего рода, бай-де помогает своим сородичам и т. д., и т. п.

Основными идеологами этой «теории» являются А. Байтурсунов и А. Букейханов — вожди байской националистической партии «Алаш». Не говоря уже об их дореволюционных высказываниях и о программе партии «Алаш», составленной А. Байтурсуновым и А. Букейхановым (где защищаются теории родового строя и родового землепользования в ауле), — они пытались обосновать и защитить свою байскую теорию о господстве родовых отношений в ауле и при советской власти. В ряде статей и обращений А. Байтурсунов в 1919—1920 гг., обосновывая свой «переход» на сторону советской власти, старался доказать, что у казаков в повсеместном быту издавна осуществляется идея коммунизма — общность родовых интересов, родовое землепользование, бесплатное угощение (хонак асы), бесплатная помощь беднякам со стороны их родственников — баев (ат майы, сауи, жылу и т. п.)². Эту же идею проводит в своей статье «Казакки Адышевского уезде» и А. Букейханов. Он тоже утверждает, что «в Адышевском уезде аул — родовой. Родовая скотоводческая община... кочует вместе, община пользуется водопоем, пастбищами, находящимися в общем пользовании всего обширного рода

² См. его обращение «Казакским трудящимся» на казакском языке в 1919 г. и статьи в газете «Жизнь национальностей».

Адай. Ни пастбища, ни водной, ни володы не находятся в чьем бы то ни было исключительном пользовании...». Короче говоря, и по его мнению родовые интересы превалируют над индивидуальными и классовыми интересами.

Характерно во всех этих высказываниях то, что А. Байтурсунов и А. Букейханов отрицают наличие классовых противоречий и байской эксплуатации в ауле, наоборот, они утверждают о наличии каких-то общих родовых интересов бай и бедноты, подчиняющих себе все индивидуальные и классовые интересы якобы равноправных членов рода. Эта «теория» А. Байтурсунова и А. Букейханова в первый период советской власти в Казахстане имела не мало сторонников среди казахских коммунистов и русских специалистов. «Теория» С. Садвокасова о смирном бае и о необходимости гражданского мира в ауле — это по существу та же «теория» А. Байтурсунова, только выраженная другими словами, существо взглядов, классовый смысл и исходная установка А. Байтурсунова и С. Садвокасова — одни и те же. Байтурсунов, развивая свою теорию о господстве родовых интересов в ауле, исходил из того, что бай — защитник интересов рода, бай — не враг, не эксплуататор казахских трудящихся, а самый полезный человек в роде. Своей «теорией» о смирном бае, о гражданском мире по существу то же самое повторяет и С. Садвокасов.

О родовых отношениях в ауле ничего нового не сказали и многие советские исследователи аула — Соколовский, Полочанский, Кушнер и другие. Никто из перечисленных авторов не разобрался конкретно в действительной жизни аула, и все они в конечном счете повторяют задмы Байтурсунова.

В своей книжке «Казахский аул» Соколовский утверждает, что «в современном казахском ауле родовой строй реален, ... в полной неприкосновенности сохранилось еще сложное родовое деление, тесно связанное со всем укладом кочевой жизни. Род играет преобладающую роль в экономической жизни населения... Рассчитывать на исчезновение их (родового строя и господства родовых отношений) в ближайшем будущем совершенно не приходится»¹.

В своей теоретически безграмотной и политически вредной брошюре «За новый аул — кстау» Полочанский доказывает, что в казахском ауле «хозяйственно-родовой строй прочен, что в нынешнем хозяйственно-родовом строе есть наличие все предпосылки, чтобы ныне заниматься не столько борьбой с хозяйственно-родовым строем, сколько попытаться им воспользоваться для целей реконструкции всего народного хозяйства»².

И профессор Кушнер в одном из своих научно-исследовательских трудов очень наивно, но чистосердечно заявляет, что он, «изучая казахский аул, ... тщательно искал классовую борьбу и социальные классы, искал, сообразуясь с точным понятием класса, но не нашел».

¹ См. Соколовский «Казахский аул», стр. 7.

² См. Полочанский «За новый аул — кстау», стр. 11—12.

Список сторонников «теории» родового строя и господства родовых отношений в ауле можно было бы продолжить. Имеется ряд других советских работников, в особенности из практиков, которые зачастую свою беспомощность и неумение бороться с байским влиянием в кочевом или полукочевом ауле склонны оправдывать тем, что в ауле будто бы господствуют родовые отношения, и там бедноту нельзя организовать против бая потому, мол, что «крепки родовые связи, бай и бедняки одного рода живут единными родовыми интересами» и т. д.

Неправильную позицию занимает и т. Рыскулов, по мнению которого «до русского подданства у казаков был родовой строй, господствующими отношениями являлись родовые отношения, и все члены рода были одинаково равными»¹.

Приблизительно такая же точка зрения высказывается и т. Федоровым в его статье в журнале «Большевик Казахстана» № 1, 1933 г.

Маркс и Энгельс о родовом строе

Прежде чем перейти к конкретному разбору «теории» Байтурсунова и других, приведем важнейшие высказывания основоположников марксизма о родовом строе и первобытной коммунистической общине. Это тем более необходимо потому, что в самом понимании и определении сущности родового строя и родовых отношений у отдельных коммунистов имеются установки, не совсем совпадающие с учением Маркса и Энгельса.

Так, например, в своей полемике с т. Асфендияровым т. Федоров, написавший статью о Казахстане, пытается доказать, что «родовой строй не обязательно бесклассовый», «родовой строй, родовое общество не тождественны родовой коммуне... в эпоху самостоятельного казахского ханства существовал родовой строй. В этот период айсакалы и бай не выделялись в особое сословие или класс»². При этом т. Федоров ссылается на работу Ф. Энгельса и приводит цитату из книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства», которая не подтверждает, а опровергает мысль т. Федорова. В цитируемом т. Федоровым месте Энгельс пишет только «о живучести родовой идеологии в эпоху образования греческого государства» и «существовании родового строя в измененной территориальной форме общинного устройства (марки)». Это не совсем то, что говорит т. Федоров. Здесь Энгельс устанавливает, что в эпоху образования греческого государства родовая идеология была еще живуча. Это означает, что, несмотря на образование государства, несмотря на развитие классовых противоречий, которые неизбежно вызывают организацию государства, — все же среди греков еще были сильны родовые связи и воззрения родового строя. Аналогичный факт Энгельс подчеркн-

¹ См. его книжку «Казахстан» и выступление на казахской кафедре КУТВ по докладу Тогжанова «О казахском феодализме».

² См. ст. Федорова «О конкретном содержании формулы: от докапиталистических отношений к социализму, минуя капитализм, — в Казахстане» (журнал «Большевик Казахстана» № 1, 1933 г.).

взет и в другом месте своей книги. В примечании к четвертому изданию книги он пишет: «Проводя несколько дней в Ирландии, я снова живо представил себе, как глубоко еще сельское население живет там воззрениями родовой эпохи. Помещик, у которого крестьянин арендует землю, представляется последнему все еще чем-то вроде вождя клана, на котором лежит заведывание землей в интересах всех» (стр. 195). И это вполне понятно, ибо «сознание людей отстает в своем развитии от фактического их положения» (Сталин).

Правильность мысли Энгельса о живучести родовых воззрений подтверждается и примерами из жизни казаков. Как известно, в кочевых и полукочевых районах Казакстана до сего времени в отсталых казакских массах сохраняются родовые предрассудки, и здесь казакского бая, — как в Ирландии помещика, — зачастую представляют защитником интересов всего рода или аула. Но из этого мы, коммунисты, не должны заключать, что в кочевом и полукочевом ауле господствует родовой строй.

В приведенной Федоровым цитате Энгельс указывает и на то, что на известной ступени развития классового общества и государства в течение нескольких столетий могут существовать родовые организации в измененной форме. В классовом обществе родовые или общинные организации могут существовать в течение нескольких столетий только в измененной форме и с другим содержанием. В «Анти-Дюринге» Энгельс особо подчеркивает, что «там, где уцелел древний общинный быт, он всюду, от Индии до России, служил целые тысячелетия основанием самых грубых государственных форм восточного деспотизма». То же самое было и у казаков — и в период самостоятельного казакского ханства, и после, в период русского завоевания. Оставались, вернее — продолжали существовать в измененной форме — родовое землепользование, родовая взаимопомощь, родовая идеология и тому подобные пережитки старого родового строя, но приспособленные к классовым интересам господствовавших казакских баев-феодалов.

Приведем несколько основных высказываний Маркса и Энгельса о родовом строе, характеризующих понимание родового строя и родового общества основоположниками марксизма.

«Величие родового строя, но вместе с тем и его ограниченность проявляются в том факте, что здесь нет места для господства и угнетения. Внутри родового строя не существует еще никакого различия между правами и обязанностями... Столь же мало могло быть места для расслоения племени и рода на различные классы» (Ф. Энгельс)¹.

«В родовом строе хозяйство ведется сообща, а распределяются только продукты... Бедных и нуждающихся быть не может, коммуни-

¹ Энгельс, «Происхождение семьи, частной собственности и государства» стр. 159.

стическое хозяйство и род знают свои обязанности по отношению к престарелым, больным и изувеченным на войне. Все равны и свободны, не исключая и женщин... Какая удивительная организация во всем ее младенчестве и простоте, этот родовой строй! Без солдат, жандармов и полицейских, без дворянства, королей, наместников, префектов и судей, без тюрем, без процессов — все идет своим заведенным ходом»¹.

«Первой формулой собственности является родовая собственность... Обработка земли производится сообща — сперва целыми родами, потом коммунистическими семейными общинами»².

То же самое утверждает и Маркс. «Производство родового коммунистического общества было организовано коллективно, но этот первобытный тип коллективного производства был результатом слабости человеческой личности, а не обобществления средств производства»³.

В качестве наилучшего живого образца первобытной коммунистической общины Ф. Энгельс приводит юго-славскую задругу: «Она охватывает несколько поколений потомков одного отца вместе с их женами, причем все они живут на одном дворе, сообща обрабатывают свои поля, питаются и одеваются из общих запасов и сообща владеют излишним доходом».

Из вышеприведенных цитат ясно видно, что по определению К. Маркса и Ф. Энгельса родовое общество — бесклассовое общество. В родовом обществе не было богатых и бедных, стало быть — не было классов и классовых противоречий. Все были одинаково равны и свободны. «Основная черта доклассового общества состоит в том, что средства находятся в общественной собственности и общественном пользовании известных человеческих групп» (Энгельс). Этим и определялась экономическая база родового строя.

Вопреки утверждению т. Федорова, Маркс и Энгельс не противопоставляют первобытную коммунистическую общину родовому строю; наоборот, они везде и всюду отождествляют первобытную коммунистическую общину с родовым обществом. Маркс прямо говорит о «родовом коммунистическом обществе». Первобытная родовая коммуна лишь впоследствии распадается на домашние или семейные коммуны, общины и т. д.

Когда и в каких условиях разлагается родовой строй?

Маркс и Энгельс устанавливают, что «родовой строй в его высшей форме... предполагал в высшей степени неразвитое производство, следовательно, крайне редкое население на обширном пространстве, следовательно, почти полное подчинение человека враждебно противостоящей ему, непонятной внешней природе»⁴. «...Разделение труда — чисто естественного происхожде-

¹ Там же, стр. 96—97.

² Там же.

³ Цитирую из журнала «Советский Север» № 2, 1933 г.

⁴ См. Энгельс, «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 98 (подчеркнуто мною — Г. Т.).

ния; оно существует лишь между полями. Мужчина идет на войну, идет на охоту, рыбную ловлю, добывает пищу в сыром виде и необходимое для этого орудие. Женщина работает на дому и занята подготовкой пищи и одежды, варит, моет, шьет...». Одновременно Маркс указывает, что родовая община «...носит в своих собственных недрах подтравливающие ее элементы. Частная поземельная собственность уже вторглась в нее в виде дома с его сельским двором, и он может превратиться в крепость, из которой готовится нападение на общую землю. Это случалось. Но самое существенное, это — парцеллярное хозяйство, как источник частного присвоения. Оно дает почву для сосредоточения движимого имущества, например, скота, денег, а иногда даже рабов или даже крепостных. Это движимое имущество, не поддающееся контролю общины, объект индивидуальных обменов, в которых хитрость и случай играют такую большую роль, будет все сильнее и сильнее давить на всю сельскую экономику. Вот момент, разлагающий первообычное экономическое социальное равенство»¹. На последней ступени развития родового общества — внутри рода еще более резко проявляются общественное разделение труда и частная собственность, устанавливаются отцовские, а потом наследственные права, переход от парного брака к моногамии, усиливаются имущественные различия между членами рода и т. п., — «все это создает трещину в древнем родовом строе» (Энгельс). В дальнейшем все эти изменения неминуемо приводят к распаду бесклассового родового общества. «Как только имущественные различия станут большими, как только некоторые ее члены станут должниками, рабами других, более богатых членов, община не может далее жить», — она распадается — на богатых и бедных, привилегированных и угнетаемых, на эксплуатирующих и эксплуатируемых, на господствующие и подчиненные классы. Таким образом «имущественные различия между отдельными главами семей разрушают древнюю коммунистическую семейную общину...» (Энгельс). Так характеризуют Маркс и Энгельс период разложения родового строя.

С периодом разложения родового строя совпадают усиление межродовых и племенных войн и образование союзов родов или племен. Энгельс особо подчеркивает, что именно образование «союза племен уже означает разрушение родового строя... Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре затем такой же необходимостью становится уже и слияние, тем самым слияние раздельных племенных территорий в единую общую территорию всего народа. Военачальник народа становится необходимым, постоянным должностным лицом... Война, которая раньше велась только для отмщения за нападение или для расширения ставшей недостаточной территории, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом. Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах знает могиза ро-

¹ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, книга 1, стр. 284.

дового строя... Грабительские войны усиливают власть верховного военачальника, равно как и второстепенных вождей; обычное избрание его преемников из одной и той же семьи переходит мало-по-малу, в особенности со времени установления отцовского права, в наследственную власть, которая сперва терпится, затем требуется и, наконец, узурпируется; закладываются основы наследственной монархии и наследственного дворянства. Так постепенно отрываются органы родового строя от своих корней в пареде, в роде, в фратрии, в племени, а все родовое общественное устройство превращается в свою противоположность: из организации племен для заведывания своими собственными делами оно превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, и соответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы государства и угнетения против собственного народа...»¹.

Так изживает себя бесклассовое родовое общество. Его заменяет классовое общество, организованное в государство, которое, как известно, «...есть продукт и проявление непримиримости классовых противоречий: государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и постольку классовые противоречия объективно не могут быть примирены» (Ленин)². Государство — продукт классового общества, оно везде и всюду являлось орудием господства имущего класса для подавления и эксплуатации угнетенного, неимущего класса. «Античное государство было преимущественно государством рабовладельцев для подчинения рабов. Феодалное государство — орган дворянства для подчинения и обуздания крепостных и зависимых крестьян, а современное представительное (капиталистическое — Г. Т.) государство есть орудие эксплуатации наемного труда капиталом» (Энгельс).

Таковы основные положения марксизма-ленинизма о родовом строе, его разложении и возникновении классовых противоречий и государства — этого орудия классового господства.

Родовой строй у казаков

Перейдем теперь к анализу родового строя у казаков.

Более или менее подробные сведения о казаках нам известны только со времени образования казакского ханства — примерно с первой половины XV века. Многие историки считают, что в это же время произошло и оформление казакского народа из различных тюркских и монгольских кочевых племен и родов. Некоторые историки доказывают, что теперешние казаки прежде назывались ногайцами, и только в начале XV века небольшая часть этих ногайцев, выделившаяся в особый союз, начала называться казаками. Другие историки оспаривают это положение. Они считают, что казаками некогда назывались воины мон-

¹ Энгельс, «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 165—166.

² Ленин, Собр. сочинений, т. XXI, стр. 372.

гольских и тюркских ханов. О казаках, как о воинах ханов, упоминается в исторических документах и народных сказаниях XII—XIII столетий.

Не вдаваясь здесь в разбор различных взглядов на историю образования казакского народа — этот вопрос требует большого специального исследования, — необходимо признать, что образование казакского народа из союза различных тюркских и монгольских кочевых племен и родов бесспорно. Так же бесспорно и то, что межродовые и племенные союзы, соответствующие по определению Энгельса последней стадии разложения бесклассового родового общества, у казаков предшествовали периоду образования самостоятельного казакского ханства.

Организация самостоятельного казакского ханства знаменовала наличие у казаков сформировавшегося классового общества. В какой бы форме она себя ни проявляла, — казакскую ханскую власть нельзя представлять вне классовой борьбы. У казаков, как и везде, ханство — «продукт и проявление непримиримости классовых противоречий» (Ленин). Всякое иное представление о ханской власти — не марксистское, не ленинское. Тт. Рыскулов и Федоров, защищающие теорию «господства родового строя» у казаков до русского завоевания, в том числе и в период существования самостоятельных казакских ханств, не облегчают нашей задачи — выработать правильное марксистское понимание истории казакского народа, а наоборот — запутывают и осложняют ее. Объективно они помогают буржуазно-байским историкам и другим классово-враждебным элементам, старающимся всячески преуменьшать и скрывать классовые противоречия в ауле и обманывать казакских трудящихся несуществующими «общими родовыми интересами», «родовой солидарностью» и т. д.

Был ли у казаков бесклассовый родовой строй? На этот счет исчерпывающих данных нет. Известно, что казакскому ханству предшествовала целая эпоха межродовых и племенных войн, нашествия монгольских ханов и т. д. Повидимому, с этим периодом и совпадает период разложения родового общества у так называемых тюркских и монгольских родов и племен. Известные батырские военные походы на территории теперешнего Советского Востока, имевшие место в X и XIII столетиях и давшие впоследствии начало различным легендам и сказаниям, соответствуют именно периоду разложения родовых обществ на Востоке.

Народные поэмы и песни о различных батырах (Эдиге, Шора, Камбар, Орак, Сайын), известный народный эпос «Кози Корпеш Бэли», наконец, дошедшие до нашего времени различные поговорки и пословицы родового общества, несмотря на всю их легендарность, несмотря на множество накопившихся со временем изменений и преувеличения отдельных фактов далекого прошлого, особенно роли отдельных батырей и т. д., — все же являются почти единственными материалами-первоисточниками, отражающими историю казаков до ханского периода. К сожалению, материалы эти до сих пор никак в достаточной мере не собраны и не

обработаны, а многими они просто игнорируются. Между тем в казакском народном творчестве можно найти богатый материал для изучения и выяснения истории родового строя и последующего классового строя казаков.

К великому сожалению, и казахстанские научно-исследовательские организации до сего времени не оценили всего значения старого народного творчества и вплотную не приступили еще к организации его записей, собраний и публикации. Нельзя поэтому не приветствовать инициативу Казнаркомпресса, который, хотя и с большим опозданием, приступил в конце 1933 г. к сбору устного народного творчества.

Работа т. Сейфуллина (Казахская литература. Книга 1. Литература феодального периода) представляет в этом отношении только первую попытку сбора и систематизации казахского народного творчества периода раннего феодализма. В его книге собраны очень ценные материалы по истории казаков, дошедшие до наших времен в виде легенд, народных былин, сказок и т. д. Но в книге т. Сейфуллина представлены далеко не все материалы даже периода раннего феодализма.

Отсутствие сборников казахского народного творчества периода разложения родового строя не позволяет ответить полностью на вопрос о том, насколько в народном творчестве сохранились исторические данные, косвенно или прямо характеризующие родовой строй казаков. Однако из того, что известно, можно утверждать, что в казакском народном творчестве сохранилось очень мало следов периода бесклассового родового общества, имеются лишь отдельные поговорки и пословицы, косвенно отражающие идеологию родовой общины. Например, у казаков сохранились поговорки: «у жесен руунмен» (можешь отразиться и умереть, но будь верен своему роду)¹, «ата намысы, ру намысын жырту» (каждый должен защищать честь своего рода), «ата малы болинбеген» (имущество рода не распределено), «айель ерден кетседе, елден кетпейди» (женщина может уйти от мужа, но должна остаться в роде—выйти замуж за другого члена рода) и т. д. Такие отдельные пословицы и поговорки, сохранившиеся в народной памяти, и отдельные пережитки периода родовой общины в быту населения (жылу, ат майы, ас и т. д.) дают нам полное основание говорить о существовании в далеком прошлом бесклассовых родовых общин и у казаков или их предков.

Более богатая устная народная литература (легенды, сказки, эпос и др.) сохранилась у казаков от периода разложения родового строя и формирования классового общества. Народные поэмы, воспевающие походы и подвиги различных батырей X—XIV столетий, относятся к тому периоду, когда отдельные, разбросанные мелкие родовые общины стали организовываться в племенные, более крупные родовые союзы, когда усилились межродовые войны с целью грабежа и покорения мелких родов крупными родами, когда стала особо выделяться роль тогдашних военных руководителей — различных батырей. В этой на-

¹ Смысловой перевод.

родной литературе уже достаточно ярко отражена идеология классового общества—воспеваются многоскотные бай, «мудрые» завоеватели и крупные стратеги — батыри и ханы, упоминается о придворных кулах (рабах), о бедноте, о ханских джигитах и т. д. Это уже не литература родового строя, и родоначальники в ней выступают не столько представителями родовых общин, сколько эксплуататорами и властелинами—господами родовых объединений. Классовые отношения и внутри рода стали уже настолько господствующими, что за власть, за влияние и за лучшие пастбища для скота борются и воюют между собою даже очень близкие родственники—бай, батыри из одного рода, иногда даже сыновья одного отца (хана, бая и др.).

В этот период в истории казаков (вернее — их предков) «органы родового строя постепенно отрываются от своих корней в парде, в роде, в фратрии, в племени, а все родовые общественные устройства превращаются в свою противоположность» (Энгельс). Остаются лишь различные формы родовой организации (деление по родам, родовые названия союзов, родовое землепользование и т. д.), но содержание их принимает уже классовый характер: все сохранившиеся родовые обычаи, традиции и другие пережитки приспособляются и используются родоначальниками (баями, биями, батырами) в своих классовых интересах.

Вместе с тем необходимо здесь особо подчеркнуть, что родовые пережитки в сознании казакских масс, управляемых по форме «родовыми», но по содержанию классовыми организациями (родовые бай, аксакалы, султаны и т. д.), в эпоху организации самостоятельного казакского ханства были настолько сильны и живучи, что эксплуатируемые казакские массы не только находились под влиянием родовых баев, биев и аксакалов, но в их лице массы видели тогда единственных защитников рода или подрода. Тут нельзя не вспомнить слова Энгельса о том, что «моральное влияние, унаследованное мировоззрение и мышление старой родовой эпохи еще долго передавались последующим поколениям, вымирая лишь мало-по-малу»¹. Правильность этого положения Энгельса целиком и полностью подтверждается и историей казаков. В дореволюционном казакском ауле, а отчасти и в послеоктябрьском кочевом и полукочевом ауле в сознании отсталых казакских масс жили взгляды и представления эпохи родового строя. Пользуясь этим, казакские бай очень часто умело обосновывали и устанавливали свое господство над своими сородичами-беднотой под видом защиты общих «родовых» интересов («родовая» борьба, родовое землепользование, саун и т. д.). Но все это далеко от преобладания родового строя в дореволюционном и особенно в современном казакском ауле. Сторонники «теории» родового строя в современном ауле, — в первую очередь казакские националисты (Букейханов — Байтурсунов) и горе-теоретики — Соколовские — Полочанские и т. п., утвер-

¹ «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 119.

ждая, что в ауле господствуют родовые отношения, лишь выполняют социальный заказ казакских баев.

Возражая против байской теории о господстве родовых отношений в ауле как в период казакского ханства, так и в период русского завоевания, а тем более в пореволюционное время, — мы ни в какой степени не хотим отрицать наличия пережитков родового строя в ауле и их влияния на казакские массы. Все дело, однако, в том, что эти пережитки родовой эпохи сохранили только свою прежнюю оболочку, форму и очень давно изменили свое прежнее «родовое» содержание. Возьмем любой пережиток родовой эпохи, сохранившийся по форме до нашего времени, познакомимся с ним поближе, и мы легко увидим, что этот пережиток уже давно приспособлен, давно и всецело подчинен интересам бая, аксакала, управителя и байского аткамнера и тому подобным эксплуататоров аульных масс.

Возникает вопрос: — почему эти родовые пережитки, если они уже давно приняли классовый характер, все же существовали в течение ряда столетий, а в ряде казакских районов в значительной степени существуют и теперь? Основная причина этого — сохранение кочевого образа жизни у казаков, что в свою очередь обусловлено соответствующими социально-экономическими и природно-географическими условиями. Правильность этого положения подтверждается примером ряда других кочевых народов Союза (киргизы, калмыки, туркмены, народности Севера), у которых тоже сохранились родовые пережитки, влияющие на развитие классового самосознания трудящихся масс в течение столетий.

Если поближе ознакомиться с историей, бытом и экономикой современных кочевых народов Советского союза, то у всех кочевников можно встретить, в основном, сходные экономические условия, классовые взаимоотношения и остатки родовых отношений. Это — не случайно: «бытие определяет сознание». Общность быта и условий жизни, сходство форм ведения хозяйства и т. п. определяют у этих народов более или менее одинаковый уровень культуры и классового самосознания трудящихся масс. Кочевой образ жизни, в частности — кочевая форма ведения экстенсивного, натурального скотоводческого хозяйства, в прошлом предполагали крайне редкое население на большом пространстве, существование разрозненных мелких родовых групп, обособленно занимавших большие территории. Каждая из этих групп представляла по отношению к другим особый мир, в каждом таком «мире» господствовали и руководили общественной жизнью «свои» бай и аксакал. Высшая власть (ханы, султаны и др.) проводили все свои мероприятия через этих мелкородовых баев-аксакалов, предоставляя им полную свободу в выборе приемов и методов господства над своими родовыми объединениями и их эксплуатация. Родовые бай, будучи в своей небольшой группе хозяйств единственной экономической и политически господствующей силой, в целях усиления своего господства и влияния над бедными родственниками и наибольшей их эксплуатации, старались использовать отсталые навыки, традиционные привязанности и

родовые предрассудки сородичей и свои классовые интересы выдавали за интересы всего рода.

Поясним это конкретным примером из недавнего прошлого казахского аула. В ауле часто происходила родовая борьба между казаками. В чем заключался классовый смысл этой борьбы? В том, что эта борьба организовывалась баями и в байских интересах. Дело заключалось обычно в том, что два крупных бая конкурировали между собой — боролись за власть, за сферу влияния, за лучшую землю. В эту борьбу они втягивали своих сородичей; каждый бай убеждал своих сородичей, что он (бай) борется с чужими баями как представитель и защитник интересов всего рода (или подрода), что его победа — победа всего рода, что его господство над другими родами — господство всего рода, всех сородичей. Бедные сородичи не могут не втягиваться в эту родовую борьбу, организуемую и возглавляемую баями, потому, что они крепко экономически и политически закабалены баями, потому, что без баев они не мыслят себе самостоятельной жизни, потому, что без байского руководства и «защиты» они и внутри, и вне рода беспомощны. Казахское мелкое родовое объединение — кочевой аул, живший целыми столетиями однообразной обособленной жизнью во власти родового бая и аксакала, связывавшийся с остальным миром только через баев и аксакалов, имевший в их лице постоянных единственных посетителей власти, единственных авторитетных хозяев аула, к которым обращаются все и свои, и чужие, — такой аул не мог быстро освободиться от пережитков родовых отношений. Именно при таких условиях «...моральное влияние, унаследованное мировоззрение и мышление старой родовой эпохи еще долго передавались последующим поколениям, вымирая лишь мало-помалу» (Энгельс). Разобщенность населения, замкнутость кочевого аула и обособленность его от остального мира, неограниченная авторитетная власть и господство бая над «своим» аулом, забитость и нужда казахских масс — вот благоприятные условия для сохранения пережитков родовых отношений в ауле.

До завоевания Казахстана русским империализмом казахский аул оставался в основном кочевым. В конце XIX века казахское хозяйство подвергается значительному изменению. Сокращается в связи с хищнической колонизацией площадь под кочевьями, в казахскую степь в гораздо большей степени начинает проникать торговый капитал, появляются рынки, денежное обращение, происходит товаризация казахского животноводства, значительная часть казаков переходит к земледелию, сенокосению, идет процесс оседания кочевников или уменьшения радиуса кочеваний, появляется отходничество и т. д., — все это не могло не изменить социально-экономического облика прежнего казахского аула, в частности — не могло не повлиять на сохранившиеся еще пережитки родовых отношений. В этот период родовые пережитки в значительной мере утрачивают прежнее место и влияние в жизни аула. Некоторые пережитки постепенно забываются, а другие приспособляются и видоизменяются баями применительно к новым условиям.

К моменту революции там, где аул оставался кочевым, где казакское население продолжало жить изолированно и разбросанно, вдали от рынков и железных дорог, где аульное хозяйство в значительной своей части сохранило натуральный характер, — в таких казахских районах пережитки патриархально-родового быта были еще сильны, и они, являясь по форме «родовыми», а по содержанию классовыми, продолжали быть одним из основных средств байской эксплуатации и господства в ауле. В северных же скотоводческо-земледельческих, оседлых и полукочевых районах стени пережитки родовых отношений постепенно изживались, их влияние на общественную жизнь аула ослабло, а некоторые из них совершенно утратили свое прежнее значение.

В своей книжке «О казахском ауле», на основе личного ознакомления и изучения жизни казаков Алмаатинского уезда, в частности Кастекской волости, я писал в 1927 г., что «родовые отношения и привязанность родственной связи особенно сильны в более мелких родовых отделениях (подрод, колено, хогаул и т. д.), и здесь байско-казакальское влияние имеет больше власти и авторитета, чем где бы то ни было, в таких родовых отделениях (или группах) больше родовой привязанности бедноты к «своему» баю, здесь же особенно прочно держится и господствует байская общественность, которая гласит: не выступай против своего родственника-бая, слушайся его, не разлагай родственных взаимоотношений, не вызывай своих сородичей (кем бы он ни был — бай, конокрад, взяточник — все это равно), будь в «сынтымаке» (мир) и т. д., иначе — ты «предатель», «бозылган». Чем род¹ или подрод (вернее — родственная группа хозяйства) малочисленнее (примерно 15—20 хозяйств), тем в этом роде или подроде и меньшее количество баев (самое большое 2-3). В таких мелких хозяйственных группах бай мало конкурируют между собой за сферу влияния в ауле, ибо 20—30 хозяйств не представляют в аульной действительности большой силы, и баям невыгодно раздроблять и без того незначительные силы. Родовое «единство» значительно усиливает такую мелкую группу; поэтому бай находят между собой общий язык и всегда стараются соблюдать единство своего рода или подрода. Чем больше хозяйств в роде или подроде (100—150—200 хозяйств), тем больше в них баев и аткамнеров (конечно, бывают исключения). Здесь бай и аткамнеры, как правило, не всегда находят между собой общий язык, зачастую среди них возникают разногласия, начинается борьба за первенство, за сферу влияния в роде или в целом административном ауле. Эта борьба между баями и проявляется часто в ауле в виде так называемой «родовой» борьбы.

¹ Нужно заметить, что понятия «род», «родовое», «происхождение из одного рода» — в казахских условиях очень растяжимы. «Род» может образоваться и из 10—15 хозяйств, и из 150—300 хозяйств, и из 1000—2000 хозяйств и т. д. Какого-либо определенно установленного предела нет. Все зависит от конкретной обстановки и степени влияния и господства того бая или аткамнера, который организует «род», вернее — родственную группу хозяйств под видом защиты интересов этой группы или «рода».

За годы революции, особенно в связи с проведением в казакском ауле ряда таких мероприятий, как передел севокосных и пахотных угодий, конфискации имущества баев-полуфеодалов, а в последние годы особенно в связи с коллективизацией бедняцко-средняцких хозяйств и ликвидацией байства как класса, очень многое изменилось в ауле, многие пережитки патриархально-родового быта уже потеряли, а другие продолжают быстро терять свое прежнее общественное значение. Теперь в ауле создается новый быт, господствуют новая общественность, новые производственные и общественные отношения. Но все же в кочевом и подкуточном ауле еще и в настоящее время имеют свое влияние некоторые пережитки родовых отношений, правда, — в меньшей степени, в меньших масштабах и зачастую в новых формах. Наибольшее влияние и теперь родовые пережитки имеют в мелких «родовых» объединениях (тоз, артель, хозаул и др.).

К сожалению, несмотря на сугубую актуальность проблемы, мы не имеем возможности подробно остановиться здесь на анализе различных форм влияния родовых пережитков в современных казакских колхозах (артелях, тозах). По существу, в этом влиянии родовых пережитков внутри колхоза — одна из главных особенностей казакского колхоза. Сегодня в колхозном казакском ауле уже нет прежнего всемогущего бая; он или давно раскудачен и выселен, или сам «обеднел», стал «тихим» и пробрался в колхоз, используя большей частью свое бывшее влияние и связи по «родовой» линии. И внутри колхоза бай уже не действует прежними методами. Ибо в новой обстановке, когда он лишен прежней своей экономической базы (саун, ат майны, угощения и т. д.) и политической власти, — прежние методы использования родовых пережитков уже не пригодны. Прииспосабливаясь к изменившемуся положению, разбитый, но еще не окончательно добитый бай находит новые формы и методы использования родовых пережитков. Теперь в колхозном ауле бай почти не проявляет себя открыто на глазах массы, как он это делал раньше, а действует исподтишка, втихомолку, тихой сапой, активизирует и выдвигает в «вождя» рода — колхоза не себя, а своего аткамнера — бедного родственника, ставшего влиятельным работником в ауле при советской власти. Частенько этот «советский» аткамнер выполняет социальный заказ бая — играет внутри колхоза роль «охранителя» и защитника интересов рода или подрода, старается завоевать себе авторитет и власть, используя родовые пережитки, уделяя большое внимание «своим» и т. д.

Конкретная критика основных положений „теории“ Байтурсунова

Обосновывая свою «теорию» о родовом строе в казакском ауле, Байтурсунов приводит в качестве основных доказательств сохранение родового землепользования, «сауи» (дача баями беднякам коров и кобыл), «конак асы» (обычай «обесплатного угощения всех»), «жылу» (сбор скота и денег всем родом родственнику, подвергнутому несчастью) и ряд

других обычаев, подтверждающих, по его мнению, наличие первобытно-родового коммунистического строя среди казаков.

Рассмотрим подробнее каждое отдельное положение «теории» Байтурсунова.

1. Родовое землепользование. Маркс в своем письме к В. Засулич отмечает, что «было бы ошибочно ставить все общины на одну доску; подобно геологическим образованиям, есть и в исторических образованиях ряд типов — первичных, вторичных, третичных и т. д.». Это замечание Маркса верно и в отношении казакской земельной общины. Несмотря на то, что казакская земельная община существовала в течение нескольких столетий, она в своем развитии принимает в разные периоды истории казаков различные формы и вместе с тем постепенно меняет свое первоначальное содержание. Нельзя сравнивать и отождествлять земельную общину чисто кочевого периода казаков с земельной общиной периода полукочевого образа жизни; точно так же нельзя отождествлять земельную общину оседлых казаков с земельной общиной полукочевых казаков. Что собою представляет земельная община чисто кочевого периода казаков? Казаки тогда занимались исключительно скотоводством, вели круглый год кочевой образ жизни, кочевали со скотом на огромном пространстве (в радиусе 500—1 000—2 000 километров), в этот период земля считалась «божьей», но определенные земельные площади занимались и закреплялись за отдельными казакскими родами. Тогда земельные границы, как таковые, еще не устанавливались; родовыми аксакалами, баями и султанами — определялись только основные кочевые пути тех или иных родов. Борьба между родами, возглавляемыми родовыми баями, велась за лучшее пастбище, за водопой. Размер рода, кочевавшего вместе на определенной территории и по определенному кочевому пути, колебался от 100 до 200—300 и более хозяйств (эти цифры о количестве хозяйств в родовой общине чисто кочевого периода, понятно, условны, приблизительны, — бывали родовые общины и с меньшим количеством хозяйств). В этот период размер и количество хозяйств в родовом объединении имели большое значение в борьбе за пастбище, за водопой, за кочевые пути и т. д. Очень часто количество хозяйств решало исход «родовой» борьбы. Большой род всегда одерживал победу над малыми родами. Поэтому вполне естественно, что каждая родовая община старалась иметь в своем составе как можно большее количество хозяйств.

Каковы были форма и порядок землепользования внутри общины? При кочевой форме ведения скотоводческого хозяйства индивидуальное землепользование (в общепринятом смысле) было невозможно и не соответствовало тогдашнему уровню производительных сил аула. Кочевое байское хозяйство в интересах охраны дальнейшего развития своего скота обязано было при себе иметь определенное количество хозяйств, — иначе, во-первых, оно лишалось бы конкретного объекта эксплуатации и, во-вторых, лишалось бы своей верной армии, защищающей его скот, пастбище и водопой от захвата чужими родовыми группами. Середняцкие и бедняцкие хозяйства, располагающие небольшим количеством скота, при

кочевом образе жизни тоже не могли иметь индивидуального землепользования. Захватное право в землепользовании, грабительские налеты, организуемые султанами, баями и батырями, превращение захваченных из чужих родов в рабов «крме»¹ или «консы»² и, наконец, политическая и экономическая зависимость казакских масс от султанов, бэев, аксакалов, — все это вынуждало бедняков и середняков «кооперироваться» в родовую земельную общину, возглавляемую и эксплуатируемую баем. Такова была экономическая база родовой земельной общины в период чисто-кочевого образа жизни.

Внутри рода скот находился в индивидуальной собственности. В родовой общине имелись различные по социальному положению группы хозяйств — многоскотный бай, малоскотный середняк и почти бесскотный бедняк и т. д.; поэтому в ней, конечно, не было и не могло быть одинакового землепользования. Фактическим хозяином общинной земли являлся бай. Не только вопрос землепользования, но и остальные вопросы аульной жизни разрешались тогда только баем. 70—80 процентов всего скота кочевой общины обычно находились в руках бая, лучшие пастбища, понятно, в первую очередь получал байский скот. Не случайно, что во всякой «родовой» борьбе за пастбища, за водопой, иной раз доходившей до убийства, бай всегда играл первую скрипку, — он организовывал борьбу и непосредственно руководил ею. Это вполне естественно, ибо лучшие пастбища, лучшие земли в первую очередь захватывались баями. В народных песнях, отображающих быт и социально-экономическую жизнь XIV—XV веков, говорится, что «долина Боксока принадлежала баю Тель-Агысу, долина Эдлия принадлежала баю Эдлию, долина Сакмара принадлежала баю Эдиге, Балачинские дуга принадлежали батырю Садаку, Алатау — батырю Ороку» и т. д. Как это нужно понимать, означает ли это феодальную собственность в общепринятом смысле этого слова? Являлись ли эти бай на самом деле индивидуальными владельцами этих земель? Нет. Бай не являлись собственниками этих земель, землями они и тогда пользовались «совместно» со своими сородичами-бедняками — всей родовой земельной общиной. Однако фактически в этой родовой общине землей распоряжались эти же бай — главари родовых групп. По их инициативе и под их руководством земли захватывались и закреплялись за родовыми общинами. Именно этот момент народный поэт отразил в поэме, говоря, что такие-то лучшие земли находились во владении таких-то знаменитых бэев, — поэт просто назвал вещи своими именами: несмотря на то, что долиной Боксока пользовались все члены рода во главе с баем Тель-Агысом, фактическим хозяином ее был бай Тель-Агыс.

В дальнейшем — завоевание российским империализмом и колонизация казакских степей, в связи с этим отбирание земель у казаков, переход большинства казаков к полукочевой форме ведения скотоводческого

¹ Крме — пришелец, полупрезрительное название казака, живущего с чужим родом.

² Консы — бедняки, живущие при байском хозяйстве и эксплуатируемые баем.

хозяйства, организация кстау (зимовок), сенокосения и подсобного земледелия (в ряде северных районов — товарного земледелия), появление рынка, обмена, товарно-денежного обращения и т. д., — все это не могло не внести соответствующих изменений в прежнюю казакскую родовую общину. За этот период, в особенности — к моменту революции, прежняя родовая земельная община мельчает, раздробляется на более мелкие хозаульные общины. Но этим еще не ликвидируется прежняя родовая земельная община¹, она продолжает существовать и в мелких хозаулах, распространяя свое общинно-родовое право на пользование джайлау (летними), коктеу (весенними) и куздеу (осенними) пастбищами; призимовочная территория переходит в пользование каждого хозаула. При полукочевом образе жизни, при переходе к земледелию и сенокосению центр социально-экономической жизни прежней родовой земельной общины переходит в хозаул. Для скотоводческо-земледельческих хозяйств теперь становятся решающими пахотные и сенокосные (призимовочные) угодья.

Тут нужно оговориться, что хозаулы были разные. Хозаул в северных скотоводческо-земледельческих районах Казахстана приближается к русской деревне, — в хозауле этих районов, как правило, насчитывалось от 25 до 100 хозяйств. Эта хозаульная община по постоянству своего поселения, порядку землепользования и т. п. приближается к русской сельской общине. В первой стадии образования хозаульной общины из общего фонда земли выделялись общие пахотные и сенокосные угодья. Сенокосные угодья ежегодно переделались, а пахотные земли были сосредоточены в одном месте; там каждый засеивал себе такой участок, какой находил подходящим для себя. Дальнейшая эволюция этой общины заключалась в переходе и пахотных, и сенокосных угодий в подворно-наследственное пользование; в общинном же пользовании остались лишь призимовочные пастбищные угодья и дальние джайлау и куздеу (весенние пастбища в этих районах совпадали с джайлау).

Хозаул в южных полукочевых районах во многом отличается от хозаула северных районов. В южных хозаулах количество хозяйств, как правило, не превышает 2—5 хозяйств. В дореволюционное время здесь имел место двоякий порядок землепользования. В ряде районов из таких мелких хозаулов образовались более крупные аульные общины (в 40—50—60 хозяйств), которые пользовались общими пахотными и сенокосными угодьями. Последние ежегодно переделались, а пахотные или тоже переделались, или находились в подворно-наследственном пользовании. Во многих южных районах хозаул представлял собою большую семью (отец с сыновьями или бай с «консы» — бедняками, живущими на байской земле), имевшую в подворно-наследственном пользовании и пахотные, и сенокосные угодья. Летние, весенние и осенние пастбища оставались в общем пользовании отдельных административных аулов, иногда — нескольких административных аулов.

¹ Очень часто эта родовая земельная община в последующем совпадала с тем называемым «аульным обществом».

В чисто кочевых скотоводческих районах (Адай, Балхаш и др.) в основном сохранились старые родовые земельные общины. Кочевые пути, водопой, пастбище — попрежнему решали здесь судьбу тех или иных родовых общин.

Все сказанное здесь о хозаулах характеризует основные, наиболее распространенные типы казакских общин. В действительности же, особенно в дореволюционное время, казакские земельные общины были так разнообразны, что даже внутри одной бывшей волости одновременно уживались три-четыре различных формы землепользования как внутри административных аулов, так и внутри хозаульных общин.

Кызыл-Кумские кочевники

Что собою представлял хозаул, — являлся ли он продуктом дальнейшей феодализации казакского аула (как это утверждает т. Асфендияров) или продуктом сращивания феодальных и капиталистических форм в ауле, — на этом вопросе мы не будем здесь останавливаться, к нему мы вернемся в дальнейших главах нашей работы. Здесь важно установить, что во всех формах земельных общин ханских времен, периода колонизации и дореволюционного времени уравнилельного, одинакового для всех сородичей землепользования не было. При господстве байства, при наличии частно-собственнических хозяйств, при огромных различиях в имущественном положении членов родовой (по форме) общины и не могло быть одинакового землепользования. Кто господствовал, кто обладал экономиче-

ской и политической властью, тот в общине захватывал и лучшие пастбища, лучшие пахотные и сенокосные угодья, лучшие кстауные (приимочные) земли. Даже там, где применялся ежегодный «шаныракский» передел сенокосных угодий, и там бай получал больше всех и самые лучшие угодья. Ибо, как известно, бай и своего двухлетнего сына записывал в «шанырак» — за него получал тоже долю; во-вторых, баю, как почетному, уважаемому человеку в общине, всегда выделялся «особый пай» (силлук) — сверх всякой нормы.

Такова была действительная природа той называемой казакской родовой общины! Еще со времен ханов в общине господствовали бай. Нельзя не вспомнить опять слова Ф. Энгельса о том, что «там, где уцелел древний общинный быт, он всюду, от Индии до России, служил целые тысячелетия основанием самых грубых государственных форм восточного деспотизма». И казакская земельная община, внешне сохранявшая общинно-родовую форму (правда, значительно измененную в течение столетий), служила основанием для казакского варианта самых жесточких форм восточного деспотизма. Байтурсуновы и их сторонники, приводящие «родовое» землепользование в качестве одного из основных доводов правильности своей «теории» о господстве родовых, надклассовых интересов в ауле, как верные байские слуги защищают интересы казакского байства, прикрывают их несуществующими «родовыми интересами», всячески стараются оправдать и реставрировать байское господство в ауле.

2. «Саун» (дача коров, кобыл, коз и т. д. для временного пользования их молоком). По мнению Байтурсунова и его сторонников, «саун» представляет собой бесплатную помощь бая своим «сородичам» — беднякам. Такое утверждение о «саун» — от начала до конца байское. Именно бай, давая «саун», всегда считал его «бесплатной даровой помощью»; бай говорил, что молоко своей коровы (кобылы, козы) он не продает за деньги, а дает «даром» своему «сородичу», входя в его бедственное положение. В действительности же казакский «саун» далеко не является «даровой помощью» бая, а, наоборот, всегда был орудием байской эксплуатации и закабаления казакской бедноты. «Саун» баям давался именно в целях усиления зависимости бедняка от бая, в целях укрепления господства бая над бедняком. За «бесплатный» «саун» бая — бесплатный труд бедняка, — вот в чем экономический секрет этой «даровой», «бесплатной» байской помощи!

Бай дает «саун» только таким беднякам, которые идут к нему в кабалу, в экономическое рабство; казакская беднота была вынуждена идти в кабалу, потому что у нее не было скота, основного средства существования. Бедняк, получивший «саун» от бая, очень редко освобождается от последнего. Он вечно остается зависимым от бая, он обязан за «саун» «слушать» бая, исполнять его приказания. Бай использует бедняка, получившего «саун» главным образом в качестве бесплатной рабочей силы: посылает на сенокосы, на кузет (ночная пастба лошадей), в лес за дровами и т. д. За выполнение всякой такой непредвиденной работы в байском хозяйстве бедняк, получивший «саун», никогда не получает

никакой платы от бая. Он все делает за «саун». Непредвиденная работа в байском хозяйстве всегда находится, так что и бедняк, получивший «саун», должен быть всегда наготове. В казакском ауле, в особенности в кочевых районах, было немало случаев, когда многие бай вели свое хозяйство исключительно бесплатным, даровым трудом своих сородичей-«саунщиков».

Распространено мнение, что бай давал «саун» только сородичам. Это — не совсем так. В ханский период, когда казакское хозяйство оставалось еще натуральным, бай давал «саун» ближайшим сородичам или приютившимся в байском ауле беднякам (кюсы, крме и т. д.). Султаны давали «саун» своим тюленгутам¹. В дореволюционный период, когда казакское хозяйство превратилось уже в товарное хозяйство, когда появилось сенокосение, земледелие, деньги, отходничество и т. д., — в этот период «саун» переходит границы «рода» или хозаула. «Саун» дается баем теперь не только «своим» или «приютившимся» у него беднякам, но беднякам других родов, других аулов, короче говоря, — всем, но обязательно с целью закабаления и эксплуатации.

Таким образом, кому бы ни давался «саун», он не был даровым, а всегда являлся орудием эксплуатации и усиливал власть бая над беднотой.

3. «Жылу». В дореволюционном ауле «жылу» не являлась распространенным, массовым явлением, но тем не менее она заслуживает внимания. Те данные, которыми мы располагаем, позволяют думать, что казакская «жылу» впервые появляется в период разложения родового общества. Первоначально «жылу», по всей вероятности, являлась действительно общественной помощью всей общины или рода тому сородичу (члену рода), которого постигло какое-либо несчастье (угон или падеж скота, пожар и т. д.). Старинное назначение «жылу» — путем сбора скота восстановить разрушенное хозяйство сородича. Когда члены рода «отличались друг от друга богатством лишь в ничтожной степени» (Ф. Энгельс), каждому члену рода в случае несчастья в его хозяйстве оказывалась всеми остальными сородичами соответствующая помощь скотом для восстановления хозяйства, для подтягивания имущественного положения родственника до уровня остальных членов рода.

По данным Моргана, который по определению Ф. Энгельса «открыл и восстановил в главных чертах доисторическую основу всей нашей писанной истории», известно, что родовая помощь члену рода в случае несчастья в его хозяйстве оказывалась всем родом, всеми членами рода; казакская «жылу» в своей первоначальной форме напоминает эту индийскую общинную помощь. Но в последующем, особенно в дореволюционный период, «жылу» видоизменяется, искажается и становится одним из завуалированных методов байской эксплуатации в ауле.

В более позднее время «жылу» практиковалась в казакском быту в различных формах. Типичная форма «жылу», которая в прошлом явля-

¹ Тюленгуты — крепостные, султанские рабы.

зась наиболее распространенной. — собрание «жылу» при несчастии, постигшем то или иное хозяйство хозяина или общины. «жылу» соби-
ралась не только скотом (как имело место раньше), но и деньгами, даже
продуктами. Особенно характерно то, что «жылу» позднейшего времени
дифференцируется — размер и качество взносов определяются в зависимо-
сти от того, кто именно получает «жылу». Когда «жылу» собирается бед-
няку, то, во-первых, ему не все дают, а во-вторых, если дают, то в самом
ничтожном размере и самого низкого качества (продукты, скот и т. д.).
Такая «жылу» (бедняку) носит характер подаяния, милостыни. При этом
казакский бай свою подаянку обязательно зачитывает в «зьякет» (отчисле-
ние из его имущества в пользу мулл, нищих и т. п., следуемое по ша-
риату). Таким образом бай очень дешево и одновременно отделяется от
выполнения двух обязанностей — «божьей» и «родовой»! Совершенно
другой — и по качеству, и по размерам — характер приобретает «жы-
лу», когда она собирается баю. Во-первых, ему все дают, потому что от
бая все зависимо, в его руках власть в ауле. Во-вторых, баю не подобает
давать подаянку, ему дают деньгами и скотом в солидных размерах и хоро-
шего качества. Паршивую козу или телку баю не дашь, он тебе — не
«бедняк, ничего нестоящий» («кунныз кедей»)! Баю дают отборный скот
и не конейки, а десятки и сотни рублей. В обоих случаях внешняя форма
«жылу» одна и та же, но содержание, размер и характер «жылу» — со-
вершенно разные. Когда «жылу» собирается баю, то количество перехо-
дит в качество. Немало бывало таких случаев, что в результате «жылу»
(или другой помощи) бай, если он влиятельный, власть имущий, после
«несчастья» еще больше разбогатеет; баю и несчастье — на пользу!

Всекие «немеуруны» (материальное участие сородичей или друзей в
оплате калыма за невесту), «аска мал косу» (материальное участие в ор-
ганизации поминок), «уме» и другие виды помощи — все они являются
искаженными, измененными видами вышеописанной «жылу». Все они к
моменту революции постепенно изживались, а там, где еще сохрани-
лись, — уже давно успели принять классовый характер.

Таким образом «жылу» — вчерашняя общинно-родовая помощь —
в классовом обществе, при господстве баев, превращается в свою противо-
положность. Таков закон развития классового общества. При всякой клас-
совой формации господствующий класс всегда приспособлял и подчинял
своим классовым интересам все, что ему выгодно. Кто мог помешать гос-
подствовавшим в ауле баям «в рамках традиции нарушать традицию, ко-
гда непосредственный (их классовый — Г. Т.) интерес служит для этого
достаточным побуждением»? (Маркс).

4. «Гостеприимство и бесплатное угощение». Как известно, у каждо-
го народа имеются свои традиционные обычаи и бытовые особенности. Ви-
доизменяясь по содержанию и форме, они могут сохраняться в течение ря-
да столетий. Все эти обычаи и бытовые особенности — продукт опреде-
ленной социально-экономической формации. В классовом обществе они
всегда приспособляются и подчиняются интересам господствующего
класса. Казакский обычай гостеприимства — тоже один из традицион-

ных обычаев, сохранившийся в быту казаков в течение ряда столетий в измененном виде, приспособленном к интересам господствовавшего казакского байства.

Первоначальная форма казакского гостеприимства, как и «жылу», не имела классового характера. В бесклассовом, патриархально-родовом строе, при натуральном хозяйстве, даже в период разложения родовых общин, гостеприимство было делом чести и славы каждого хозяина, оно не имело общественно-принудительного характера. «Правом гостя» (мейман акы) пользовались все — и знакомые, и незнакомые. Само слово «конак акы» (доля гостя) означает, что по воззрению тогдашнего казакского общества в каждом индивидуальном хозяйстве имелась «доля гостя».

В последующем, с появлением значительных имущественных различий внутри аула, с выделением баев и бедняков, эксплуататоров и эксплуатируемых, — и этот замечательный обычай патриархально-родового строя подвергается соответствующему изменению, господствующий класс баев вносит в этот обычай свои «поправки». Старый патриархальный обычай приспособливается теперь к классовым интересам байской верхушки. Первая существенная байская поправка заключалась в том, что в классовом обществе «право гостя» было дифференцировано, прежнее одинаковое «гостевое право» было отменено. Гости — разные, и поэтому угощение тоже должно быть разным. Хотя по форме «право гостя» сохранилось до наших времен, но содержание и распространение общественного влияния этого института давно изменилось и дифференцировалось. Прежнее равное для всех право гостя теперь узурпируется баями. По байскому толкованию и применению, «право гостя» в предреволюционный период заключалось в том, что каждый хозяин обязан был принимать и беслатно угощать баев, «лучших людей народа», как они себя называли, а простых смертных принимать в качестве гостей стало необязательным. Байам же не только отказать, но и проявить к ним какую-либо невнимательность при угощении ни один хозяин не имеет права. Отказ в приеме гостя — бая, аксакала или султана — строго осуждается байской общественностью. И не только осуждается, но при соответствующем иске обиженного «гостя» виновный карается байским судом за нарушение казакского дедовского обычая, за оскорбление и унижение чести и достоинства бая, аксакала или султана. В XIX веке (отчасти в начале XX века) среди казаков нередко были случаи, когда бедняки или середняки не только за отказ, но и за невнимательное отношение, за неудовлетворительное угощение тех или иных власть имущих баев по требованию последних наказывались «своими» же баями и аксакалами («сородичами» невнимательных бедняков) и согласно решениям аксакальских судов платили «обиженным», «востерпевшим» баям «айып» (штраф). По своим размерам «айып» иногда доходил до 9 голов скота. Общепринятым «стандартным» размером всякого «айыпа» являлась одна хорошая лошадь и халат («ат шапан айып», т. е. айып равняется лошади плюс халат).

Одно время Байтурсуновы и их союзники, русские вредители — Швецовы и т. п. — пытались доказать, что большая часть доходов баев

Kazakh-Kazak

идет якобы «на бесплатное угощение по обычаю казаков». Это — ложь. Бай угощал не всех. Если он давал «угощения» беднякам и середнякам, то главным образом таким, которые слушались его, поддерживали его в борьбе с другими баями за влияние, за власть и за большее ограбление казакских трудящихся. «Угощения» баев—один из угощенных методов эксплуатации и усиления авторитета и влияния баев на казакские массы.

Вот, например, казакский «ас». Как правило, «ас» организуется только баями. Бай приглашает на «ас» большое количество людей из различных административных аулов, из других волостей и уездов. В чем классовый смысл «аса»? Какую цель преследует бай, организовав «ас»? Формальный повод для «аса»—поминок умершего влиятельного бая или аксакала «всем народом» и «всенародная» молитва об освобождении умершего от всех земных грехов. Но это — только повод. Существо и смысл «аса» не в этом. В организации «аса» заинтересован не покойный бай, а оставшиеся живые бай—сыновья и братья умершего. Классовое существо «аса» заключается в том, что он нужен и полезен живым баям для усиления и поднятия их авторитета в глазах масс, для сбора от сородичей и друзей скота и денег под видом организации «аса». Возьмите любой «ас» какого угодно бая, проверьте приход и расход, связанные с этим «асом», и обязательно убедитесь в том, что и после «аса» бай все же остался с прибылью. А какой политический капитал нажил бай, сколько завербовал себе сторонников и новых друзей, благодаря «асу»,—всему этому счета нет. Между тем, это самая главная сторона дела, основная задача «аса».

5. Знание «родословной» у казаков. Нам остается разобрать еще один довод сторонников теории «родового строя в ауле», это—о «знании родословной у казаков». Один из сторонников этой «теории»—Соколовский, доказывая наличие господства родовых отношений в ауле, безапелляционно утверждает, что «у казаков..., как правило, любой десятилетний мальчишка знает имя не только своего деда и прадеда, т. е. предков на третьем, четвертом поколении вверх, но даже имя прадеда, стоящего на шестом, седьмом, а то и выше поколении»¹. То же самое утверждает и Кушнер: «Скотовод тщательно ведет родословную, с громадным презрением относясь к тем людям, которые не могут перечислить по крайней мере пять своих предыдущих поколений и всех боковых родственников»².

Вот это — так, действительно, «научный подход»!

К великому, однако, огорчению Соколовского и Кушнера, мы смеем утверждать, что не только «любой десятилетний казакский мальчик», но многие взрослые казаки-скотоводы, как правило, не знают своих прадедов до шести-восьми колен и не ведут своей родословной. Верно, что имена своих предков тщательно изучают и запоминают бай и аткам-

¹ «Казакский аул», стр. 7.

² «Манастовство в Горной Киргизии», «Революционный Восток» № 2, 1937 г.

неры, — это имеет свою классовую подоплеку. Бай и аткамнер, прикрываясь всякими пережитками родовых отношений, стараются казаться верными продолжателями старой родовой традиции. Эту свою роль бай и аткамнер усиленно подчеркивают при каждом удобном случае — в гостях, на сходе, на тое¹ и т. д., тем самым они организуют общественность вокруг себя, как защитников интересов и традиций своих «предков», и славятся знатоками истории своего рода. Знанием имен предков бай и аткамнеры всегда выделялись из остальной массы казаков, и это было своего рода «культурой»: знатоки «предков», как правило, считались в ауле культурными, сведущими лицами. Часто у каждого из этих «знатоков» имелся свой вариант, свои изменения и дополнения к списку «имен предков». На этот счет у казаков есть очень характерная поговорка: «Если казак захочет, то он и чурчута (китайца) сдзает своим родственником».

Даже и теперь бай-аткамнер при первой же встрече, особенно если он встречается с каким-нибудь ответработником, обязательно каким-либо путем узнает, из какого рода тот происходит. Если название рода имеет хоть какое-либо, хотя бы косвенное отношение к его роду, к его предку хотя бы на сотом колене, бай обязательно постарается внушить встреченному, что он — «свой» человек, родственник и т. д. Все это нужно ему для того, чтобы потом использовать эту «родственную близость» в своих классовых интересах.

На роль этих родословных в свое время указывал и Маркс. Он говорил, что «эта родословная связь забылась с появлением единобрачного семейства. Память о ней сохранилась лишь в общем наименовании рода и в внушительном древе, перед которым родословие одного семейства кажется весьма мизерным. Ученые филистеры заключили и до сих пор заключают, что это фантастическое родословное древо создало действительный род»².

Эти слова Маркса прямо адресованы некоторым современным «знатокам» казакского аула. В самом деле, и среди казаков многое из того «родословного», о котором на разные варианты говорят бай и аткамнеры, — это, ведь, тоже миф, который никакого реального родового строя в ауле не представляет. Но этот миф в головах наших филистеров, вроде Дыко, Соколовского и других, создает большую путаницу; по уверению Соколовского — «...он представляет такой необычайно запутанный клубок, распутать который — очень сложная задача»³. В самом деле, распутать «запутанный клубок родовых отношений в ауле» при всем старании Соколовские не в силах. Ибо «клубок родовых отношений» можно распутать, только применяя научный метод диалектического материализма. Всякие иные методы не годны для этого.

¹ Той — народный праздник, народное развлечение.

² Цит. по Ф. Энгельсу, «Происхождение семьи, частной собственности и государства», стр. 35.

³ В. Соколовский, «Казакский аул», стр. 12.

Выводы

Резюмируем наши основные выводы о родовых отношениях в ауле.

1) В истории казаков исчерпывающие и конкретные данные о родовом бесклассовом обществе не сохранились. В каких именно периодах существовал родовой бесклассовый строй у казаков или у их предков — об этом нет никаких данных. В устной народной литературе имеются отдельные отрывочные и косвенные сведения о существовании в отдаленном прошлом родовых общин, которые жили замкнуто, изолированно друг от друга, пользовались имуществом и питанием из общих запасов, совместно защищались, соблюдали родовую месть и т. д. Отдельные пережитки родового строя, сохранившиеся среди казаков, правда, в значительно измененной и искаженной форме, до революции и отчасти до настоящего времени (родовая взаимопомощь — «жылу», «ас», «немеурен», «уме», «общинное землепользование», «родовая борьба» и т. п.) подтверждают это положение. Писанная история казаков начинается с периода разложения родового и образования классового общества. В период нашествия монголов, господства ханства «Золотой орды» и в последующем самостоятельном казанском ханстве (XV век) экономические основы прежних родовых обществ были уже окончательно подорваны. В это время основные средства производства и, в первую очередь, скот находились в частной собственности индивидуальных хозяйств; появилась семья, классовое неравенство — деление общества на богатых и бедных; как неизбежный естественный исторический процесс, из всего этого вытекало и образование ханской власти.

2) Пережитки родового строя, в той или иной форме сохранившиеся до наших времен, давно перестали отвечать интересам всего рода или подрода, — они лишь сохранили внешнюю родовую оболочку (форму), а по содержанию давно стали в руках кучки казакских баев и аксакалов классовыми орудиями угнетения и закабаления казакских масс. К моменту революции в казакском ауле сохранились такие родовые пережитки, которые своим существованием не только не противоречили интересам господствовавших тогда полуфеодалов-баев и русской буржуазии, но способствовали и помогали последним еще больше закабалить казакские массы. Родовое землепользование, «ас», «жылу», «сауя», «родовое управление» и т. д., — все эти видоизмененные и искаженные пережитки родовых отношений являлись замаскированными формами классовой эксплуатации забытых, отсталых казакских масс до стороны баев, аксакалов, атаманеров и т. п.

3) Живучесть некоторых пережитков родовых отношений среди казаков, в особенности — в кочевых и полукочевых районах, объясняется специфическими условиями последних. Разобщенность населения, замкнутость и обособленность кочевого аула от остального мира, экстенсивное полунатуральное скотоводческое хозяйство, неограниченное влияние, авторитет и господство бая над своим аулом, вековая забытость и нужда

казакских масс, — вот чем конкретно обуславливалось существование различных пережитков родовых отношений в ауле.

4) Сторонники теории родового строя в ауле — Байтурсунов, Букейханов, Соколовский, Полочанский и др. — выполняют социальный заказ родовых полуфеодалов-баев. Казакские баи всегда старались и стараются выдавать свои классовые интересы за общеродовые интересы. Так называемая родовая борьба, родовое землепользование и т. п. — форма байской эксплуатации на практике, а высказывания Байтурсуновых и Соколовских о господстве родовых отношений в ауле есть уточненная форма апологии байской эксплуатации в теории.

5) Исторически неправдива, теоретически и политически вредна точка зрения гг. Рыскулова и Федорова, утверждающая, что до русского завоевания в казакской степи якобы существовал патриархально-родовой строй, и что аксакалы, баи не являлись эксплуататорами, а представляли и защищали интересы всего рода и т. д. В этом отношении установки гг. Рыскулова и Федорова совпадают с установками буржуазных историков и экономистов, вроде Румянцева, Дмитриева, Палена и др. В более позднее время эта установка была подхвачена казакскими националистами, в частности — автором книжки «Очерк из истории казакского народа», известным националистом К. Коменгеровым.

В конечном счете, «теория» о господстве родовых отношений среди казаков до русского завоевания — недоносек байтурсуновской и букейхановской «теории» о том, что только, мол, русские разрушили справедливый родовой строй и беспечную счастливую жизнь казаков, управлявшихся мудрыми и справедливыми ханами, султанами, биями.

Своим утверждением о господстве родового строя до русского завоевания гг. Рыскулов и Федоров повторяют зады казакских националистов и вместе с ними, сами того не сознавая, оправдывают эксплуатацию и господство казакских ханов, султанов и родовых феодалов над казакскими массами.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О КАЗАКСКОМ ФЕОДАЛИЗМЕ

Об отрицании казахского феодализма

История казахского ханства есть история казахского феодализма.

В казахской народной литературе, дошедшей до наших времен в виде народного эпоса, былии, рапсодий, сказок и поговорок, — можно найти богатый фактический материал, характеризующий классовые отношения среди казаков в ханский период и неопровержимо доказывающий существование феодализма в казахской степи.

Однако, несмотря на наличие таких данных, все же вопрос о казахском феодализме до сего времени не разработан. В исторической литературе существуют различные точки зрения на этот вопрос.

Сторонники теории родового строя в ауле, отрицающие вообще наличие классовой борьбы в ауле, вполне последовательно отрицают и существование казахского феодализма (Байтурсунов, Кушнер и др.). Имеется немало и таких исследователей, которые, признавая так или иначе классовую борьбу среди казаков, все же отрицают историческое существование феодализма у казахского народа или признают его с большой оговоркой; они считают, что в ауле существовали лишь зародыши, зачатки феодализма, потом окончательно ликвидированные царской властью. Эта точка зрения наиболее четко выражена в трудах Чулошникова, Румянцев и др. В своей книжке «Киргизский народ в прошлом и настоящем» Румянцев утверждает, что «ко времени вступления киргиз в русское подданство у них наблюдалось полное господство патриархально-родового строя. Наблюдалась зачатки феодальных отношений... но условия жизни и хозяйства киргиз не благоприятствовали развитию феодализма». В этом же духе более подробно пишет и Чулошников: «Не может вызывать никаких сомнений утверждение, что в основе всего социального и правового строя тогдашнего казачьего-киргизского союза, как единого национального целого, лежало именно родовое начало, совершенно еще нетронутое никакими другими отношениями». Далее, доказывая бессилие ханской власти и наличие только «зачатков феодализма, далее не развившегося», Чулошников утверждает: «Действительно, все, что нам известно о первых казахских ханах, рисует их очень слабыми в политическом отношении, если не сказать уже больше — совершенно бессильными, находящимися всецело во власти народа, который действовал совершенно самостоятельно под водительством ближайших своих правителей из числа родовых старейшин».

Ханская власть никогда не принимала здесь той деспотической формы, которая была ей свойственна у других азиатских народов»¹.

Итак, по мнению этих историков, казакские ханы были бессильны, зависимы от народа, их власть никогда не принимала деспотической формы, до русского завоевания (до середины XVIII века) среди казаков были только зачатки феодализма, далее не развившиеся.

По стопам этих буржуазных историков слепо идет и Рыскулов. В своей книжке «Казакстан» он говорит: «Казакские ханы были ограничены волей народных собраний, и наметившиеся незначительные зачатки феодализма так и не развились ввиду кочевых условий жизни казакского народа. В связи с усилением колонизации степей и внедрением торгового капитала не только идет полным ходом разложение родового строя, но окончательно ликвидируются первоначальные зачатки феодальных моментов в казакской жизни»².

Эту свою насквозь идеалистическую точку зрения Рыскулов пытался более «научно» обосновать в своем выступлении по моему докладу «О казакском феодализме» на заседании казакской кафедры при КУТВ в 1933 г. Приведем некоторые выдержки из этого выступления г. Рыскулова: «По поводу казакского феодализма я хочу сказать следующее: во всех трудах основоположников марксизма такого определения, что феодализм имел место среди чисто кочевых народов, я нигде не встречал. Шел спор насчет феодализма в Китае и Индии. Отрицавшие его были неправы. Прав был Ленин, который более точно определил феодальные моменты в Китае и Индии; действительно, там мы встречали все признаки этого феодализма... Но я не слышал по поводу кочевых народов, чтобы говорилось о феодальных моментах среди них. В труде Энгельса «О происхождении семьи, частной собственности и государства» дается характеристика родового строя. Там, например, специально говорится насчет азиатских кочевых народов, которые приучили диких животных, стали разводить их домашним путем, а потом добывать молоко, мясо, даже сбывать их между племенами, но эти отношения рассматриваются, как родовой строй... Казакстан нельзя сравнивать с Индией и Китаем. Казакские роды двигались с одного места на другое, подталкиваемые движением других племен. Потом началась колонизация, забрали у казаков лучшие пастбища, под действием русского завоевания совершался форменный переворот, который особенно усилился после проведения железной дороги. Если г. Тогжанов берет период до завоевания русскими, то тогда был родовой строй... Деления на сословия и феодальной иерархии в казакском обществе того периода не было. В отличие от западно-европейских и русских феодалов, ханы избирались не просто собранием особо выбранных лиц (например, собрание бояр в России), а избирались так, что большинство народа участвовало в этих собраниях. Этого факта смазывать не нужно. На бе-

¹ А. Чулошников, «Очерки по истории казакского народа», изд. 1924 г., стр. 200, 203, 215 и 216.

² Рыскулов, «Казакстан», стр. 25—26 и 28.

зую кошму поднимали при всем народе избранного в главы и того, кого не поднимали, того ханом не признавали. Эти ханы и султаны, эти феодальные зачатки были надстройкой, но экономических предпосылок к углублению имевшихся некоторых признаков феодализма было мало, поэтому эти зачатки феодальных моментов среди казаков так и упразднились... Тов. Тагжанов говорит, что Джангыр собирал подати натурой, скотом со всего казакского населения, стремясь это отождествить с средневековым русским или европейским феодалом, неужели он все съедал сам? Для себя у него уходило немного, он имел много и своего скота... Члены одного рода считались по родовому обычаю равными, и, как бы родоначальник ни был силен, часто обиженный член рода находил защиту у большинства рода. Поэтому из своего рода рабов не было, а в русском хозяйстве были. Вот из владений боярина или помещика, гдеделы, отцы господствовали, закладывали и продавали крепостных; а у казаков во главе стоит родоначальник, который покоряет соседний род, из него пленных брали, но из своего рода не имел права обращать лиц в рабство. Пленных этих мучили, но их много не было, потому что не интересно было тогда много пленных возить, ибо их нужно было посадить на лошадей и кочевать вместе... Тюленгутов нельзя сравнивать с крепостными, которые сизят на земле, имеют свои наделы и дают добавочные продукты феодалу. Тюленгуты не были заняты на производстве, причем их было немного, поэтому придавать им производственное значение не приходится».

Короче говоря, и по мнению т. Рыскулова до русского завоевания (до середины XVIII века) среди казаков господствовал родовой строй. Ввиду кочевых условий незначительные зачатки феодализма не развивались и после русского завоевания окончательно ликвидировались. Казакский хан в отличие от русских царей избирался всем народом. Члены рода были равными, султаны и родоначальники эксплуатировали только пленных, захваченных из чужого рода, причем этих пленных (тюленгутов) нельзя сравнивать с крепостными — они не были заняты на производстве. У ханов и родоначальников было много своего скота и хватало им, они не нуждались в сборе податей, дани и т. д. Таковы основные доводы т. Рыскулова, отрицающие существование казакского феодализма.

Во всех этих рассуждениях т. Рыскулова поражает слепая вера буржуазным историкам, политическая близорукость и теоретическая беспомощность в понимании вопросов классовых отношений. Что стоит одно утверждение о том, что «у казакских ханов, султанов и родоначальников было много своего скота, зачем, мол, им эксплуатировать и собирать скот у других скотоводов»? Или рассуждение о том, что «в отличие от европейских феодалов и русских царей казакские ханы избирались всем народом»? Считая это одним из своих главных доводов, т. Рыскулов особо подчеркивает, что «смазывать это не нужно». Тут, конечно, комментарий излишен.

В дальнейшем мы еще вернемся к критике отдельных положений цитированных авторов. Здесь необходимо особо отметить, что такая точка

зрения — отрицание существования казакского феодализма — в нашей историко-экономической литературе до последнего времени являлась наиболее распространенной, и многими авторами-исследователями, в особенности дореволюционного периода, она принималась, как неоспоримая. Поэтому не случайно, что во всей многочисленной литературе о казаках очень редко встречается хотя бы косвенное утверждение о существовании среди казаков феодализма, как определенного этапа в истории развития казакского народа.

В этом отношении исключения составляют т. Асфендияров и отчасти т. Федоров. В данном случае я имею в виду статьи т. Федорова — «Исторический, критико-библиографический и политико-экономический очерк Казакстана» (справочник «Весь Казакстан», 1932 г.), «О конкретном содержании формулы: от докапиталистических отношений к социализму, минуя капитализм, в Казакстане» (журнал «Большевик Казакстана» №№ 1 и 2, 1933 г.) и статью т. Асфендиярова «По поводу статьи «Исторический очерк Казакстана» («Большевик Казакстана» № 6, 1932 г.), дающую критику ошибок т. Федорова. Несмотря на наличие ряда ошибок у т. Федорова и некоторых спорных положений в вопросе о казакском феодализме у т. Асфендиярова (о них позже), все же заслуга этих товарищей состоит в том, что они впервые в нашей марксистской литературе в более или менее развернутом виде подняли вопрос о казакском феодализме. Однако полного и всестороннего марксистского освещения этого вопроса они также не дали. Да едва ли и возможно сделать это в журнальных статьях.

Не претендуя на полное и всестороннее освещение до сих пор еще мало изученной проблемы казакского феодализма, мы все же хотим здесь попытаться восстановить основные этапы развития и наиболее характерные черты феодальных методов эксплуатации в период казакского ханства.

Феодализм или „ликвидированные зачатки“ феодализма?

В первой главе нашей книги мы установили, что в период нашествия монголов, господства ханов «Золотой Орды» и последующего образования самостоятельного казакского ханства (XV век) экономические основы прежних родовых обществ были уже окончательно подорваны. К этому времени основные средства производства, в частности — скот, перешли в частную собственность индивидуальных хозяйств; появилась семья, возникло классовое неравенство — деление общества на богатых и бедных; из всего этого вытекало и образование ханской власти, как политическая надстройка уже сложившихся производственных отношений.

Именно эта «совокупность производственных отношений», образующих «экономическую структуру общества, реальное основание, над которым возвышается политическая и юридическая надстройка» (Маркс), именно она является причиной образования ханской власти.

Казакский султан, его жены и певец (в начале XIX века)

Ханская и султанская власть, возникновение сословного права, учреждение института родовых биев и т. п. — разве все это не подстройка над тогдашней экономической структурой казахского общества? Т. Рыскулов думает иначе, по его мнению, «ханская и султанская власть не имела под собой никаких экономических предпосылок». Выходит, что эта феодальная надстройка создана без феодальной экономики! Если дальше расшифровать это положение т. Рыскулова, то получается, что появление в казахском дуле баев и бедняков, султанов и тюлленгүтов — крепостных и т. п. есть некое «недоразумение», не обусловленное соответствующими производственными отношениями. Тов. Рыскулов в своем выступлении в КУТВ пытался обосновать и подкрепить свои доводы цитатами из Маркса, Энгельса и Ленина и убеждал присутствовавших на заседании в том, что он ни на шаг не отступает от марксизма. Читатель может судить сам, много ли подлинного марксизма в этих рассуждениях т. Рыскулова.

Уже самое элементарное ознакомление с казахской экономикой ханского периода показывает, что в этот период сложившимися и господствующими производственными отношениями в байском и султанском хозяйстве являлись феодальные отношения. Характерные черты феодальной системы хозяйства были налицо. Отношения казахского султана и родового феодала к казахскому рабу, к тюлленгүту или консы — вечному байскому пастуху — по своей классовой природе мало чем отличались от отношений русского помещика или западно-европейского феодала к своим крепостным крестьянам. Как русский крепостной мужик, так и казахский тюлленгүт или консы-бедняк одинаково подвергались самой тяжелой эксплуатации со стороны феодалов, называвшихся у русских помещиками и дворянами, а у казаков — султанами, баями, аксакалами, родоначальниками и т. п.

Казахский феодализм имел свои особенности, о которых мы будем говорить позже. Здесь важно отметить, во-первых, что казахский феодализм начинает свою историю не после русского завоевания, а со времен разложения родового строя и установления ханской власти, и, во-вторых, что казахский феодализм существовал не в виде «незначительных зачатков, дальше не развившихся», а при всей своей разнообразности и отсталости он существовал со свойственной феодализму системой хозяйства, как определенная социально-экономическая формация в дуле, как определенный этап в истории развития казахского народа. Постараемся доказать это.

Казахские феодалы и их господство в степи

В истории казахского феодализма ханского периода нужно различать два типа казахских феодалов: феодалы — султаны и феодалы — родоначальники.

Султаны (потомки ханского рода, «белая кость») в казахской степи

были «пришлым элементом». Они являются потомками первых завоевателей казахских родовых общин.

Феодалы-родоначальники вышли непосредственно из казахских родовых общин. Появление их тесно связано с разложением родовой общины, с возникновением имущественного неравенства среди членов рода.

Из истории других народов известно, что в результате расслоения родового общества на классы, выделившиеся из родовой общины, феодалы-родоначальники долгое время прикрывали эксплуатацию своих сородичей всякими пережитками родового строя. Так было и среди казаков. Казахские родоначальники тоже всячески прикрывали эксплуатацию аульной бедноты и середняков остатками родовых отношений.

В чем существенное различие между феодалом-родоначальником и феодалом-султаном? Феодал-султан угнетал и эксплуатировал казахские массы исключительно на феодальной основе, т. е. путем насилия и прямого грабежа прибавочного продукта трудящихся масс. В этом смысле феодал-хан и султан ничем не отличались в своих методах эксплуатации от типичного европейского и восточного феодала. Иное положение было у феодала-родоначальника. Феодал-родоначальник эксплуатировал казахские массы, прикрываясь пережитками родовых отношений. Феодал-родоначальник использовал свое классовое положение внутри рода, и как самый богатый, власть имущий, и как руководитель и «защитник» интересов своего рода. Он всегда старался быть в глазах массы защитником и хранителем интересов рода. Поэтому не случайно «сужеродная аристократия» — ханы и султаны — правила и угнетала казахские массы через этих феодалов-родоначальников, «руководителей и защитников» казахских родов.

Иные утверждают, что без родоначальников казахские ханы были бессильны. Это верно лишь в том отношении, что без феодалов-родоначальников не было бы и ханской власти и наоборот.

Не выдерживает никакой критики утверждение тех авторов, которые стараются представлять ханов беспомощными и всецело зависящими от родоначальников. Ханская власть установлена не ради прекрасных глаз этих ханов и не из любви казахских масс к ханской власти, а из основе экономического господства этих ханов и султанов. Не было бы господства феодалов-султанов, — не было бы и ханской власти.

Деспотизм казахских ханов и султанов мало отличался от деспотизма обычных европейских феодалов. В то же время характерные черты азиатского деспотизма имели место и в казахском ханстве. Деспотизм хана Аблая или Джангира едва ли уступает деспотизму их предков — Чингиса или Тамерлана. Ханы и султаны в казахской степи составляли привилегированное сословие, особую правящую касту. «Султаны занимали главные места в управлении; они были освобождены от податей, избавлены от телесных наказаний. В ханы избирали только султанов»¹. Султанское звание передавалось только по наследству. Ханы и султаны устанавливали определенные нормы и правила взаимоотношений с казахскими массами.

¹ Харузин, «Киргизы Букеевской орды», стр. 48 и 165.

Казакки не-султанского происхождения не имели права называть султана по имени. Вместо имени они должны были употребить слово «таксир» или «алдыяр». За нарушение этого правила простые казаки подвергались телесному наказанию — от 15 до 30 ударов нагайкой. Султаны не рождались с простыми казаками — женились только на казачках султанского происхождения, точно так же своих дочерей выдавали только за султанов.

По законам знаменитого хана Тауке за убийство султана платили «кун», как за семь человек — за мужчину платили «кун» 1000 баранов, а за султана — 7000 баранов. Обида султана словами также наказывалась взиманием определенного количества скота и телесными наказаниями.

Ханы и султаны имели при себе огромное количество рабов и тюленгутов, в отношении которых пользовались неограниченным правом жизни и смерти. Жалоба раба на господина никогда не принималась¹. Казакские поговорки — «кулда кун жок» (раб ничего не стоит), «кул жийылын бас болмас, кум жийылын тас болмас» (песок не будет камнем, раб не будет руководителем) — относятся именно к временам господства султанов. По словам Красовского, казакские ханы и султаны «кулов и невольников продавали, заставляли исполнять самые тяжелые работы, в случае неповиновения убивали без всякой за то ответственности перест своим судом»². Также известно, что «в былое время ханы и султаны клеймили своих тюленгутов, выжигая на них кремнем свои тамги».

В своей статье «Аблай» Чохан Валиханов пишет, что «Аблай пользовался неограниченной властью, он первый предоставил своему произволу смертную казнь... усмирив своеволие сильных султанов и родоначальников»³... и подчинил их своей железной воле. Приблизительно то же самое пишет Харузин о хане Джангире: «В Букеевской степи судил и рядил только хан, авторитетом был только он, а султаны и бии все это находилось в зависимости от него. Людям «белой кости» раздавал он произвольно земли, не имевшим дворянства жаловал он тарханство и также земли. — одним словом, Джангир был бесконтрольным хозяином своей степи».

Не только Аблай и Джангир, но и другие более или менее известные в истории казаков ханы — Касым-хан, Хак-Назар, Есым-хан, Старый Аблай, Тауке-хан — тоже славились своим диктаторством, о котором сохранились различные сказания до наших времен. Каждый из них в свое время устанавливал твердую власть над казакскими массами, завоевывал новые племена и народы, организовал при своем ханстве многотысячное войско и т. д. Хак-Назар известен покорением многих мелких ханств и образованием единого крупного казакского ханства. Есым-хан известен господством не только над казаками, но и над другими народами Сред-

¹ Левшин, «Описание киргизаифсацких орд и степей», стр. 174.

² Красовский, «Область сибирских киргизов», ч. III. II + 150 стр.

³ Ч. Валиханов, Собр. соч., стр. 6—7.

ней Азии. В свое время диктатором был и Касым-хан. Некоторые историки его сравнивают со знаменитым Джочи-ханом и утверждают, что у него было около 300 000 войска. Старый Аблай — правитель Туркестана — за жесткость и деспотизм получил прозвище — «Кан ишер Аблай» (что значит «кровопийца Аблай»). Не уступал этим ханам и известный Тауке-хан. Приписываемая Тауке-хану «Джеты-Жарга» — ничто иное, как установление и закрепление единого феодального ханства. Назначение Тауке-ханом шести старших родовых биев в качестве своих советников и блюстителей закона вызвано не ослаблением, а наоборот — усилением ханской власти. Как известно, при Тауке от ханского господства стояли не только казаки, но и киргизы, кара-калпаки и другие народности. Тауке-хан и для них из самых послушных своих феодалов назначив старших — удельных биев; в частности для киргиз был назначен известный феодал Боким-бий, для кара-калпаков — Сасык-бий и т. д.

Если бы ханы были «беспомощными, зависимыми от воли народа», как утверждают некоторые «историки», — они не могли бы так поступать. Перечисленные факты неоспоримо доказывают, что казахские ханы и султаны в своем классовом господстве и феодальных привилегиях ни в чем основном не уступали типичным европейским и восточным феодалам.

Подвластные казаки ежегодно платили ханам определенные подати — «ханлык». Размер этого «ханлык» устанавливался произвольно самим ханом. Харузин указывает, что «кроме податей, лично хану киргизы платили сугум. Сугум состоял из приношения киргизами хану с 5 кобылок по одной рогатой скотине или по 6 баранов, — это выходит на всю орду 400 голов рогатого скота или 24 000 баранов». При хане Тауке «всякий, могущий носить оружие (кроме султана), платил хану и правителям народным в подать 20-ю часть своего имущества ежегодно»¹. Исно, что хан, собирая такое огромное количество скота от своих подданных в виде «ханлык», «сугум» и т. д., не присваивал все это себе лично, а выделял известную часть собранного скота подчиненным ему султанам и феодалам-родоначальникам, на которых и опиралась его власть. Казахские ханы и султаны естественно являлись наиболее крупными скотоводами в степи.

Каждый султан, подчиненный хану, «представлял собою нечто подобное русскому боярину». В состав «свотчины» султана, подчиненного хану, кроме принесенных рабов и талдентутов входили целые казахские роды или подроды, во главе с феодалами-родоначальниками. Хан управлял казахской степью на правах самодержавного властителя через «удельных» султанов и феодалов-родоначальников. В период казахского ханства султаны и феодалы-родоначальники выполняли роль, подобную роли европейских «сюзеренов» или русских «бояр». Существовавший при казахском хане совет султанов и старейших родоначальников был казахским вариантом боярской думы.

¹ Харузин, «Киргизам Букеевской орды», стр. 90 и 100.

Стало быть и в казакской степи в период господства ханов и султанов существовала своеобразная иерархия скотоводов-феодалов, подобная иерархиям, характерным для феодальных структур. В этом отношении особенно характерна феодальная иерархия, установленная казакскими ханами Тауке, Аблаем и Джангиром. Тауке, будучи ханом казаков, киргиз и кара-калпаков, создал при себе «совет удельных биев», своего рода вассалов. Валиханов — знаток истории казакского ханства, в особенности аблайского периода — пишет: «Война Аблай с Ташкентом и Ходжевтом, в который он проник до Джазаха, увенчалась взятием семи городов: Азрета, Сайрама, Чимкента, Сузака и др. и обязательством Ташкента платить ему дань. В 1774 году Аблай дал по просьбе уйсунювских старшин для управления ими сына своего Адила, построив ему на реке Таласе городок, который населил кара-калпаками. Другим сыновьям, которых было 71, разделил он на уделы поколения Средней и Большой Орды, и сам, по примеру своих родоначальников, остался жить в Туркестане»¹ на правах главного всеказакского хана.

Джангир — хан Малой Орды, будучи сам в вассальном положении, установил среди подвластных ему казаков целую иерархию власти феодалов-султанов и родовых «тарханов». Звание «тархан» давалось ханом не всем, а только заслужившим доверие хана, доказавшим ему на деле свою преданность. Для иллюстрации этого приведем текст тарханской грамоты хана Джангира, пожалованной им за «всегдашнюю верность» некоему родовому феодалу Исенбаю Ходжибекову: «Именем всемогущего бога и соизволением императора всероссийского, я, генерал-майор и кавалер, хан Меньшей Киргизской Орды Джангир, дал сию мою ханскую грамоту моему подвластному Таминского рода, Кенжибаева отделения киргизскому старшине Исенбаю Ходжибекову в том, что он за всегдашнюю ко мне верность, точное и бескорыстное исполнение повелений моих, по управлению ордой излагаемых, соизволением моим и по праву, от предков мною наследованному, пожалован с исходящим от него потомством мужского пола в звание тархана между моими подвластными. А потому... его, Исенбая, таковым признавать, во всяких грамотах именовать и в здешне принадлежащие тарханам права ему предоставлять...»². При хане Джангире эти тарханы являлись главными представителями ханской власти и в ладе после удельных султанов. Они, а по наследству также и их потомство, освобождались от всяких податей и пользовались большими привилегиями по сравнению с остальными родовыми феодалами.

Такие же институты ханами были учреждены в Средней Азии и в Большой Орде, но тут их называли не «тарханами», а «датхами».

Таким образом, перефразируя покойного товарища Покровского, мы можем сказать, что если во главе любого феодального государства Западной Европы стояла группа лиц — государь, король или герцог — «создатель» с «курией» своих вассалов, — то во главе казакского ханства стоя-

¹ Валиханов, *Собр. соч.*, стр. 5—6.

² Харуани, «Киргизы Букеевской орды», стр. 53—54.

Казакский хан Меньшей Орды Джангир-хан
(В качестве хана управлял Бухеевской
ордой с 1824 по 1849 год)

ла подобная же группа лиц: хан со своими султанами и родоначальниками-старейшинами, тарханами и датхами. Несмотря на различные формы управления и разные звания этих феодалов, классовое содержание их господства было одно.

О некоторых особенностях казакского феодализма

Выше мы отметили, что казакский феодализм имел свои особенности.

Особенность казакского феодализма, отличающая его от европейского

феодализма и даже от феодализма некоторых азиатских народов, связана непосредственно с кочевым бытом казакского населения.

При определении основных черт феодального строя историки и экономисты обычно исходят только из условий оседлых народов, поэтому понятие о феодализме непосредственно связывается с крупным землевладением. Покровский в своей книжке «Русская история» пишет, что «современная наука усваивает феодализму, главным образом, три основные признака. Это, во-первых, господство крупного землевладения; во-вторых, связь с землевладением политической власти, связь, настолько прочная, что в феодальном обществе нельзя себе представить землевладельца, который не был бы в той или иной степени государем, и государя, который не был бы крупным землевладельцем; и, наконец, в-третьих, те своеобразные отношения, которые существовали между этими землевладельцами-государями: наличие известной иерархии землевладельцев, так что от самых крупных зависели более мелкие, от тех еще более мелкие и т. д.»¹.

При анализе основных черт казакского феодализма нельзя исходить только из этих общепринятых определений. Нам думается, что не только казакский феодализм, но и феодализм у кочевых народностей вообще имеет свои отличительные особенности, свойственные только им. Особенности эти заключаются в том, что производственные отношения у кочевых народов определяются не столько монополией феодала на землю, сколько его монополией на скот, являющийся основным средством производства. Если при оседлом хозяйстве феодал не мыслим без крупного землевладения, то в казакских условиях феодал не мыслим без крупного скотовладения. На основе крупного скотовладения, главным образом, казакские феодалы — ханы, султаны, родоначальники — возводили свое экономическое и политическое господство над казакскими массами.

Феодальный способ производства, как известно, предполагает непосредственного мелкого производителя, занимающегося натуральным хозяйством (земледельчество, скотоводство), соединенным с домашним ремеслом. В хозяйстве этого мелкого производителя — земледельца или скотовода — производится прибавочный продукт, который в форме отработочной ренты или ренты продуктами изымается феодалами — земледельцами или скотовладельцами. В данном конкретном случае ханы и султаны выкачивали из самостоятельного мелкого производителя прибавочный продукт в форме ренты продуктами. От своих тулленгутов, т. е. фактически вассальных, ханы и султаны получали прибавочный продукт в форме отработочной ренты. При этом и здесь, конечно, получались те «бесконечно различные комбинации, в которых различные формы ренты могут сочетаться, затухиваться и сливаться» (Маркс, «Капитал»).

Отсутствие крупного землевладения ничуть не мешало, однако, казакским феодалам-султанам пользоваться самыми лучшими угодьями и пастбищами, якобы принадлежащими «родовой общине». У казаков есть

¹ Покровский, «Русская история», т. I, стр. 63.

старые поговорки: «мал жерго битеди», «жерн байдын, ели бай» и т. д. Смысл этих поговорок таков, что «у кого хорошая земля, хорошее пастбище, у того и много скота». Так было и на самом деле. Ханы, султаны и родоначальники-аксакалы без всякого ограничения и стеснения пользовались и распоряжались самыми лучшими угодьями и пастбищами. Поэтому казакские ханы, султаны и родоначальники еще до русского завоевания не раз организовывали войну за лучшие пастбища, за лучшие земли с соседними узбекскими, калмыцкими и башкирскими ханствами. Из истории казаков известно также, что междоусобная борьба за кочевые пути, за пастбища часто имела место и среди самих казаков. Всегда и всюду эта борьба за землю возглавлялась родовыми феодалами и султанами.

При кочевом образе жизни с экстенсивным натуральным скотоводческим хозяйством, при наличии огромного пустующего пространства необжитых земель, ханы, султаны и родоначальники не нуждались в юридическом закреплении за ними ими же фактически занятой земли. В условиях кочевого хозяйства и захватного порядка землепользования, при господстве многочисленных султанов и родовых феодалов, которые часто сознательно, силами своих тыдленгутов или подчиненных зависимых одноаульцев, организовали набеги (барымту) на своих соседей с целью захвата их пастбищ, водопоя и т. д., — при таких условиях частная собственность на землю не могла быть прочной. Немалую роль играло наличие и сильное влияние среди казаков патриархально-родовых отношений: родовым феодалам очень выгодно было прикрываться «общинно-родовым» или «общинно-аульным» землепользованием и фактически самим распоряжаться и пользоваться в «общине» лучшими пастбищами.

Нужно учесть и то существенное обстоятельство, что в казакской степи в прошлом, при наличии большого пространства необжитых свободных земель и при кочевом скотоводстве, одна земля без скота не представляла большой ценности. Среди казаков в тогдашних условиях потребность в земле и ценность использования земли возрастали пропорционально росту поголовья стада.

Феодальная эксплуатация мелких скотоводов султанами и родовыми феодалами

В чем конкретно выражались феодальные методы эксплуатации мелких казакских скотоводов со стороны султанов-аристократов и родовых феодалов?

Прежде всего казакские скотоводы регулярно платили удельным султанам и ханам различного рода подати. При Тауке ежегодно платили одну 20-ю часть скота, при Джангире кроме дани, уплачиваемой царскому правительству, еще лично хану скотоводы обязаны были собирать сугум, «ханлык» или «силык». Различные султанские шигны (местные расходы), прием почетных гостей — султанов (султаны вместе со своими приближенными ежегодно совершали поездки по аулам с целью развлече-

ния, знакомства с подвластными казаками и т. д.), специальные сборы скота для угощения и т. п., все это — ничто иное, как обычное присвоение прибавочного продукта казакского скотовода султанами и ханами в форме «ренты продуктами».

Ханы и султаны совершали иногда и открытый феодальный грабёж казакских хозяйств. Известная в казакской жизни «барымта» — тишичный феодальный грабёж казаков, организуемый в большей части ханами и султанами. Многие ханы и султаны в период самостоятельного казакского ханства очень часто организовали «барымту» против чем-либо провинившихся казакских скотоводов, иногда против целого подрода или аула. В «Черновых заметках»¹ Ч. Валихановым записан один характерный факт из жизни его прадеда — знаменитого казакского хана Аблая. Какой-то уйсунский бий — некто Эрдэнэ — чем-то провинился перед Аблаем. Тогда хан собрал своих приближенных, чтобы предать на разграбление (шауб алу) аул этого бия — Эрдэнэ. «Хан был на этот раз так недоступен, что никто не решался вымолвить словечко в пользу виноватого. Тогда по просьбе народа Бухар² — певец — решился и затрубил так: «О, Аблай, Аблай! Подобно Ари и Гури³ возносится и соперничает с горами твоя слава: не помещаются в пяти воротах отпущенники — рабы твои⁴. Перейдите за Алатау — потушите гнев, если потушите, то не придет ли с 80 вьюками вещей⁵ Эрдэнэ, называемый пестрохалаточный раб». Конечно, в художественной передаче не обошлось без некоторого преувеличения; но сам по себе факт очень характерен. В народной памяти сохранились и другие аналогичные факты разграбления (путем барымты) ханами и султанами тех или иных провинившихся казакских скотоводов и аксакалов-биев. Все эти барымты всегда кончались взиманием штрафа (айп). Воспеваемый певцом Бухаром 80-вьючный айп (штраф) собирался со всего аула Эрдэнэ, конечно, в первую очередь страдали мелкие скотоводы (момыи шаруа).

В отношении мелких скотоводов со стороны ханов и султанов применялись и другие разнообразные феодальные формы эксплуатации, часто переходившие в открытый грабёж. Поэтому-то о султанах и сложилась поговорка: «У камня нет жил — у султана нет сердца».

Какие феодальные методы эксплуатации применяли по отношению к мелким скотоводам родовые феодалы? Во-первых, ханы и султаны все свои мероприятия проводили через этих же родовых феодалов, поэтому последние всегда являлись сообщниками султанского грабежа и участво-

¹ Ч. Валиханов, Собр. соч., изд. 1904 г., стр. 313.

² Бухар был талантливым певцом и импровизатором своего времени и любим Аблаем. В памяти народа сохранились до нашего времени песни Бухара — Т.

³ Ари-Гури — сфера абсолютного пространства, что за 7-м небом — Ч. В.

⁴ Отпущенники — рабы. Отпущение рабов есть на Востоке одна из первых добродетелей и есть первый признак великодушия — Ч. В.

⁵ Штраф (айп) — Ч. В.

вали в дележе награбленного. Во-вторых, родовые феодалы, как отмечено выше, свою эксплуатацию в большей части прикрывали всякими остатками родовых отношений. То, что мы говорили в первой главе о пережитках родовых отношений, давно ставших орудием классовой эксплуатации, — все они и есть завуалированные и утонченные формы феодальной эксплуатации («саун», «жылу», «уме», «родовое» землепользование и т. д.). Разница только в названиях и в формах, но классовое содержание, существо их («саун», «жылу» и т. д.) — феодальное. В хозяйстве родового феодала (аксакала, бия, бая и т. п.) феодальная эксплуатация окружающих мелких скотоводов-«сородичей» производилась в различных

Юрта пастуха

формах рент, начиная от «ренты продуктами» и кончая типичными русскими отработками. При характеристике байского хозяйства мы еще вернемся в конкретному разбору этих вопросов.

Тюлленгуты—крепостные казакских султанов

В период казакского ханства ханы и султаны, кроме подвластных им казаков, платящих «ренту продуктами», имели еще при себе огромное количество рабов и тюлленгутов. По словам историков, рабами султанов

являлись, главным образом, те пленники, которые забирались последними у соседних народов при завоевании. Повидимому, эти же рабы впоследствии превратились в тюленгутов.

Об институте казакских тюленгутов нет исчерпывающих данных, характеризующих историю его возникновения и дальнейшего развития. Историки дают о нем самые разнообразные, друг другу противоречащие сведения. Одни утверждают, что «тюленгуты — султанские крепостные», но отличавшиеся от рабов (Харузин, Мейер, Красовский и др.), другие утверждают, что «тюленгуты — военная почетная дружина при султанах» (Чулешников, Федоров и др.), третьи утверждают, что «тюленгуты — султанские рабы» (Валиханов и др.).

По сохранившимся народным преданиям самих казаков, султанские тюленгуты — бывшие рабы султанов. Но нашему мнению, последнее — более вероятно, ибо по данным историков и преданиям самих казаков институт рабства предшествовал у казаков институту тюленгутства. Когда тюленгутов отделяют от рабов, то это делается не потому, что они при султанах находились одновременно, а лишь потому, что тюленгут по своему общественному положению не прежний раб, а «освобожденный» раб. Тюленгуты пользовались султанской тамгой. Об этом говорят почти все историки. Но никто не говорит о том, что и рабы пользовались султанской тамгой. Очевидно, это не случайно. Повидимому, султанский раб пользовался султанской тамгой лишь тогда, когда он уже становится тюленгутом.

В чем разница между тюленгутом и рабом? Султанский тюленгут — тоже раб, но с небольшим наделом скота. Султанский тюленгут подобен русскому крепостному крестьянину. Русский помещик своего крепостного крестьянина наделял землей, а казакский султан своего тюленгута наделял скотом. Крепостной юридически и экономически был зависим от помещика; последний имел право продавать, передавать по наследству своего крепостного. То же самое и султан имел право делать со своим тюленгутом. Тюленгут всецело зависел от султана: тюленгуты всегда находились при султанах, с ними кочевали, обслуживали их, пасли их скот, охраняли от врагов и т. д. Русский крепостной крестьянин работал на барина на помещичьей земле, а на себя — на наделной земле, добывая тот хлеб, который необходим на содержание самого крепостного и его семьи, т. е. рабочей силы для помещика. Султанский тюленгут от наделного скота получал себе и своей семье продукты, необходимые для существования, и на это уходила у него известная часть рабочего времени; остальную часть своего времени он обязан был работать у султана. Стало быть, между помещичьим крепостным крестьянином и султанским тюленгутом нет почти никакой разницы.

«В феодальном обществе еще гораздо больше, чем в современном нам, сила шла всегда вперед права» (Покровский). И при казакском феодализме большим правом пользовался тот, кто владел большим стадом ско-

та и кто имел много потомков¹ (сыновей и ближайших родственников), тюлленгутов и подвластных скотоводов.

Очень часто сила того или иного султана или хана определялась количеством его тюлленгутов и сыновей. Из истории казахских ханов известно, что последние в междоусобной борьбе побеждали своих врагов силами своих тюлленгутов. В частности знаменитый хан Аблай своих врагов, непослушных султанов и родоначальников усмирал силами тюлленгутов. Из этого, однако, не следует, как некоторые думают, что тюлленгуты являлись почетной военной дружиной и чуть ли не были привилегированным сословием в казахской степи. Тюлленгуты никогда не пользовались никакими привилегиями и никогда не являлись почетными дружинниками. Правда, они освобождались от всяких ясыков, податей, но это лишь потому, что они сами вечно работали в султанском хозяйстве.

Тюлленгуты в основном — бывшие рабы, пленники. Но это не значит, что тюлленгутами становились только бывшие пленники. Некоторые историки так и утверждают, что тюлленгуты — не казахского происхождения, что они — «привозные элементы» в казахской степи и т. д. На самом же деле, наряду с бывшими рабами-пленниками в тюлленгутов превращались и коренные казаки — главным образом те, которые, обеднев и разорившись, переходили в крепостное положение к власти имущему богатому султану с целью заработать на существование. Покинувшему, такое превращение коренных казаков в крепостное положение до 1822 года юридически закреплялось, признавалось ханским законом. Царское правительство в своем «Уставе о сибирских киргизах» специально указало на то, что в дальнейшем «строго запрещается вновь приобретение в неволю природных киргизов». Значит, до этого приобретение в неволю природных казаков признавалось и практиковалось в казахской степи.

И в наше время в некоторых районах Казахстана можно встретить казахские аулы, состоящие исключительно из бывших султанских тюлленгутов, которые происходят из различных казахских родов. Они и сейчас помнят не только своих прежних хозяев — султанов, но и свои родословные. В «Уставе о сибирских киргизах» русское самодержавие оставило крепостное положение старых тюлленгутов без всякого изменения. В § 277 этого «Устава» сказано, что «невольники, ныне находящиеся у киргизов, остаются при их владетелях с правом продажи, передачи и наследственного владения».

В таком положении тюлленгуты находились до 1859 года. Только в 1859 году султаны торжественно «отказываются» от права владения не-

¹ С этим связано и многоженство казахских феодалов. Последние имели по несколько жен и от них много детей. Например, хан Аблай имел 71 сына, между ними он разделил на уделы казаков Средней и Большой Орды. Нуралы-хан имел 10 законных жен и 15 наложниц, и он был отцом 32 сыновей и 34 дочерей. Он также свое ханство разделил между сыновьями на уделы. Многоженство среди казахских баев дореволюционного периода — характерный пережиток казахского феодального строя. Многоженство последнего периода тоже связано с наличием пережитков феодальной системы эксплуатации в байском хозяйстве. — Г. Т.

вольниками, и с этого времени тюлленгуты переходят на общее положение податных (асачных) казаков; с этого же времени на общем основании со всеми казаками, тюлленгуты начинают платить подати русскому правительству и кара шигия — местные налоги — должностным султанам, родоначальникам, биям и т. п.

Не выдерживает никакой критики утверждение т. Рыскулова о том, что «тюлленгутов было мало, потому что в кочевых условиях их содержать невыгодно, и они производственного значения не имели». Во-первых, такое утверждение совершенно не соответствует казахской действительности. При казахском ханстве не было ни одного султана (и большого, и малого), не имевшего при себе по нескольку десятков тюлленгутов. Султанское хозяйство обслуживалось исключительно тюлленгутами. Количество тюлленгутов и право султанов над ними предопределяли мощь и дальнейшее воспроизводство султанского хозяйства. Султаны торговали тюлленгутами, дарили их вместо скота друзьям, дочерям и т. д. Во-вторых, теоретически безграмотно и по существу неверно утверждение, что тюлленгуты оказались «вне производства». Тюлленгут пасет султанский скот, охраняет его от врагов, выполняет всю работу в хозяйстве султана, и вдруг он же по велению т. Рыскулова оказывается «вне производства»?

Консы, крме — полукрепостные баев-родоначальников

Говоря о тюлленгутах, мы все время имели в виду султанских тюлленгутов. В ряде мест мы особо подчеркивали, что «тюлленгуты находились при султанах», что были султанские тюлленгуты и т. д. Так поступали мы сознательно, так как правом владения невольниками или тюлленгутами пользовалось только почетнейшее и высшее сословие — султаны или — что то же — потомки «белой кости». Феодалы не султанского происхождения, в частности бай-родоначальники, бии и т. п., не пользовались таким правом, и при них не было тюлленгутов — крепостных скотоводов, законом признанных и разрешенных, как у султанов. В этом отношении права феодалов-родоначальников ханской властью ограничивались.

Следует ли из этого сделать такой вывод, какой делает т. Алманов, что родоначальники, бии, аксакалы и т. п. не были феодалами, эксплуатировавшими казахские трудящиеся массы?

Родоначальники — бай, аксакалы и другие, все они с момента разложения родового строя, со времени организации ханской власти в степи являлись феодалами — феодалами несколько меньшего масштаба, стоявшими в известной зависимости от более крупных феодалов — султанов и ханов, что, однако, несколько не меняет феодального существа эксплуатации и угнетения казахских масс с их стороны. Мало этого: хотя феодалам-родоначальникам по закону не разрешалось иметь тюлленгутов, по фактически и они тоже имели если не настоящих тюлленгутов, то во всяком случае подобных тюлленгутам, зависимых от родоначальников бедняков, консы, крме и т. п. Эти вечные «консы» при родоначальниках-баях, аксакалах владели самым жалким существованием, работая даром в

байском хозяйстве, питался всякими объедами со стола этих же баев-родоначальников.

Консы, кроме и тому подобные «придворные бедняки» родовых феодалов значительно отличаются от обыкновенных свободных мелких скотоводов. Последние сами непосредственно не работали в хозяйстве родовых феодалов, в большей части ограничивались уплатой различных «шгинов» — сборов, «силык», «уме» и т. д. Совершенно другое положение было у байских консы или крме. В период казакского ханства, даже вплоть до 60-х годов XIX века родовые феодалы, как правило, не нанимали специальных рабочих для обслуживания своего хозяйства. Малши (пастухи), сауинши (дольщики), кутуши (прислуга) и т. п. — все они состояли из «своих» бедняков-консы, крме и на всю жизнь оставались при «своих» баях. Из тысячи таких бедняков только отдельные единицы высвобождались из байской эксплуатации, становились самостоятельными хозяевами.

Юридически байские консы и крме — бедняки, приютившиеся в ауле бая, отличались от тюлленгутов, но фактическое их положение мало чем отличалось от положения тюлленгутов. Если тюлленгуты являлись крепостными, официально признанными ханским законом, то бедняки — консы и крме являлись фактически полукрепостными баев-родоначальников. Отсутствие или вернее — ограничение права родоначальников в отношении приобретения «законных» крепостных несколько не мешало родоначальникам приобретать полукрепостных — консы, крме и др. и эксплуатировать их теми же феодально-крепостническими способами, правда, часто прикрываемыми родовыми пережитками.

Борьба между родоначальниками и султанами

Казакские ханы и султаны привлекали в свою среду баев и аксакалов и из них создавали мелких феодалов — «родовых аристократов», награждая последних различными титулами и чинами, вроде «старейшин», «ханских биев», в последующем — «датлы» и «тарханов». Ханы и султаны не только награждали их «чинами» и «званиями», но и делились с ними своими доходами, ежегодно получаемыми или путем насильственного грабежа, или путем сбора различных дани, хайлык и т. д. Ни для кого не секрет, что в особенности до русского завоевания самой надежной опорой ханской власти среди казакского населения являлись именно эти родоначальники.

Были ли какие-либо противоречия между феодалами-султанами и феодалами-родоначальниками? Конечно, были. Но это были противоречия не между двумя классами, а между различными слоями одной и той же господствующей верхушки. Поэтому и борьба между ними в большей части являлась борьбой за больший грабеж, большую эксплуатацию казакских масс. Сословная аристократия — ханы и султаны — всячески старались держать массу феодалов-родоначальников на правах «мелких», подчиненных феодалов, а феодалы-родоначальники, вышедшие из среды «черной кости», всячески добивались прав «больших» феодалов.

В этом отношении очень характерно завещание знаменитого хана Аб-

лая, который умирая советовал своим сыновьям — будущим ханам — «никогда не решать вполне междуродовых дел киргизских племен, ибо только несогласие и раздоры могут быть незыблемою опорой ханской власти»¹. В данном случае эти «междуродовые дела» нужно понимать, как борьбу султанов и родоначальников одного рода с султанами и родоначальниками другого рода. Такие ханы, как Аблай, на подобных несогласиях и раздорах между родоначальниками строили свою политику и подчиняли себе борющихся между собою родоначальников на правах мелких, зависимых феодалов. Феодалы-родоначальники в свою очередь тоже не раз пытались воспользоваться междоусобной борьбой за власть, часто происходившей между различными ханами и султанами.

Феодализм, будучи основан на натуральном хозяйстве, вообще отличается известной децентрализацией власти. Этим же признаком отличался и казакский феодализм. Разделение казакской степи на несколько ханств, наличие в каждом ханстве «султанских уделов», частая борьба между этими удельными султанами и ханами, — все это доказывает наличие децентрализации власти и при казакском феодализме. Но из этого вовсе не вытекают «беспомощность и бессилие» ханской власти. При ханском господстве, при вочевых условиях жизни казакского народа, при натуральном характере тогдашнего казакского хозяйства централизованная власть если не была совсем невозможна, то во всяком случае являлась трудно осуществимой, сопряженной с рядом объективных и субъективных препятствий.

Несмотря на это, однако, отдельные казакские ханы (Аблай, Джангир и др.) создавали в свое время в казакской степи довольно крепкую централизованную власть. Но и такие ханы сознавали сами трудности управления казакской степью при централизованной власти, и впоследствии многие из них вынуждены были перейти опять на управление «удельными султанами», распределив свои владения между своими сыновьями на уделы, оставляя за ханом только общее руководство над всеми удельными султанами. Такая форма являлась самой распространенной формой управления во всех ордах и ханствах, в особенности — в период русского завоевания, примерно с начала XVIII и до середины XIX века.

Этот период как-раз характерен усилением междоусобной борьбы между казакскими ханами и феодалами-родоначальниками. Недаром казакские националисты, идеализировавшие «былые свободные времена мудрых и справедливых ханов», причину упадка самостоятельного казакского ханства и перехода казакских ханов в русское подданство видят только в усилении беспрерывной борьбы между ханами и удельными султанами и родоначальниками. По мнению националистов, не было бы этой борьбы между ханами, султанами и родоначальниками, — не было бы и русского завоевания. Конечно, борьба, раздоры и несогласия между удельными султанами, казакскими ханами и родоначальниками облег-

¹ Ч. Валиханов, Собр. соч., стр. 6—7.

чили русскому царю завоевание казахских степей. Русский царизм поэтому всячески сам поощрял эти раздоры между казахскими ханами, султанами и родоначальниками — поддерживал одних, заключал с ними союзы, всячески им покровительствовал и преследовал других, менее послушных, менее надежных, всячески стеснял их и усмирал вооруженной силой.

Однако упадок казахского ханства нельзя объяснить только междоусобной борьбой казахских ханов и султанов. Основная причина упадка казахского ханства кроется не в этом, а в начавшемся проникновении русского торгового капитала в казахскую степь и усиленной завоевательной политике русского царизма, стремившегося окончательно овладеть новым рынком и новыми областями, через которые можно было также проложить торговые пути в Среднюю Азию и завоевать впоследствии остальные среднеазиатские страны. В основном правильно объясняет причину упадка казахского ханства известный царский чиновник — Левшин, специально изучавший историю казахского народа и активно участвовавший сам в завоевании казахских степей; он пишет, что «сохранением власти над киргизским народом Россия обязана, конечно, не святости клятв и обещаний, первоначально данных ханами и потом повторяемых всеми преемниками их, но своей силе и торговле». Именно здесь основные причины упадка самостоятельной ханской власти. Все остальные причины явились второстепенными, производными, лишь облегчавшими и ускорившими окончательное завоевание казахских степей русским самодержавием.

Ликвидация казахского ханства или ликвидация казахского феодализма?

Некоторые историки и экономисты с вопросом ликвидации ханской власти связывают и ликвидацию феодализма в казахском ауле вообще. Тов. Рыскулов так и пишет, что «после русского завоевания феодальные моменты в казахской жизни окончательно ликвидируются»¹. Приблизительно то же самое утверждают Чулошников, Румянцев и др. Завоеывая казахские степи, царское правительство должно было ликвидировать самостоятельное казахское ханство, иначе не было бы русского завоевания («русского подданства»). Но это не значит, что, ликвидируя самостоятельное казахское ханство, царское правительство ликвидировало и феодальный строй в казахской степи. Наоборот, подчинив себе казахских феодалов, ограничив их прежние права в области управления казахской степью, русский царизм долгое время и после завоевания сохранял за ханами, султанами и родоначальниками феодальные права, даже их прежние титулы и феодальную иерархию. Казахские феодалы — ханы, султаны — до 1859 г., т. е. больше 100 лет спустя после русского завоевания, по царскому закону имели официальное право держать при себе крепостных казаков — тюленгутов с правом продажи, передачи и наследственного владения. Нечего сказать, хороша «ликвидация феодализма» при сохранении тюленгутства, т. е. казахского крепостного права!

¹ Т. Рыскулов, «Казахстан», стр. 26.

Правда, царская власть, «принимая в свое подданство» казакских ханов с их владениями (подвластными казаками), всячески старалась ослабить их влияние на казакские степи и очень осторожно, но постепенно ограничивала их прежние сословные права. В то же время царская власть всячески закрепляла старые феодальные методы эксплуатации в степи, и сама вместе с этими же казаками-феодалами — ханами, султанами и родоначальниками проводила военно-феодальное ограбление казакских масс. Интересы самого русского самодержавия требовали сохранения и закрепления многих феодальных пережитков в казакской степи. Выше мы уже говорили, что многие (при этом не незначительные) пережитки феодальных отношений в казакском ауле долгое время имели место даже и после революции; а в наиболее отсталых, отдаленных кочевых и полукочевых районах Казахстана эти пережитки проявляются еще и теперь.

Ханское господство и застойный период развития казакского общества

В третьем томе «Капитала» Маркс, разбирая «ренту продуктами», между прочим отмечает, что «эта форма ренты в продуктах связана с определенным характером продукта и самого производства, благодаря необходимому при ней соединению сельского хозяйства и домашней промышленности, благодаря тому, что при ней крестьянская семья приобретает почти совершенно самодовлеющий характер, вследствие своей независимости от рынка, от изменений производства и от исторического движения стоящей вне ее части общества; коротко говоря, благодаря характеру натурального хозяйства вообще, эта форма как нельзя более пригодна для того, чтобы послужить базисом застойных состояний общества, как это мы наблюдаем, например, в Азии»¹.

Это положение Маркса целиком и полностью подтверждается историей развития казакского народа.

Весь период казакских ханств, длившийся более 300 лет, в первую очередь характерен именно этой застойностью. За трехсотлетний период господства ханов, султанов и родовых феодалов и в развитии общественной жизни, и в развитии экономики казакского аула, как и в образе жизни и быта казаков, так и в форме управления ханской власти не произошло никаких крупных изменений. Почти на всем протяжении ханского господства мы встречаем одни и те же застойные, застывшие формы с таким же застойным содержанием. Кочевой образ жизни, натуральное скотоводческое хозяйство, отсталый варвар-хан с не менее отсталыми султанами и родоначальниками-биями, абсакалами-старейшинами, податные мелкие скотоводы, крепостные тьялленгуты, полукрепостные бонсы, крме и т. п. — все это известно нам еще со времен образования казакского ханства. И они же, почти в тех же старых формах и почти с тем же содержанием, сохранялись до второй половины XIX века. Это можно объяснить только натуральным характером тогдашнего казакского хозяйства,

¹ К. Маркс, «Капитал», т. III, ч. II, стр. 271.

его самодовлеющим производством, «независимым от рынка, от изменений производства и от исторического движения состоящей вне ее части общества» (Маркс), и кочевым бытом казакского народа.

Возражая против этого тезиса, выставленного мною на заседании казакской кафедры КУТВ, т. Рыскулов заявил: «У казаков был родовой строй, кочевали с одного места на другое, и о каком же застойном строе можно говорить. Китайцы сидели тысячелетиями на одном месте, там застойный момент имеется, а тут бесконечно менялось все—то скот прибывал сразу, род богател, а потом беднел,—тут не только застои, все вверх дном пошло»¹.

Тут—что ни слово, то путаница. Тов. Рыскулов просто не разобрался в этом вопросе и не потрудился понять настоящий смысл высказываний Маркса о застойном состоянии развития общества в Азии.

Застойный характер развития того или иного общества определяется не тем, сидит ли это общество на одном месте или непрерывно кочует. Многие казакские соседи—узбеки, татары и другие—давно осели, развили наряду со скотоводством и земледелие, создали городские центры, оживили торговлю и для своего времени соответственно развили культуру, искусство, архитектуру, литературу и т. д. А что мы имеем у казаков? Ничего, кроме диких ханов и султанов. Казакское хозяйство во всех ордах продолжало оставаться исключительно кочевым, экстенсивным и натуральным, вплоть до начала XIX века. В вышеприведенной цитате Маркс говорит о застойном развитии всей Азии, включая сюда и татар, и всю Среднюю Азию. В письме к Марксу от 23 мая 1851 г. Энгельс отмечает, что «русское господство при всей его гнусности, при всей его славянской неопытности имеет цивилизующее значение для Черного и Каспийского морей, для Средней Азии, для башкир и татар»². О каком цивилизующем значении царской России по отношению к Средней Азии, татарам и башкирам говорит здесь Энгельс? Ясно, что здесь речь идет только об экономическом значении захвата этих стран царизмом, усилившего хозяйственную связь метрополии с окраинами, значительно разрушившего застойность в развитии восточных народов, поднявшего товарность их хозяйства и втянувшего их в орбиту мирового рынка и мирового хозяйства. Только в этом смысле, несмотря на всю свою «гнусность и славянскую неопытность», царское господство по сравнению с ханским имело «цивилизующее значение».

Победа родовых феодалов над феодалами „белой кости“

Борьба между феодалами-султанами и феодалами-родоначальниками особенно усиливается в период русского завоевания: Сначала при ослаблении, а потом при окончательной ликвидации ханской системы управления русский царизм в значительной степени опирался на феодалов-родо-

¹ См. стенограмму его выступления — Т.

² Маркс — Энгельс, Письма, изд. 1931 г., стр. 52.

начальников. К этому времени феодал-родоначальник настолько окреп, что он, чувствуя за собой поддержку русского царя, уже не хотел оставаться в прежнем подчиненном положении и при помощи царских чиновников более решительно добивался полного равенства в правах с султанами.

В начале XIX века, при издании царским правительством известного «Устава о сибирских киргизах» (1822 г.), феодалы-султаны были еще сильны, и русский царизм не только должен был считаться с ними, но и вынужден был признать их сословные права и своим законом закрепить их. В этом «Уставе» султанское звание попрежнему оставалось наследственным, султаны попрежнему оставались «высшим и почетнейшим сословием» среди киргизов, их права над тюленгутами — крепостными — оставались без всякого изменения. Короче говоря, господство феодалов-султанов еще оставалось неизменным, неограниченным. Родовая аристократия—феодалы-родоначальники—в этот период продолжала еще «преданно» служить сильным правителям в степи—феодалам-султанам. Поэтому-то царизм в своем «Уставе» делает только первую попытку ограничения права султанской власти в степи—вводит систему султаната, вместо прежних одного или двух ханов, учреждает 5-6 ханов, называя их уже не ханами, а ага-султанами (старший султан), ограничивает права султанов в отношении дальнейшего приобретения крепостных тюленгутов (в «Уставе» — «строго запрещается вновь приобретение в неволю природных киргизов»). Надо сказать, и на такое ограничение царизм пошел с большой осторожностью. Прежде чем утвердить этот «Устав», он должен был получить согласие многих крупных султанов, лишь после чего «Устав» был объявлен. Царизм тогда еще продолжал придерживаться такой политики, что «знатнейших киргиз-казаков всячески ласкать, щедрою рукою давать им подарки и награждения, а которые пожелают, для тех строить на казенный счет близ границы скотные дворы и сараи» (из предписания царя генерал-губернаторам). Все это объяснялось, главным образом, тем, что царизм не успел тогда окончательно овладеть казакской степью, султаны еще продолжали быть главной господствующей силой в степи, и управление степью проводилось царизмом только через них.

Во второй половине XIX века положение совершенно изменяется. В казакскую степь из метрополии начинает усиленно проникать русский торговый капитал. Усиливается торговая связь метрополии со всеми основными районами казакской степи. Старое замкнутое натуральное казакское хозяйство постепенно разрушается. Казакские феодалы, приспособляясь к потребностям рынка, тоже перестраивают свое хозяйство. Появляются феодалы-купцы. Развивается ростовщичество. Значительная часть султанов и родоначальников сами становятся купцами и ростовщиками. Если раньше, в первый период русского завоевания, султаны и родоначальники являлись, главным образом, политическими посредниками между царской властью и казакским народом, то теперь они становятся и торговыми посредниками. Русские, узбекские и татарские купцы в глубинных казакских районах проводят через казакских феодалов всякие свои торговые операции. Очень часто последние брали товары иноземных купцов на комиссион-

ных началах и сами возили их по аулам. Рынок начинает играть решающую роль в жизни всех слоев казакского населения. Вместе с тем вырастает и роль феодала-купца, связанного с рынком, с русским городом. Феодал — султан и родоначальник, превращаясь в феодала — купца и ростовщика, тоже становится не просто владельцем большого стада скота, каким был он раньше, но и купцом-ростовщиком, торгующим скотом, мануфактурой и деньгами.

Таковыми становились не все феодалы-султаны. Известная часть их, не сумевшая приспособиться к новой обстановке, новым хозяйственным условиям, попала в экономическую кабалу к феодалу-ростовщику, постепенно теряла экономическую силу и влияние на окружающее население, постепенно вытеснялась феодалом-купцом и в результате разоралась, беднела. К концу второй половины XIX века во всех ордах или областях казакской степи наблюдалось экономическое разорение многих потомственных султанов, которые вместе с экономическим разорением теряли и прежнюю политическую власть над казакскими массами.

В 1859 году султаны официально лишаются невольников, их тюленгуты переходят на общее положение ясачных казаков, а в 1868 году султаны лишаются всех прежних сословных прав и обращаются в рядовых казаков, пользующихся одинаковыми правами с остальными. Таким образом шаг за шагом у султанов, потомков ханов, отнимаются прежние сословные, наследственные права.

Уравниением прав султанов с правами родовых феодалов борьба между феодалами-султанами и феодалами-родоначальниками завершается победой последних. При активном содействии царской власти господство немногочисленных наследственных султанов — потомков ханов окончательно заменяется господством более многочисленных, более влиятельных и более связанных с казакскими массами феодалов-ростовщиков, «родовых» феодалов, получающих теперь чины и звания не от хана, а от русской монархии.

Почему царизм решился на ликвидацию тюленгутства и превращение казакских потомственных феодалов-аристократов в рядовых казаков, лишенных всех прежних привилегий и наследственных прав? На этот вопрос т. Асфендиаров в своей статье¹ дает такой ответ: «Султаны и ханы были сметены в процессе классовой борьбы внутри казакского общества, в борьбе казакских трудящихся масс с феодальной аристократией. Царизм понял необходимость уступки, понял, что необходимо заменить свою социальную опору более широкой и крепкой, сделал ставку на байство, чем расколол движение масс, а массы, освободившись от гнета аристократии, попали в руки других укреплявшихся классов-эксплуататоров (баев)».

Оба выдвинутых т. Асфендиаровым положения: 1) султаны и ханы были сметены в процессе борьбы казакских трудящихся масс с феодальной аристократией, — царизм сделал уступку борющимся казакским мас-

¹ Журнал «Большевик Казахстана» № 6 за 1932 г.

сам, и 2) казакские трудящиеся, освободившись от гнета аристократии, попали в руки других эксплуататоров — баев, на наш взгляд, неправильны.

Борьба казакских масс против феодальной аристократии одновременно являлась и борьбой против русского империализма. Поэтому не случайно, что политическим лозунгом всех массовых казакских восстаний являлось освобождение казаков «от гнета русских и продавшихся казакских ханов». Все наиболее крупные исторические восстания — восстания Исатая, Макаμβета, Кене Сары и т. д. были организованы под лозунгом борьбы против «угнетателей русских и предавшего хана или султана». И борьбой казакских масс «против русских и предавших султанов или ханов» руководили или недовольные, обиженные царской властью ханы-султаны (вроде Кене Сары), или родовые феодалы (вроде Исатая, Сырыма и др.). В этой борьбе казакских масс с русским империализмом и ханами царское правительство ни на какие уступки не могло идти; наоборот, оно всеми мерами и средствами подавляло восстания казакских трудящихся, всячески поддерживало и защищало тех султанов и ханов, которые признавали русское подданство, собирали дань и служили русскому царю, одновременно преследовало тех, которые проявляли тенденцию к большей самостоятельности, к восстановлению казакского ханства, независимого от русской монархии и т. д. На ликвидацию сословных привилегий и наследственных прав султанов царизм решается лишь тогда, когда он уже окончательно овладевает казакской степью, когда соответствующая база для такой ликвидации уже была подготовлена всем ходом социально-экономического развития казакского аула, в частности — усилением торговой связи колонии с метрополией, появлением многочисленного слоя более преданных русскому царю и приспособленных к новой обстановке феодалов-ростовщиков и купцов, главным образом, из бывших феодалов-родоначальников. Царизм в лице последних нашел более широкую и надежную опору. В свою очередь феодалы-родоначальники получили в борьбе с феодалами-аристократами серьезную поддержку со стороны русского правительства. Таким образом причину ликвидации господства потомственных феодалов нельзя свести только к борьбе казакских масс с феодальной аристократией. В этой борьбе и в деле ликвидации феодалов-аристократов нельзя упускать активную роль русского самодержавия и тот факт, что самый момент ликвидации был обусловлен и определен, главным образом, интересами русской империи.

Не совсем верно и второе положение т. Асфендиарова. Как понять, что «казакские трудящиеся, освободившись от гнета аристократии, попали в руки других эксплуататоров — баев»? Разве казакские массы до освобождения от аристократии не были эксплуатируемы «эксплуаторами-баями»? Если т. Асфендиаров понимает так, то это неверно, — казакские массы эксплуатировались феодалами-родоначальниками и при ханском господстве. Далее, не совсем удачно и деление казакских эксплуататоров на аристократию и баев: баями являлись и феодалы-султаны и феодалы-родоначальники. История казаков не знает бедного феодала-аристократа или

родовачальника, являвшегося господином положения в степи. Такого и не могло быть. Поэтому мы считаем более правильным деление казахских феодалов ханского (султанского) периода на феодалов-султанов (или аристократов) и феодалов-родовачальников.

Выводы

1) История разложения родового общества среди казаков есть история образования феодального общества в казахской степи со свойственной ему феодально-крепостнической эксплуатацией и делением прежних родовых бесклассовых общин на сословия господ и крепостных крестьян (тюре-султанов, родовых феодалов и тюлленгутов, крме, коисы и зависимых мелких скотоводов). Образование казахского ханства и союза разрозненных тюркских и монгольских племен или родов означало окончательное разложение родовых общин и формирование у казаков классового общества, в котором установилось господство класса феодалов — султанов и биев.

2) Во времени русского завоевания в казахском обществе окончательно сложившимися и господствующими производственными отношениями являлись феодально-крепостнические отношения. Остатки родового строя в этот период уже стали орудиями феодальной эксплуатации казахских трудовых масс со стороны родовых феодалов. Налицо имелись типичные черты феодально-крепостнической эксплуатации, — в первую очередь изъятие прибавочного продукта от зависимых крестьян в различных формах, начиная от ренты продуктами (подать, сугум, сылык, карма-шигыл и т. д.) и кончая отработками в хозяйстве казахских феодалов. Русский империализм не отменил, а закрепил все эти феодальные методы эксплуатации, видоизменяя и приспособляя их в колониальном Казахстане к новым условиям развития хозяйства в пореформенной России.

3) Отрицание феодализма в казахской степи до русского завоевания представляет собою идеализацию господства ханов, султанов и родовых феодалов. Казахские националисты всегда старались представлять ханский период (до русского завоевания) самым счастливым и справедливым временем в жизни казахского народа. На самом же деле, этот строй был справедлив только для ханов, султанов и родовых феодалов, но не для рабов и полурабов — тюлленгутов, коисы, крме и им подобных зависимых трудовых казахских масс. В классовом обществе — при господстве ханов, султанов и родовых феодалов — иначе и не могло быть. Тов. Рыскулов и другие, отрицая существование казахского феодализма, объективно отражают идеологию казахского полуфеодального байства и оправдывают феодально-крепостнический гнет последнего над казахскими массами. «Теория» т. Садыкбекова о беззрешом бае и «теория» т. Рыскулова о беспильном, беззрешом хане и полезном родовачальнике — друг друга дополняют. Классовые корни этих «теорий» — одни и те же.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРОНИКНОВЕНИЕ КАПИТАЛИЗМА В КАЗАКСКИЙ АУЛ

О двух ошибочных положениях

Проникновение капитализма в казахский аул теперь как-будто никем не оспаривается. Даже сторонники «родового строя в ауле» признают это положение. Весь вопрос в том, в какой степени проникал капитализм в казахский аул и в каких формах развивался он там,— об этом и ведется спор.

По мнению сторонников «родового строя в ауле», капитализм проникал в казахские степи лишь в виде неразвитой меновой торговли. Поскольку в ауле господствовал родовой строй, постольку капитализм не имел в ауле никакой почвы для своего дальнейшего развития, не мог развиваться и не развивался (Байтурсунов, Полочанский, Кушнер и др.). Другие утверждают, что «капитализм проник в казахский аул только в форме торгового капитала, последний не заменил производственных отношений, старый способ производства продолжал в ауле господствовать, и казахское хозяйство в преобладающей части являлось натуральным хозяйством». Примерно такой точки зрения придерживается и т. Зелькина, когда она утверждает, что «торговый капитал в кочевых районах не разрушил родовой строй, и что он, проникая в кочевые районы, усилил процесс феодализации».

Противники казахского феодализма, наоборот, безапелляционно утверждают, что в дореволюционном ауле имело место полное господство капиталистических отношений, казахское натуральное хозяйство превратилось в товарно-денежное, феодальные пережитки были окончательно ликвидированы (Румянцева, Рыскулов и др.).

Несколько своеобразную позицию в этом вопросе занимает т. Федоров. Правда, он признает наличие в дореволюционном казахском ауле феодальных пережитков, но все же и по его мнению в дореволюционной экономике аула «интенсивно развивались капиталистические отношения, и старый способ производства был заменен капиталистическим способом производства», стало-быть, феодальные пережитки существенного значения уже не имели.

Если отвлечься от всех второстепенных различий и оттенков, обнаруживающихся между всеми этими взглядами, то их в основном можно свести к двум исключаящим друг друга положениям. Первое положение есть отрицание наличия феодальных пережитков, задерживающих быстрое капиталистическое развитие аула (Рыскулов, Румянцева, от-

части Федоров и др.). Второе положение есть отрицание буржуазного развития казакского аула и, в частности, отрицание наличия более или менее сложившихся капиталистических отношений и капиталистического производства в ауле.

Какое из этих положений можно считать правильным? По нашему мнению, оба они не отражают действительного процесса экономического развития дореволюционного аула.

В чем основная ошибка первого положения? Ошибка эта заключается в том, что оно не учитывает колониального положения казакского аула и переоценивает степень капиталистического развития казакского хозяйства. Сторонники этого положения или совсем отрицают наличие феодальных пережитков, препятствовавших капиталистическому развитию аула, или некоторые из них, вроде г. Федорова, осторожно, приличия ради признают наличие кое-каких феодальных пережитков в характере эксплуатации, но таких, которые являются «мелкими частностями», не имевшими никакого существенного влияния на экономическое развитие аула.

Таким образом, по концепции этих товарищей получается, что капиталистическое развитие в колониальном казакском ауле шло гораздо свободнее и полнее, чем даже в русской деревне. Как известно, Ленин по отношению к дореволюционной русской деревне утверждал, что русское крестьянство страдает не столько от развитости, сколько от неразвитости капитализма, и что «крепостнические латифундии (помещичье землевладение — Т.) держат русское крестьянство в забитом состоянии и увековечивают посредством отработков и кабалы самые отсталые приемы и методы хозяйства на земле»¹. А по мнению авторов первого положения, в казакском ауле свободно развивалось крестьянское товарное хозяйство и капиталистическое байское хозяйство. Раз так, сам собой снимается и вопрос о некапиталистическом пути развития казакского аула.

В казакском ауле капитализм развивался гораздо слабее и медленнее, чем в русской деревне, и казакский крестьянин был еще более прижат, забит и крепостнически закабален баем-полуфеодалом, чем русский крестьянин помещиком. Казакское крестьянство в гораздо большей мере, чем русское крестьянство, страдало именно от неразвитости капитализма, от господства феодальных методов эксплуатации, стеснявших и задерживавших развитие производительных сил аула. Этому способствовала и колониальная политика русского самодержавия. «Специфические колониальные формы капиталистической эксплуатации... в конечном счете тормозят развитие производительных сил соответствующих колоний... сельское хозяйство колоний... как общее правило, превращается в «свободное» товарное хозяйство путем подчинения докапиталистических форм производства потребности финансового капитала, усугубления докапиталистических методов эксплуатации, путем закабаления крестьянского хозяй-

¹ Ленин, т. IX, изд. 1923 г., стр. 469.

ства под его бурно развивающегося торгового и ростовщического капитала» (VI конгресс Коминтерна). Дореволюционное казакское крестьянство в первую очередь и главным образом страдало от докапиталистических методов эксплуатации, которые не только применялись баями-полуфеодалами, но и всячески поощрялись и восстанавливались царской властью. Господство скушника и ростовщика-полуфеодала, разнообразные формы отработок, использование баями всяких родовых пережитков, наконец, применение различных докапиталистических приемов внеэкономического принуждения казакских масс как со стороны полуфеодалов, так и со стороны царской администрации, — все эти феодальные пережитки, задерживала и стесняла свободное развитие товарно-капиталистических отношений в ауле. Отрицать это — значит отрицать господство полуфеодалов в ауле, отрицать прошлое колониальное положение аула.

Вопрос о развитии капитализма в ауле тесно связан с вопросом о роли империализма в колонии, в данном случае — русского империализма в бывшем колониальном казакском крае, ибо развитие капитализма в колонии нельзя изолировать, оторвать от всего (в целом) развития данного империализма и его колониальной политики, направляющей и определяющей культурное, экономическое и политическое развитие зависимых от него народов. Апологеты русского империализма, начиная от черносотенных генералов-монархистов и кончая либералами-кадетами, в оценке роли империалистической политики русского самодержавия всегда старались особо подчеркивать «цивилизаторскую роль» последнего в казакской степи. Они убеждали всех в том, что «русский империализм своей колониальной политикой цивилизует диких инородцев, приучает последних к государственной жизни, развивает их хозяйство и поднимает уровень благосостояния этих диких народов» (Румищев, Дмитриев, Кауфман и др.). В духе этих же русских и международных империалистов выступают теперь международные социал-фашисты. В оценке роли империализма в колониях они тоже утверждают, что «с помощью колониальной политики капитализм распространился на всем земном шаре. Она открыла доступ к естественным богатствам отсталых стран, она развила у них производство и новейшие средства сообщения и таким образом колоссально расширила сырьевой базис мирового хозяйства и способствовала развитию международного разделения труда» (из резолюции II интернационала, принятой в августе 1928 г.). Поэтому социал-фашисты заключают, что, «когда капиталистическое производство вступает в борьбу с отсталыми производственными способами, мы не можем и не должны препятствовать ему на этом пути» (К. Каутский). Социал-фашисты так и делают. Они теперь не только поют хвалебные песни «спасителям, цивилизаторам» колоний — империалистам своих стран, но сами вместе с ними практически участвуют в колониальном ограблении отсталых народов и осуществляют «цивилизаторскую миссию» в колониях. В защите и оправдании колониального грабежа от социал-фашистов не отстают и господа Троцкий, Рой и К^о — эти теперешние передовики мировой контрреволюции. В конечном счете, в оправдание и защите империализма приводит и теория «деколони-

ции», утверждающая, что «колонии постепенно высвобождаются от экономической зависимости метрополии, окончательно ликвидируют феодальные пережитки и добиваются самостоятельного капиталистического развития, развивая у себя все отрасли капиталистического хозяйства».

По существу ничем не отличается от всех этих апологетических теорий империализма и теория т. Рыскулова и других, доказывающих отсутствие феодальных пережитков и наличие господства капитализма в казакском ауле дореволюционного периода. Такое понимание развития капитализма в казакском ауле не только теоретически неверно и не соответствует казакской действительности, но оно явно искажает, перекрашивает в добродетель колониальную грабительскую политику русского самодержавия в его колониях. Отрицать наличие феодальных пережитков и защищать наличие господства капитализма в дореволюционном казакском ауле — это значит отрицать прежнее господство царского империализма в колониальном Казахстане. Вот к чему приводит «теория» тов. Рыскулова.

Для правильного понимания характера и степени развития капитализма в казакской степи в высшей степени поучительны высказывания т. Сталина о развитии капитализма в Китае: Китай — страна с тысячелетней историей и культурой — издавна занимается земледелием, особенно разведением технических культур, в Китае развита торговля, немало и промышленных предприятий. Но тем не менее в этой стране «торговый капитал типа первоначального накопления своеобразно сочетается в китайской деревне с господством феодала, с господством помещика, заимствуя у этого последнего средневековые методы эксплуатации и угнетения крестьян» (Сталин). В условиях господства империализма в Китае иначе и не могло быть, ибо «империализм со всей его финансовой и военной мощью в Китае есть та сила, которая поддерживает, вдохновляет, культивирует и консервирует феодальные пережитки со всей их бюрократически-милитаристической надстройкой» (Сталин). Примерно то же самое делал русский империализм в казакской степи, этого требовали насущные интересы империализма. Свободное развитие капитализма и окончательная ликвидация феодальных пережитков в колонии явно противоречат интересам империализма. Консервирование, даже культивирование феодальных пережитков и средневековой отсталости и господства феодально-крепостнических методов эксплуатации в колониях — это закон империализма. В условиях развития товарного хозяйства и на этой основе капитализма господство империализма в колонии представляет величайшее препятствие для развития производительных сил и сохраняет докапиталистические отношения в колониях.

Постепенное мучительное развитие от феодализма к капитализму, которое все же совершается под влиянием империализма в колониях, почти всегда носит исключительно односторонний, уродливый характер. «Капитализм — говорит Ленин — бывает разный: помещичий, полуфеодальный, с тьмой остатков всяких привилегий, наиболее реакционный и наиболее мучительный для массы, а также капитализм свободных фермеров, наибо-

лее демократический, менее мучительный для массы, с наименьшими остатками привилегий» (Ленин)¹. При господстве империализма в колониях может развиваться только «наиболее реакционный, наиболее мучительный для массы» помещичий, полуфеодальный тип капитализма с сохранением всяких отсталых докапиталистических методов эксплуатации.

Только с этой точки зрения можно правильно понять развитие капитализма и в казакском колониальном ауле. При ином понимании характера и степени развития капитализма в казакской степи нельзя понять и действительный смысл конфискации средств производства у баев-полуфеодалов, проведенной в Казакстане уже при советской власти. Тов. Рыскулов в свое время не понимал действительного смысла конфискации, он доказывал, что «в Казакстане нет никаких полуфеодалов, а есть только баи, типа русского кулака». Эту свою мысль т. Рыскулов опять повторил на дискуссии в КУТВ. Все это, конечно, не случайно, все это лишний раз свидетельствует о том, что в вопросах дореволюционной истории казаков у т. Рыскулова имеется своя «концепция», не марксистская, не партийная, а насквозь идеалистическая и оппортунистическая.

В чем основная ошибка второго положения? Она заключается, на наш взгляд, в том, что авторы этого положения, отрицая вообще буржуазное развитие казакского аула, не видят или совершенно игнорируют экономическую связь колоний (в данном случае казакского аула) с центральной Россией и развитие товарного хозяйства в казакской степи.

Они видят только одну сторону развития колониального аула — консервирование, сохранение феодальных пережитков, совершенно забывая и игнорируя другую сторону — развитие капитализма, хотя бы изуродованного, опутанного феодальными методами эксплуатации. В своей статье «Итоги дискуссии о самоопределении» В. И. Ленин писал, что «экономическое различие между колониями и европейскими народами — по крайней мере, большинством последних — состояло прежде в том, что колонии втягивались в обмен товаров, но еще не в капиталистическое производство. Империализм это изменил. Империализм есть, между прочим, вывоз капитала. Капиталистическое производство все более и более ускоренно пересаживается в колонии. Вырвать их из зависимости от европейского финансового капитала нельзя... капитализм в Польше и Финляндия, Украине, Эльзасе, несомненно, развивает производительные силы и быстрее, и самостоятельнее, чем в Индии, Туркестане, в Египте и в других колониях чистейшего типа. Ни самостоятельное, ни вообще какое бы то ни было в обществе товарное производство невозможно без капитала»² (разрядка наша — Г. Т.).

Противники «развития капитализма в ауле» упускают из вида это ясное указание Ленина. По их мнению, в ауле до Октябрьской революции

¹ Т. XVI, стр. 629.

² Ленин, т. XIX, стр. 196—197.

развивался только феодализм, торговый капитал втягивал казакский аул только в обмен товаров. Эта точка зрения наиболее четко сформулирована т. Асфендиаровым. В своей статье «Краткий очерк образования и развития казаков» он пишет: «Завоевание царизма лишь углубило и усилило дальнейший прогресс феодализации казакского общества... Торговый капитал был заинтересован в сохранении старого способа производства у казаков, обнаружил свою консервативную, а не преобразующую и разрушающую старым способом производства сторону...» Далее т. Асфендиаров еще подробнее продолжает эту же мысль: «Царизм развил и воспроизвел на более расширенной базе процесс феодализации казакского общества, начавшийся значительно раньше завоевания. В этом суть... Экономической базой этой системы являлось кочевое скотоводческое хозяйство, натурально-потребительский его характер. Российский капитализм в чрезвычайно малой степени разрушил преобладающий натуральный характер этого хозяйства. В описанных условиях капитализм проявляет свою консервативную сторону — сохранение, приспособление и использование в целях эксплуатации старого докапиталистического способа производства, сохранение, а не разложение старого экономического строя хозяйства. В этом особенность колонии империализма» (разрядка наша — Г. Т.). Концепция т. Асфендиарова ясна и не требует особых комментариев: русский империализм не разрушал старый экономический строй казакского хозяйства, сохранил его натуральный характер, усилил дальнейший прогресс феодализации казакского общества, и никакого капитализма не было в казакском колониальном ауле.

Ошибка т. Асфендиарова заключается в том, что, правильно выявляя господство феодальных пережитков в казакском ауле, которое поддерживалось и культивировалось русским империализмом, он совершенно не понимает или забывает другую сторону политики империализма — стремление наряду с сохранением докапиталистических методов эксплуатации внедрить в колонии товарные формы производства. Ленин не случайно говорил, что империализм — этот новейший этап капитализма — «безжалостно разрушил до основания старинную обособленность и замкнутость систем хозяйства» и «связал все части света в единое мировое хозяйство». Втягивая колонии в мировой товарооборот, империализм медленно, мучительно, но неизбежно развивает в нужном ему направлении хозяйство колоний. Выкачивая из колоний дешевое сырье и продовольствие, заполняя колонии дешевыми товарами фабричного производства, империализм тем самым вытеснял и уничтожал прежнее домашнее, кустарное производство туземцев. Все это неизбежно наносит большой удар натуральной форме хозяйства колонии, ускоряет расстройство колониального крестьянства, ухудшает положение трудящихся колоний, усиливает их зависимость от рынка. То же самое делал русский империализм в колониальном казакском ауле. Особенность колонии империализма заключается не в том, что последний не разрушает прежнего экономического строя и сохраняет

натуральную форму хозяйства колонии, — как-раз этого уже нет в эпоху империализма, а в том, что империализм, разрушая прежнюю натуральную форму, развивает товарность колониального хозяйства в нужном ему направлении, усиливает экономическую и политическую зависимость колоний от метрополии, одновременно сохраняя, культивируя и приспособляя старые докапиталистические методы эксплуатации к новому капиталистическому пути развития колоний. Такое двойственное, противоречивое влияние империализма на экономику колонии вытекает из неравномерного развития капитализма, из господства немногих, капиталистически высоко развитых стран над отсталыми, капиталистически малоразвитыми колониями, где отсталость и господство докапиталистических методов эксплуатации сознательно культивируются соответствующими империалистическими державами.

Ленин дал исчерпывающий анализ развития капитализма в русских колониях в своем известном произведении «Развитие капитализма в России». В этой книге Ленин пишет: «Капитализм не может существовать и развиваться без постоянного расширения сфер своего господства, без колонизации новых стран и втягивания не капиталистических стран в водоворот мирового хозяйства. И это свойство капитализма с громадной силой проявлялось и продолжает проявляться в пореформенной России». Именно одной из таких колониальных окраин является и Казакетан. Ленин в качестве примера берет Кавказ и пишет, что «русский капитализм, втягивая таким образом Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости, — создавал себе рынок для своих фабрик. Страна, слабо заселенная в начале пореформенного периода или заселенная горцами, стоящими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табака...».

Далее Ленин особо подчеркивает, что «нам нет надобности добавлять, что то же самое происходило и происходит в Средней Азии и в Сибири и т. д.»¹.

В основном то же самое происходило и в Казакетане, хотя в казакском ауле развитие капитализма шло еще гораздо медленнее, чем на Кавказе и в Сибири (хотя две большие области Казакетана в прошлом входили в Сибирь).

В казакском ауле развитие капитализма встретило и не могло не встретить больше препятствий, чем во многих других колониальных районах. Но все это еще не говорит за то, что казакский аул продолжал оставаться в стороне от истории и от мирового товарообращения. Казакетан, будучи одной из колоний царской империи, к концу XIX века и в начале XX века экономически стал составной частью помещичье-капиталистической России. В это время русский капитализм втягивал Казакетан в мировое товарообращение и создавал в нем рынок для своих

¹ Ленин, т. III, изд. ГИЗ, 1923 г., стр. 384.

фабрик. И в Казахстане, и на Кавказе происходила «с одной стороны, сильная колонизация и, с другой, широкая распахка земель колонистами» (особенно в северных районах) и развитие товарного скотоводства, в особенности — в казахских районах. То, что Маркс и Ленин говорили относительно специализации колоний, до некоторой степени имело место и в казахской степи. Большинство казахских районов в дореволюционный период специализировалось в основном на развитии товарного скотоводства. Северные районы Казахстана одновременно с животноводством развивали и товарное земледелие.

Таким образом на вопрос о том, каким было социально-экономическое развитие дореволюционного казахского аула, мы должны ответить, что, несмотря на колониальное положение аула, несмотря на наличие сильных феодальных пережитков, задерживавших развитие производительных сил аула, все же и байское, и казахское крестьянское хозяйство развивались, хотя и невероятно медленно, по буржуазному пути, а не по пути дальнейшего развития феодализма или родового строя. Все те феодальные или родовые пережитки, которые еще сохранились в казахской жизни, приспособлялись царизмом и его байской агентурой к складывавшемуся буржуазному строю аула.

Известное положение Ленина о двух путях развития капитализма в России вполне применимо и в отношении казахского аула — этой экономически неразрывной части тогдашней России. Ленин, доказывая необходимость насильственного устранения остатков крепостничества, т. е. помещичьего землевладения, писал, что «крепостнические латифундии и господство кабалы в земледелии означают и соответствующую политическую надстройку, господство черносотенного помещика в государстве, беспорядок населения, распространённость гурко-лидвалевских методов в администрации и так далее и прочее и тому подобное», но вместе с тем Ленин утверждал, что «помещичье хозяйство эволюционирует капиталистически, заменяя постепенно отработку «вольнорабимым трудом», трехполье — интенсивной культурой и крестьянский стародеховский инвентарь — усовершенствованными орудиями владельческой экономики. Крестьянское хозяйство тоже эволюционирует капиталистически, выделяя сельскую буржуазию и сельский пролетариат»¹. И этот путь развития капитализма в России Ленин назвал прусским, т. е. «путем медленного перерастания крепостнических помещичьих хозяйств в юнкерски-буржуазное хозяйство, превращения массы крестьян в бобылей и кнехтов, насильственного удержания нищенского уровня жизни массы». Дальше он пояснил, что «черносотенные помещики и их министр Столыпин встали именно на этот путь... они сознали необходимость приспособиться к капиталистическому развитию, а не бороться с ним»².

В другом масштабе, в несколько иных формах, но по существу — по классовому содержанию — то же самое делали полуфеодалы-баи и в ка-

¹ Ленин, т. IX, изд. 1923 г., стр. 462.

² Ленин, т. IX, изд. 1923 г., стр. 614—615.

байском ауле. Казакский бай-феодал тоже приспосабливался в интересах сохранения своего господства, он тоже осознал необходимость «приспособиться к капиталистическому развитию, а не бороться с ним». Интересы русского помещика и казакского бай-полуфеодала в этом отношении целиком и полностью совпадали. Недаром русские помещики и царская власть в своей повседневной политике опирались на этих полуфеодалов, всячески поддерживали и поощряли их феодально-крепостнические методы эксплуатации казакских масс.

Однако, определяя развитие дореволюционного аула, как буржуазное, необходимо в то же время особо подчеркнуть, что капитализм в казакской степи находился еще на самой низкой ступени. Приспособление и превращение феодального хозяйства в капиталистическое происходило гораздо медленнее, чем даже помещичье хозяйство в центральной России. Ибо докапиталистические методы эксплуатации в байском хозяйстве сохранялись гораздо больше, чем в русском помещичьем хозяйстве, и они здесь принимали самые разнообразные формы, начиная от родовых пережитков («саун», «жылу») и кончая типичной русской «отработкой».

После общего определения характера и степени развития капитализма в ауле перейдем к конкретному выявлению и анализу отдельных основных признаков товарно-капиталистического развития казакского хозяйства.

О расслоении казакского крестьянства и развитии товарного хозяйства

Как отмечено выше, некоторые последователи аула утверждают, что капитализм в казакский аул проникал только в форме торгового и ростовщического капитала, последний не разлагал старого способа производства, и казакское хозяйство оставалось натуральным хозяйством.

Такое утверждение неверно. Прежде всего, казакское хозяйство уже не оставалось натуральным. Под натуральным хозяйством мы понимаем такое хозяйство, которое «не зависит от рынка, на рынок ничего не производит, производит только для своего собственного потребления». Таким казакское хозяйство было при родовом строе, при казакском ханстве, а потом в первый период русского завоевания. Но оно стало иным к концу XIX века. К этому времени казакский скотовод или земледelec уже был «подчинен рынку, от которого он зависел и в личном потреблении, и в своем хозяйстве» (Ленин). Байское хозяйство в массовом порядке производило на рынок продукты животноводства и продавало на рынке шерсть, кожу и скот и покупало на рынке не только необходимые предметы потребления, но и средства производства для дальнейшего расширения и улучшения своего хозяйства. Средняцкое хозяйство тоже не могло существовать без рынка, — часть своих сельскохозяйственных продуктов оно вынуждено было продавать на рынке для того, чтобы приобрести себе необходимые продукты промышленности — чай, сахар, мануфактуру, обувь и т. д. Бедняк тоже был подчинен рынку, он вынужден был про-

давать свою рабочую силу для того, чтобы покупать минимально необходимые продукты для своего существования. Такое положение стало возможным в результате расслоения казакского крестьянства и развития за счет среднего крестьянства двух новых типов — баев, подобного русскому кулаку, и жалши, подобного русскому батраку или бедняку с наделом, занимающемуся отхожим промыслом. Такой процесс означает коренное разрушение самодовлеющего натурального хозяйства и превращение его в товарное хозяйство.

Все те основные противоречия, которые свойственны всякому товарному хозяйству, к концу XIX века имели место и в казакском ауле. Концентрация основных средств производства (скота) в руках меньшинства — баев, вытеснение большинства казаков в ряды деревенской бедноты и сельскохозяйственного пролетариата, эксплуатация последнего со стороны баев путем торговли, ростовщичества, найма батраков и т. д. — все это было уже не редкостью, а обычным повседневным и массовым явлением в казакской жизни.

Как известно, в дореволюционном казакском ауле скот являлся основным средством производства. В чьих руках находился скот до революции? Вот данные¹: в Павлодарском уезде 12 500 бедняцких хозяйств имели 63 600 лошадей, а 1 800 байских и зажиточных хозяйств имели 172 700 лошадей; всего скота в переводе на крупный у первых было 118 200 голов, а у вторых — 235 000 голов; иначе говоря 1800 байских зажиточных хозяйств имели скота в два раза больше, чем 12 500 бедняцких хозяйств. В Омском уезде байские и зажиточные хозяйства, составлявшие 16% всех хозяйств уезда, имели скота (округленно) 110 000 голов, а середняцкие и бедняцкие хозяйства, составлявшие 84% хозяйств уезда, имели 115 000 голов скота, т. е. 84% хозяйств уезда (бедняки и середняки) имели 52%, а 16% хозяйств (байские и зажиточные хозяйства) — 48% всего скота уезда. В Кызылордынском (чисто животноводческом и кочевом) уезде байские хозяйства составляли 8% хозяйств уезда, и в их руках было сосредоточено 58% всех лошадей уезда, а бедняцко-средняцкие хозяйства, составлявшие 92% всех хозяйств, имели только 42% лошадей уезда. В Баркаралинском уезде (тоже скотоводческий, кочевой) 10 400 бедняцких хозяйств имели 16 000 лошадей, а 1 000 байских хозяйств — 78 000 лошадей; так же разительны цифры и о распределении всего крупного скота: у первых (10 400 хозяйств) имелось в переводе на крупный всего скота 65 000 голов, тогда как у вторых (1 000 хозяйств) — 103 000 голов. В Верненском уезде зажиточные и байские хозяйства составляли 17% хозяйств уезда, и у них имелось (в переводе на лошадь) 54% скота всего уезда. В предисловии к материалам по киргизскому землепользованию, собранным экспедицией по исследованию степных областей, В. Кузнецов пишет, что «в Семипалатинском уезде

¹ Взяты из материалов экспедиции Щербины и Кузнецова. О Кызылордынском уезде — из доклада т. Пасунова, прочитанного в Институте марксизма-ленинизма в 1931 г. в г. Алма-Ата.

главная масса казахских хозяйств (до 90 %) принадлежит к иному, бедным и маломощным, совсем безлошадным и владеющим всего 1—10 лошадьми. Эта масса влечет жалкое существование кочевников-полупролетариев и добывает средства к жизни не столько от своего кочевых хозяйства, сколько от посторонних доходов и заработков, которыми занимается свыше четырех пятых всех этих хозяйств» (см. Материалы по киргизскому землепользованию. Семипалатинская область, Семипалатинский уезд, т. X, изд. 1909 г.).

Можно было бы привести такие же данные и по другим бывшим уездам Казахстана, но достаточно и вышеприведенного, чтобы убедиться в происшедшем уже к концу XIX века глубоком классовом расслоении в ауле и концентрации основных средств производства, главным образом — скота, в руках меньшинства, в руках кучки казахских баев.

О найме труда

«В вопросе о развитии капитализма — писал Ленин — едва ли не наибольшее значение имеет степень распространения наемного труда. Капитализм — это та стадия развития товарного производства, когда и рабочая сила становится товаром¹... главный признак и показатель капитализма в земледелии — наемный труд»².

Многие исследователи казахского аула частенько забывают это указание Ленина. Между тем наем труда и увеличение количества отходников из аула являются основными показателями развития капитализма и в казахском ауле. Вот что говорят данные³ по этому вопросу:

№ по порядку	Уезды	Проценты казахских хозяйств, нанимающих рабочих (годовых и сезонных)
1.	Актыубинский	42,3
2.	Кустанайский	28,1
3.	Акмоллинский	26,7
4.	Омский	24,6
5.	Петропавловский	19,0
6.	Устькаменногоорокий	17,0
7.	Павлодарский	14,5
8.	Атбасарский	13,7
9.	Каркаралинский	13,5

Эти данные неоспоримо доказывают прежде всего тот факт, что во всех казахских районах уже в конце XIX века широко применялся наемный труд. Нанимали рабочих главным образом байские, зажиточные хозяйства и часть середняцких хозяйств. Отпускали рабочих разоренные, вытесненные из хозяйственной волеи батрацкие и бедняцкие хозяйства.

¹ Ленин, т. III, стр. 473, изд. 1923 г.

² Ленин, т. IX, стр. 272, изд. 1923 г.

³ Из сборника «Вопросы колонизации», № 5, 1909 г.

Характерно здесь и то, что наем труда был более развит в тех местах, где была выше товарность казакского хозяйства, где казакские районы были ближе к железным дорогам, рынкам, русским городам и поселкам. В этом отношении наиболее характерные показатели по найму труда дают Актюбинский, Кустанайский и Омский уезды — здесь от 24 до 42 % хозяйств прибегали к найму рабочих. Наоборот, в наиболее отсталых отдаленных уездах, как Каркаралинский и Атбасарский, процент хозяйств, употреблявших наемную рабочую силу, значительно понижается по сравнению с наиболее развитыми скотоводческо-земледельческими уездами.

Данные о найме труда в казакских районах лишний раз подтверждают наше положение о том, что в различные казакские районы капитализм проникал не в одинаковой степени. В более отсталых, отдаленных и кочевых животноводческих районах наемный труд был менее развит не потому, что там байские и зажиточные хозяйства обходились без рабочих — этого не было и не могло быть, — а лишь потому, что в этих районах байские хозяйства больше держались еще крепостнически-кабальной, чем капиталистической системы хозяйства, и вели свое хозяйство главным образом силами полукрепостных крестьян — консы, бедных городничей, которые не значатся в официальной статистике.

Здесь же уместно сказать и об оплате баями труда своих батраков и рабочих. Степень развития капитализма в различных районах казакской степи сказывалась и на форме оплаты рабочих в байских хозяйствах. В конце XIX и в начале XX века в скотоводческо-земледельческих прирельсовых казакских районах (Актюбинский, Кустанайский, Петропавловский, Омский, Павлодарский, Уральский и часть Устькаменногогорского, Бокчетовского, Семипалатинского уездов, Таловская часть Букеевской орды и т. д.), как правило, оплата труда рабочих в байских хозяйствах проводилась деньгами. В то же время в наиболее отсталых, отдаленных кочевых районах (Каркаралинский, Атбасарский, Тургайский, Иргизский, Перовский (Жылордынский), Адаевский и т. д.) труд казакских батраков и рабочих, как правило, оплачивался скотом.

Об отходничестве

Не менее характерны показатели¹ по этим же уездам о развитии промыслов (см. табл. на стр. 72).

В этой таблице бросается в глаза то же, что мы наблюдали выше в отношении найма рабочих. Промыслы тоже главным образом более интенсивно развивались в тех уездах, где была выше товарность казакского хозяйства, где был более развит рынок, и где было больше капиталистических предприятий как сельскохозяйственных, так и промышленных. Такие скотоводческо-земледельческие уезды, как Петропавловский, Омский, Устькаменногогорский, Кустанайский и Актюбинский, дают наибольший процент хозяйств, занимавшихся промыслами, — от

¹ Из сборника «Вопросы колонизации» № 5, 1909 г., стр. 109 и 116.

№ по по- рядку	У е з д ы	Процент хозяйств с промыслами	Процент хозяйств, занимающихся промыслами, по социальным группам		
			Бедняцких	Средняц- ких	Паевских
1.	Актыбинский	32,9	35	16	23
2.	Кустанайский	31,1	36	17	17
3.	Устькаменногогорский	50,7	55	17	10
4.	Омский	60,4	71	43	26
5.	Павлодарский	30,7	37	12	6
6.	Петропавловский	58,0	65	27	19
7.	Кокчетавский	37,9	46	15	5
8.	Акмолинский	19,5	24	8	6
9.	Атбасарский	15,2	19	6	2
10.	Каркаралинский	26,6	30	8	5

32 до 60%. А в наиболее отдаленных отсталых уездах (Каркаралинский, Атбасарский и др.), хотя и там процент хозяйств, занимавшихся всякими промыслами, довольно значителен, но он ниже, чем в северных уездах — от 15 до 26%.

В первой графе нашей таблицы даны сведения о всех хозяйствах, занимающихся разными промыслами, — сюда включены бедняцкие и середняцкие хозяйства, уходящие на заработки, а также и всякие мелкие скупщики, крупные торговцы и т. п. Буржуазные экономисты, сливая самые разнообразные типы занятий в одну кучу, нарочно извращали действительную картину развития промыслов, затемняли классовый характер этого явления. На это в свое время указывал Ленин. Но в последних трех графах таблицы приведены данные и о количестве хозяйств, занимавшихся промыслами, по отдельным социальным группам. По этим данным легко можно убедиться в том, что отхожие промыслы особенно были развиты среди бедняцкой части населения, среди тех бедняцких хозяйств, которые не имели в своем хозяйстве достаточных средств для существования и искали себе дополнительных заработков на стороне, вне своего хозяйства. В большинстве случаев эти бедняки, с целью больше заработать, уходили в другие районы, главным образом, в русские и казакские земледельческие районы, где имелся большой спрос на сезонных рабочих. В северных казакских районах таких отходников называют «пайдашиларами», в южных Сырдарьинских районах — «наукашларами» — «мендижерами» (исковерканное узбекское слово).

Отходничество особенно сильно было развито опять-таки в наиболее товарно-развитых северных уездах — Омском, Петропавловском, Устькаменногогорском и т. д. В этих уездах процент отходников в бедняцкой группе составляет от 37 до 71. Это можно объяснить двумя причинами: во-первых, благодаря большему развитию товарности крестьянского хозяйства и росту капиталистического производства, классовая дифференциация в этих уездах шла гораздо быстрее, чем в более отста-

лых отдаленных уездах. Выталкиваемые в ряды сельскохозяйственного пролетариата батрацкие и бедняцкие хозяйства, не встречавшие в ауле достаточного спроса на рабочую силу или стремившиеся «туда, где лучше» (Ленин), искали работы на стороне. Во-вторых, эти же казакские районы, где наиболее сильно было развито отходничество, являлись районами со смешанным казакско-русским населением. В русских деревнях развитие капитализма шло быстрее, чем в казакском ауле, и со стороны русских кулацких и зажиточных хозяйств предъявлялся большой спрос на сезонных рабочих, особенно во время уборки хлеба. По-

Казак-отходники (мендикеры) Туркестанского уезда Сыр-Дарьинской области

скольку казакские отходники являлись наиболее дешевой рабочей силой, русские кулаки охотнее всего нанимали их на работу и всячески закрепляли казаков в своем хозяйстве в качестве постоянных сезонных работников. Такие закрепленные казакские отходники ежегодно в условленное по договору время (к пахоте, уборке, молотье и т. д.) приезжали к «своим» хозяевам и зарабатывали себе и своей семье средства существования. Правильно отмечает т. Федоров, что «кулак-базонист, одолжив зимой или весной немного сена или хлеба беднику-казаку, оговаривал на отработку долга дни по своему выбору и по цене, значительно сниженной против рыночной цены за труд»¹. Это было одним

¹ См. справочник «Весь Кавказ».

из своеобразных крепостнически-колонизальных методов эксплуатации казахской бедноты со стороны кулаков-колонистов; таких сезонников-казахов в русских поселках было не мало.

О роли торгово-ростовщического капитала и о двух типах казахских районов

В моей книге «О казахском ауле» я утверждал, что при определении роли и влияния торгового и ростовщического капитала на развитие казахского хозяйства необходим дифференцированный подход к двум основным типам казахских районов: во-первых, к чисто скотоводческим кочевым и, во-вторых, к скотоводческо-земледельческим полукочевым районам. При этом я исходил из того, что в этих двух типах районов капитализм развивался не одновременно, не в одинаковой степени и не в одинаковых формах. Это положение я поддерживаю и теперь.

Одна из основных ошибок всех исследователей экономики казахского аула до сего времени заключается в том, что они о казахском ауле, о казахском хозяйстве говорят или «вообще» или только о кочевом ауле, выводят из последнего все свои основные положения и распространяют их на казахские районы всего Казакстана. Отсюда — неизбежная однобокость и односторонность, которую мы наблюдаем в анализах и определениях экономики аула.

В самом деле, что есть общего и сходного между хозяйством адаевского кочевника и кустанайского земледельца-скотовода или между кочевником-скотоводом Туркестанского района и полукочевником Петропавловского и Уральского районов? Между тем и другим — большая разница и в структуре хозяйства, и в развитии его товарности, а отсюда — в развитии способа производства и производственных отношений. Конечно, получается не серьезно, не научно, когда некоторые товарищи экономику всех казахских районов определяют только по экономике адаевского кочевого аула.

Надо кстати заметить, что от такого упрощения мы часто теряли, теряем и сейчас в нашей повседневной работе на местах. Многие товарищи, особенно практики, еще никак не хотят признать необходимость дифференцированного подхода к различным районам Казакстана, а внутри районов — к отдельным аулам. Эти товарищи не хотят понять, что и в дореволюционное время, и сейчас в Казакстане нет и не было единого аула. Казакстан, занимающий площадь, равную территории всей Германии, Франции, Италии, Англии, Швеции и Норвегии, вместе взятых (без колоний), никогда не представлял собою экономически-цельной страны. Завоевание казахского края русским царизмом длилось в течение целого столетия. Если Малая и часть Средней Орды завоеваны в начале XVIII века, то Большая Орда и часть Средней Орды были окончательно завоеваны только в первой половине XIX века. Это не могло не отразиться на экономике южных казахских областей. В самом деле,

разложение казакского натурального хозяйства, развитие его товарности, развитие внутреннего рынка и т. д. в северных скотоводческо-земледельческих районах происходили гораздо раньше, более интенсивно и широко и несколько в иных условиях, чем в скотоводческих кочевых южных районах. Разница между этими районами не только в их экономике, но и в их быту, в их общественной жизни всегда бросалась в глаза, сами казаки эту разницу хорошо знали и видели. Не случайно северные казаки-полуземледельцы называли южных кочевых казаков-скотоводов «малым тымаками», «сырыми казаками», «дикими казаками», «сананы казак» и т. п. Последние в свою очередь северных полу-кочевых казаков называли «обрусевшими» («шала казак»), «русскими мужиками» («орые мужикты») и т. п. Различие в экономическом развитии этих районов получило своеобразное отражение также и в сознании самих казакских масс.

Тем более, при определении роли и влияния торгового и ростовщического капитала и вообще всей экономики дореволюционного аула, нельзя упускать из вида, нельзя игнорировать это различие между двумя типами казакских районов. Конечно, это несколько осложняет работу исследователей, но трудность не является оправданием и основанием для того, чтобы упрощать и искажать действительное положение вещей. Задача марксистского исследователя — уметь преодолеть такие трудности и, руководствуясь единственно правильной марксистско-ленинской методологией, уметь правильно разобраться в противоречивой, запутанной обстановке различных типов казакских районов, уметь найти их общее, не упуская из вида специфических особенностей каждого из них.

Северные, скотоводческо-земледельческие районы

Одна из таких особенностей северных скотоводческо-земледельческих районов, отличающая последние от кочевых скотоводческих (главным образом южных) районов, заключается в том, что в северных районах торговый капитал разлагал старый способ производства, способствовал большему развитию товарности казакского хозяйства, благодаря чему здесь интенсивнее развивались капиталистические производственные отношения, наем рабочих, отходничество и т. д. В этих же районах байское полуфеодалное хозяйство эволюционирует капиталистически — постепенно заменяет отработки вольнонаемным трудом, староредовские средства производства сменяет на современные — азиатский омыч (деревянную соху) на железный плуг, серп и косу (в чисто кочевых районах раньше и этого не было) на сенокосилку и лоботрейку, кочевую форму хозяйства — на полуседлую, полукочевую форму, начинает запасать на зиму сено для скота и заменяет юрту зимовкой. В северных районах кунец и ростовщик вкладывал свой капитал не только в торговые предприятия, но и в производство, в улучшение своего хозяйства путем покупки сельхозмашины, лучших пород скота и т. д.

В 1900 г. в Кокчетавском уезде на каждое крупное байское хозяйство, имевшее 500 голов скота, приходилось 11 построек и 32 шт. сельскохозяйственных орудий (земледельческих и транспортных). В Петропавловском уезде на каждое крупное байское хозяйство приходилось 15 построек и 48 шт. различных сельскохозяйственных орудий. В Омском уезде на каждое крупное байское хозяйство приходилось 14 построек и 36 шт. сельхозорудий.

Эти данные не нуждаются в комментариях. Здесь, как мы видим, применимо определение, данное Лениным развитию капитализма в русской общинной деревне: «В русской общинной деревне — говорит Ленин — роль капитализма не исчерпывается кабалой и ростовщичеством, капитал обращается также и на производство; это видно из того, что зажиточное крестьянство вкладывает деньги не только в торговые заведения и предприятия, но и в улучшение хозяйства, в покупку и аренду земли, в улучшение инвентаря, наем рабочих и т. д. Если бы капитал в нашей деревне бессил был создать что-либо кроме кабалы и ростовщичества, тогда бы не могли по данным о производстве констатировать разложение крестьянства, образование сельской буржуазии и сельского пролетариата, — тогда бы все крестьянство представляло довольно ровный тип придавленных нуждой хозяев, среди которых выделялись бы ростовщики, выделялись исключительно по размерам денежного имущества, а не размерами и постановкой земледельческого производства»¹.

В казакских аулах северных скотоводческо-земледельческих районов казакский торговец и ростовщик не только торговал, но и улучшал свое хозяйство, выделялся от других более культурной постановкой и большими размерами своего производства. «Когда капитал овладевает самим производством и придает ему совершенно измененную и специфическую форму, — купеческий капитал является лишь капиталом с особой функцией» (Маркс). Самостоятельное развитие купеческого и ростовщического капитала, не связанного с производством и выполняющего только посредническую функцию между казакским производителем и русским городом, уже начало терять свое прежнее значение. Чаще всего купец или ростовщик является здесь одновременно и промышленником, который сам непосредственно производит в крупных размерах для торговли.

Данные обследования, проведенного экспедицией Кузнецова, подтверждают это положение. Характерный пример: в Кокчетавском уезде из 70 крупных баев, имевших в среднем на хозяйство по 500 голов крупного скота, 56 хозяйств занимались также и крупной торговлей, а остальные были волостные управители (которые, конечно, «зарабатывали» не меньше торговцев). В Омском и Петропавловском уездах из таких же крупных баев, имевших в среднем на хозяйство по 500—

¹ Ленин, т. XI, стр. 139—140, изд. ГИЗ, 1923 г.

600 голов крупного скота, 65—70% занимались одновременно крупной торговлей. Крупными торговцами такого типа являлись кустанайские Яманшаловы, петропавловские Баймагамбетовы, кокчетавские Ташеновы, омские Жексембаи и т. д. Каждый из них имел по нескольку сот голов скота, от 500 до 1000 десятин посева, держал по 15—20 годовых и 100—150 сенокосных рабочих и одновременно вел крупную торговлю скотом, хлебом и мануфактурой. Таких же баев-торговцев, типа русского кулака, но с меньшим количеством рабочих (2-3), с меньшим размером хозяйства, с меньшим оборотом торговли можно было встретить в каждом ауле.

Если бы в северных районах не было разрушения старого способа производства и постепенной замены его новым — капиталистическим способом, сочетавшимся с докапиталистическими методами эксплуатации, тогда и не было бы такого «разложения крестьянства, образования сельской буржуазии и сельского пролетариата» (Ленин), которое мы замечаем там.

Отдаленные кочевые районы

Совершенно другую картину мы видим в более отдаленных кочевых скотоводческих районах. В этих районах торговый и ростовщический капитал развивался несколько в иных условиях и почти (если не сказать — совсем) не способствовал разложению старого способа производства. Здесь капитал своим развитием и господством в значительной степени задерживал, консервировал старые отсталые докапиталистические отношения и методы эксплуатации в кочевом ауле.

В III томе «Капитала» К. Маркс, разбирая историю купеческого капитала, указывает, что, «пока торговый капитал играет роль посредника при обмене продуктов неразвитых стран, торговая прибыль не только представляется результатом обмана и обмана, но по большей части в действительности из них происходит... торговый капитал, когда ему принадлежит преобладающее господство, повсюду представляет систему грабежа»¹. «...Самостоятельное и преобладающее развитие капитала в форме купеческого капитала равносильно неподчинению производства капиталу, т. е. равносильно развитию капитала на основе чуждой ему и независимой от него общественной формы производства. Следовательно, самостоятельное развитие купеческого капитала стоит в обратном отношении к общему экономическому развитию общества... там, где преобладает купеческий капитал, господствуют устаревшие отношения. Это наблюдается даже в пределах одной и той же страны»². Это же положение мы встречаем и у Ленина. «Чем сильнее развит торговый и ростовщический капитал — говорит Ленин — тем слабее развитие промышленного капитала (капиталистического производства) и наоборот» (Ленин).

¹ К. Маркс, «Капитал», т. III, стр. 231.

² К. Маркс, «Капитал», стр. 220.

Примерно в такой форме развивался торговый капитал в казакском кочевом ауле. И здесь торговец и ростовщик преследовали известную цель — дешево покупать, чтобы дорого продавать. Дешево покупая у кочевников скот и сырье, они дорого продавали им промышленные товары. Подчиняя себе казакское кочевое хозяйство, в значительной части еще натуральное, через рынок, торговец и ростовщик мало интересовались улучшением его производства, — развитие и господство своего капитала они базировали, главным образом, на отсталости, слабой товарности казакского хозяйства, на господстве докапиталистических отношений и старого способа производства. Поэтому, несмотря на зна-

Казакские батраны

чительное развитие торговли и в этих районах, докапиталистические отношения и старый способ производства оставались мало разрушенными, байское — полуфеодалное хозяйство было еще «больше крепостнически-кабальной», чем капиталистической системой» (Ленин).

Еще Маркс указывал, что, «в какой степени торговля влияет на разложение старого способа производства, это сначала зависит от его прочности и внутреннего строя»¹. В кочевых районах при очень низком уровне развития производительных сил, отдаленности и оторванности казакского хозяйства от рынков, отсутствии путей сообщения — старый

¹ См. «Капитал», т. III, стр. 32.

способ производства держался еще прочно, и при таких условиях у торговца-ростовщика (он же бай-полуфеодал) «не было еще эконо­мической готовности заменить старый способ производства новым». Местный торговец-ростовщик вел крупное пастбищное скотоводство и сохранил старо­родовскую, примитивную форму ведения хозяйства, пользовался даровым трудом окружающей бедноты — «консы», «ближайших сородичей» и т. п., захватным порядком занимал самые лучшие пастбища и тем самым обеспечивал с минимальными затратами наибольшее накопление и даль­нейший рост своего скотоводческого хозяйства. Этот же бай-полуфеодал одновременно вел торговлю скотом, деньгами и промышленными то­варами, забавлял и эксплуатировал мелких скотоводов в самых разнообразных формах. Он давал последним в кредит мелкий скот, то­вары и деньги на ростовщических началах, давал «стокты» (барашка), а через 3 месяца получал откормленного «бойцака» (крупного барана). Давал ссуду деньгами с непомерно большим процентом, денежная ссуда возвращалась, как правило, не деньгами, а большей частью скотом по дешевой цене. Бай-торговцы давали в кредит и промышленные товары, тоже с большой надбавкой — обычно забавляли 50—75% покупной цены. Очень часто уплата этого долга производилась тоже натурой — продуктами животноводства (шерсть, кожа и т. д.).

Все это есть типичная форма азиатского ростовщичества. Тут трудно различить торговый капитал от ростовщического, один другого дополнял. Не случайно, что и все пришлые торговцы одновременно явля­лись и ростовщиками. Русские, узбекские и татарские купцы, которые ездили с товарами не только на большие степные ярмарки, но и по аулам, на самых кабальных условиях сбывали свои товары и по самой дешевой цене покупали у мелких скотоводов скот и сырье. — они тоже отпускали в кредит — сроком от одного базара до следующего базара — промышленные товары с надбавкой к обычной рыночной цене от 75 до 100%. Обычно местные и пришлые купцы выступали единым фронтом, помогая друг другу. Пришлый купец большей частью торговал, вернее — грабил мелких казакских скотоводов через местных же баев-купцов. Очень часто они являлись «компаньонами».

И местные, и пришлые торговцы-ростовщики больше всего вкладывали свой денежный капитал в торговые предприятия и меньше всего были заинтересованы в улучшении производства, в разрушении старого способа производства. При таких условиях господство торгово-ростовщи­ческого капитала могло приводить только «к ослаблению производитель­ных сил, вместо того, чтобы развивать их, и в то же время увековечи­вая эти несчастные (докапиталистические — Т.) отношения, при которых общественная производительность труда не развивается, как в капиталистическом производстве за счет самого труда» (Маркс)¹. Только этим можно объяснить слабое развитие товарности хозяйства, найма

¹ К. Маркс, «Капитал», т. III, стр. 427—428.

рабочих, отходничества и сохранение стародадедовского, примитивного сельскохозяйственного инвентаря, вроде омача, кетменя, серпа, деревянных арб и т. п., в кочевых районах.

Сравнительные статистические данные по характерным районам

Выше мы привели итоговые данные о найме рабочих и отходничестве по уездам; по ним мы установили, что найм рабочих и отходничество были более развиты в северных скотоводческо-земледельческих районах и очень слабо — в чисто скотоводческих, кочевых районах. Приведем теперь некоторые сравнительные данные¹ по отдельным волостям.

Скотоводческо-земледельческие районы

№ по порядку	Название волостей	Всего хозяйств	Хозяйства с промыслами		Хозяйства, занимающих батраков		Хозяйства, занимающих рабочих	
			Общее количество	Процентах к общему кол-ву, хо-в-в	Общее количество	Процентах к общему кол-ву, хо-в-в	Общее количество	Процентах к общему кол-ву, хо-в-в
Омский уезд								
1.	Чарлакская	1 565	1 027	65,0	643	41,0	317	20,0
2.	Покровская	1 629	946	58,0	458	28,0	380	23,0
3.	Курганская	1 020	606	59,0	350	34,3	248	24,3
4.	Николаевская	1 503	784	52,0	500	33,3	373	24,8
Кустанайский уезд								
5.	Чубарская	1 975	700	35,5	605	30,6	1 000	50,6
6.	Аракарагайская	1 643	491	29,9	276	16,8	576	35,0
7.	Князьральская	1 378	1 096	79,5	246	17,8	381	27,6
Актюбинский уезд								
8.	Тереклинская	1 728	948	54,9	575	33,3	594	34,4
9.	Тузтувинская	1 978	878	44,4	426	21,5	985	49,8
10.	Вестамакская	1 758	520	29,6	317	18,0	624	35,5
Петропавловский уезд								
11.	Петропавловская	1 593	1 076	67,5	857	53,8	369	23,2
12.	Пресновская	2 016	1 033	51,2	818	40,6	383	19,0
13.	Становская	1 542	1 141	74,0	997	64,6	229	14,8

Также же данные приведем по кочевым скотоводческим районам.

¹ Из материалов экспедиции Щербина.

Кочевые скотоводческие районы

№ по порядку	Название волостей	Всего хозяйств	Хозяйства с промыслами		Хозяйства, выделяющих батраков		Хозяйства, нанимающих рабочих	
			Общее количество	В процентах к общему количеству, %	Общее количество	В процентах к общему количеству, %	Общее количество	В процентах к общему количеству, %
Каркаралинский уезд								
14.	Купская	1 500	245	16,3	181	12,0	271	18,0
15.	Акботинская	1 135	262	23,1	243	21,4	198	17,5
16.	Эдрейская	1 881	248	13,2	212	11,3	277	14,7
17.	Темирчинская	1 854	182	9,8	138	7,4	180	9,7
Атбасарский уезд								
18.	Улутавская	1 116	142	12,7	—	—	62	7,3
19.	Коптыбинская	1 162	190	16,3	—	—	141	12,1
20.	Кенгирская	1 217	103	8,5	—	—	144	11,8
21.	Девгязская	1 555	300	19,3	—	—	140	9,0

Таким образом данные по отдельным волостям еще более резко показывают, то экономическое различие, которое существовало между северными скотоводческо-земледельческими и чисто скотоводческими кочевыми районами. В первой группе районов торгово-ростовнический капитал разлагал старый способ производства и в известной мере способствовал организации капиталистического хозяйства (покупка более усовершенствованных сельхозорудий, наем рабочих, интенсификация производства и т. д.) и новых капиталистических отношений в ауле. Что касается второй группы районов, то там торгово-ростовнический капитал своим самостоятельным развитием больше всего задерживал развитие товарности казакского хозяйства, консервировал старые, докапиталистические отношения и меньше всего был заинтересован в замене старого способа производства новым. Правда, и в чисто кочевых районах отдельные байские хозяйства, занимаясь торговлей, одновременно тоже улучшали свое хозяйство — имели кормовые посевы, улучшали породы скота, выделялись от других постановкой хозяйства и т. д. Но такие хозяйства были здесь единичными исключениями. В своей основной массе байские хозяйства в кочевых районах держались еще «больше крепостнически-кабальной», чем капиталистической системы.

Об изменении состава стада

Изменения, происходившие в составе стада, тесно связаны с разложением казакского натурального хозяйства и расслоением аульного крестьянства.

Как известно, основными видами скота в кочевом хозяйстве являлись лошади, овцы и верблюды. Рогатый скот в прошлом у кочевников совершенно отсутствовал; в натуральном кочевом хозяйстве рогатый скот презирался, его считали самым худшим видом скота; это получило даже соответствующее отражение в казахской народной литературе — у казахов имеются характерные поговорки («салдын жаманы—сыер» — худший вид скота — рогатый скот и т. п.). Но с проникновением капитализма в казахский аул, с разложением казахского крестьянства, развитием внутреннего рынка и повышенном товарности скотоводческого хозяйства изменяется экономическая структура казахского аула,

Казахские кочевники, едушие на отхожие промысла

изменяется и состав стада скота. Вчерашний презираемый рогатый скот («сасык сыер» — вилючий скот) теперь оказывается выгодным товарным скотом, и у бедняцких и середняцких хозяйств он становится основным видом скота. «Бытие определяет сознание» — рогатый скот начинает завоевывать на свою сторону и общественное мнение аула, появляются новые поговорки, уже не высмеивающие, а одобряющие развитие рогатого скота («сыер бул бады» — рогатый скот стал ценным — товарным). Как изменялся состав стада в казахских хозяйствах, можно проследить по следующей таблице¹.

¹ Из материалов экспедиции Щербины.

№ по порядку	Название областей и уездов	В каких годах	Процентное отношение различных видов скота			
			Овец	Верблюдов	Лошадей	Рогатого скота
1.	Тургайская обл.	1745	80,4	—	17,0	0,09
	"	1759	85,0	5,0	6,0	1,0
	"	1865	54,0	5,0	22,0	17,0
4.	Актюбинский и Кустанайский уезды	1899	45,0	2,0	27,0	24,0
		1903	18,0	5,0	43,0	32,0

Из этой таблицы ясно видно, что удельный вес рогатого скота в стаде неуклонно растет и постепенно оттесняет прежние основные виды скота, в частности — овец.

Рогатый скот по своему удельному весу более интенсивно растет главным образом в северных полукочевых, скотоводческо-земледельческих районах. Это подтверждается следующими данными¹:

№ по порядку	Уезды	Процент к общему числу			
		Лошадей	Рогатого скота	Верблюдов	Овец и коз
1.	Актюбинский	32,5	43,7	5,8	18,0
2.	Кустанайский	45,74	32,55	1,35	21,1
3.	Омский	57,0	29,0	0,5	13,5
4.	Атбасарский	45,3	12,2	13,3	28,2
5.	Аргизский	38,0	15,0	22,0	30,0
6.	Тургайский	33,0	21,0	11,0	36,0

В наиболее отсталых кочевых уездах (Атбасарском, Иргизском и Тургайском), где ниже товарность хозяйства, там медленнее внедряется и рогатый скот. По своему удельному весу, по сравнению с другими видами скота, рогатый скот в этих уездах занимает одно из последних мест.

У казаков сложилась очень характерная для прошлого поговорка: «Бедняцкая кобыла — корова» или «бедняцкий кумыс — шалап» (из коровьего молока). В самом деле, если взять данные по отдельным видам скота, то нетрудно убедиться в том, что рогатый скот преобладающее место занимал главным образом в бедняцких и середняцких хозяйствах. Особенно в северных скотоводческо-земледельческих районах в бедняцких и середняцких хозяйствах рогатый скот занимал первое место. Вот данные (см. табл. на стр. 84).

Почему в полукочевых районах рогатый скот превратился в основной вид скота бедняцких и середняцких хозяйств? Это можно объяснить

¹ Из материалов экспедиции Шершань.

№ по порядку	Уезды	Какой процент составлял рогатый скот в стаде	
		У бедняков и середняков	У баев
1.	Кустанайский	60—68	14—20
2.	Кокчетавский	31—47	10—11
3.	Верненский	29—38	16—17

двумя обстоятельствами. С одной стороны, в связи с разложением казакского крестьянства и обезниением бедняцких и середняцких хозяйств наиболее доступным для них видом продуктивного скота стал рогатый скот. Лошадь дорога, она доступна бедняку только как рабочий скот; поэтому бедняк, как правило, имел не более одной или двух лошадей (и то не у всех), как рабочий скот. Больше приобрести он был не в силах. Корова была ему более выгодна, он мог прокормить свою семью только коровьим молоком и сыром. Одна или две дойные коровы в бедняцком хозяйстве гораздо важнее, чем две или три кобылы: молоком двух кобыл нельзя обеспечить семью, а молоком двух коров вполне можно. Во-вторых, для бедняка и в хозяйственном отношении корова выгоднее, чем лошадь. Она не требует большого ухода, у нее более обеспечен и приплод. Давно уже доказано, что у бедных скотоводов главным товаром и для продажи являлся молодняк рогатого скота. Вот по этим двум причинам рогатый скот больше всего разводился в бедняцких и середняцких хозяйствах.

Отсюда ни в какой мере нельзя делать вывод, что рогатый скот попрежнему игнорировался байскими хозяйствами, как не-товарный вид скота. Некоторые исследователи так и утверждают, но это неверно. Такое утверждение более или менее применимо еще в отношении некоторых чисто кочевых районов, но оно абсолютно неверно в отношении полукочевых районов, в особенности — северных, скотоводческо-земледельческих. В этих районах и байское хозяйство в довольно значительном количестве разводило рогатый скот, именно как товарный скот. Если взять данные о количестве рогатого скота на каждое хозяйство по отдельным социальным группам, то получим следующую картину:

№ по порядку	Уезды	На одно хозяйство приходится рогатого скота ¹ (мелкого и крупного)		
		Бедняцкое	Средняцкое	Байское
1.	Павлодарский	8	13	34
2.	Кокчетавский	5	9	28
3.	Омский	4	8	31

¹ Эти данные, включающие в себе и мелкий, и крупный рогатый скот, не дают точной картины, но тем не менее они характерны для выявления тенденции распределения рогатого скота по социальным группам. Взяты из материалов Щербини — Г. Т.

Эти данные подтверждают наше мнение о том, что рогатый скот становится товарным видом скота в байском хозяйстве. Правда, по своему удельному весу и количеству в байском хозяйстве рогатый скот уступает лошадям и овцам. Тем не менее он с каждым годом растет и все больше и больше становится одним из основных видов скота в байском хозяйстве не только для сбыта на рынок мяса и других продуктов, но и для увеличения прироста скота и для прикрепления бескорытных бедняков к байскому хозяйству в качестве рабочих за «саун», который бедняки получали на самых кабальных условиях.

Сугубо «классовым» видом скота в казакском ауле становилась и коза. Казаки говорят, что «коза — бедняцкая корова». На самом деле, в бедняцких хозяйствах, особенно — в южных скотоводческих уездах, коза заменяет корову. Вот некоторые характерные данные: в Кокчетавском уезде на каждое байское хозяйство приходилось 4 козы, на средняцкое — 12, а на бедняцкое — 20 коз; в Верненском уезде на байское хозяйство — 5, на средняцкое — 12 и на бедняцкое — 23 козы. У бедняков кроме коз очень часто никакого другого скота не бывало. Козы размножаются быстрее, чем остальные виды скота, и они в степи — самый дешевый, доступный скот. В дореволюционное время за барана можно было купить 3-4 козы, а стоимость всех этих 23 коз, как правило, не превышала стоимости одной байской лошади.

О развитии земледелия

В казакской степи земледелие начинает развиваться только в конце XIX века.

Правда, и до этого в отдельных районах земледелие имело место, но оно носило тогда случайный характер, являлось не столько промыслом, сколько «барской затеей». Тогда земледелием старались заниматься главным образом ханы и султаны. Последние были связаны с русской чиновничьей администрацией и через ее посредство выписывали русских мужиков с целью развития у себя земледелия. Некоторые султаны специально для этой цели покупали русских крепостных.

Вся эта «султанская затея» не увенчалась успехом, земледелие при ханском господстве все же не развивалось. Только в конце XIX века наблюдается массовый переход казаков к земледелию. Приведем некоторые данные, характеризующие динамику роста казакского земледелия. По справочнику «Киргизский край» (1903 г.) рост земледелия у различных групп населения Акмолинской области характеризуется следующими цифрами. (См. табл. из стр. 86).

Посевная площадь у русских казаков постепенно падает, а у мещан и крестьян и особенно у «киргиз» (казаков) заметно растет: в 1880 г. «киргизы» севали 796 четвертей хлеба, в 1885 г. — 3 359 четвертей, в 1890 г. — 12 212 четвертей, а в 1900 г. — 22 000 четвертей. То же

Посев разного рода зерновых

Г о д ы	У русских казаков	У мещан и разночинцев	У крестьян	У киргизов (казаков)
1880	88,9	9,0	9,0	2,1
1881	87,1	9,0	9,0	3,9
1882	83,5	8,1	4,3	4,1
1883	84,1	8,2	5,2	2,5
1884	70,0	18,0	4,5	7,5
1885	76,7	10,1	6,9	6,3
1886	69,3	15,9	7,9	6,9
1887	71,2	12,9	7,8	8,1
1888	66,0	14,1	9,8	10,1
1889	62,8	14,8	10,3	12,1
1890	67,1	9,8	11,4	11,7
1891	56,5	13,2	18,5	11,8
1892	52,2	15,2	20,9	11,7
1893	49,3	13,9	21,0	16,2
1894	54,5	12,4	21,8	11,3
1896	44,4	9,5	37,7	8,4
1897	48,5	3,1	35,0	13,4
1901	40,0	3,7	44,3	13,0

самое явление, хотя и не в столь ярко выраженной форме наблюдались и в другой области Казахского края — Семипалатинской¹.

В более поздний период рост казахских посевов характеризуется следующими цифрами (в десятинах):

Акмолинская область²

В каком году	Омский уезд	Петропавловский уезд	Кокчетавский уезд	Атбасарский уезд	Акмолинский уезд	Итого
1907	400	16 000	3 000	40 000	10 000	33 000
1916	23 000	13 000	7 000	80 000	12 000	63 000

Семипалатинская область

В каком году	Павлодарский уезд	Каркаралинский уезд	Семипалатинский уезд	Устькаменогорский уезд	Зайсанский уезд	Итого
1905	10 000	600	18 000	12 000	10 000	50 000
1916	44 000	2 000	23 000	20 000	12 000	101 000

¹ «Россия», т. XVIII, Киргизский край, стр. 229.

² «Материалы по земельному вопросу в Азиатской России», выпуск I. Степной край, стр. 127—128.

Тургайская область

В каком году	Актюбин- ский уезд	Кустанай- ский уезд	Тургай- ский уезд	Иргизский уезд	Итого
1906	9 000	123 000	300	—	132 000
1916	246 000	400 000	3 000	—	649 000

Уральская область

В каком году	Ураль- ский уезд	Лбищен- ский уезд	Гурьев- ский уезд	Темир- ский уезд	Итого
1906	48 000	22 000	800	30 000	100 000
1916	66 000	29 000	1 000	47 000	143 000

К сожалению, в нашем распоряжении нет сводных данных по юж-ным областям Казахстана (Алматинской и Южно-казахстанской), но тем не менее данные о развитии земледелия в отдельных уездах бывшей Сыр-дарьинской области показывают, что с начала XX века и в ряде районов южного Казахстана имел место массовый переход казаков к земледелию. По данным сенатора Палена в 1908 г. «в Аулиэтанском уезде киргизами (казаками — Т.) было засеяно всего 125 250 десятин, в среднем на киргизское хозяйство приходится 3 десятины посева. В Чимкентском уезде киргизами обрабатываются 221 142 десятины, в среднем 5,2 на хозяйство»¹.

Все эти данные говорят о массовом переходе значительной части казахских районов в конце XIX и в начале XX века к земледелию. Развитие земледелия тесно связано с разложением казахского крестьянства и развитием товарного хозяйства в ауле.

В нашей литературе до сего времени существует неправильное мнение о том, что в дореволюционном ауле земледелие являлось промыслом только казахской бедноты, а бай, владея большим стадом скота, земледелием не занимался.

На самом деле это было далеко не так. Правда, в южных районах байские хозяйства редко занимались земледелием, но это не значит, что так было во всех казахских районах. Наоборот, в северных скотоводческо-земледельческих районах товарным земледелием занимались и байские, и зажиточные хозяйства. В этих районах наличие больших стад скота не мешало баям одновременно заниматься и товарным земледельческим хозяйством. Вышеотмеченные Яманшэловы, Жексембай, Кулсывы и другие, владевшие большими стадами различных видов скота,

¹ Отчет ревизию Палена, «Переселенческое дело в Туркестане», стр. 341.

одновременно имели от 500 до 1 000 десятин посева; а более мелких баев (особенно в 1910—1915 гг.), имевших по 100—200 десятин посева, можно было встретить в северных районах не только в каждом административном ауле, но и во многих мелких хозаулах. К сожалению, у нас нет данных о развитии земледелия по социальным группам в северных районах за 1915—1916 гг.; но даже по данным экспедиции Щербины за 1898—1899 гг. ясно видно, что в этих районах земледелием занимались не только бедняцкие хозяйства, но и середняцкие и байские хозяйства. Вот данные Щербины по Кустанайскому уезду:

№ по порядку	Х о з я й с т в а	Процент хозяйства, сеющих	На 1 сеющее хозяйство приходилось десятин пашни
1.	Безлошадные	43,7	1,3
2.	С одной лошадейю	67,5	1,5
3.	С 2—3 лошадейми	78,2	2,1
4.	С 6—10 "	79,8	2,6
5.	С 11—25 "	83,3	4,2
6.	С 50—100 "	87,5	13,2
7.	С 100—300 "	85,6	23,0
8.	Свыше 300 лошадей	94,6	62,3

Эти данные несколько не преувеличены, ибо нам известно, что байские посева в Кустанайском уезде в более поздний период (1910—1915 гг.) дают гораздо большие цифры: в это время кустанайские баи уже засевали не 23 и не 62 десятины, а гораздо больше — от 300—500 до 1 000 десятин.

Очень показателен процент сеющих хозяйств по отдельным социальным группам: в бедняцкой группе процент сеющих хозяйств колеблется между 43 и 78; в середняцкой — от 79 до 83%; в зажиточных и байских хозяйствах он доходил до 94%. Значит — чем состоятельнее группа, тем больше был процент сеющих. Это ясно говорит о том, что в северных районах земледелие являлось не столько «промыслом бедноты», сколько занятием зажиточных и байских хозяйств.

Выше мы отметили, что в ряде северных районов зажиточные и байские хозяйства наряду с торговым животноводством развивали и товарное земледелие, причем последнее более интенсивно развивалось в 1910—1915 гг. У нас нет цифровых данных о продаже казаками хлеба по всему Казакстану. Имеются только данные по отдельным бывшим уездам. Приведем данные по Актюбинскому уезду за 1898—1899 гг. Несмотря на то, что в эти годы земледелие в Актюбинском уезде (как и в остальных северных районах) только начинало развиваться и имело в основном потребительский характер, тем не менее известная часть зерна поступала на рынок. Правда, беднота и часть середняков продавали не излишки, а часть своего хлеба по нужде, за счет сокращения

собственного потребления. Что касается зажиточных и байских хозяйств, то ясно, что они продавали только излишки — товарную часть хлеба. В 1898 — 1899 гг. сеющие бедняцкие хозяйства продавали на рынок от 21 до 42 пудов, тогда как байские хозяйства продавали от 300 до 500 пудов хлеба. По данным же последнего периода (1910 — 1915 гг.) эти же бай ежегодно продавали от 1 000 до 5 000 пудов. Мало того, они покупали хлеб по дешевой цене у соседей, а потом перепродавали его по более дорогой цене крупным городским скупщикам. В дореволюционное время такими товарно-земледельческими районами являлись главным образом сеющие (прирельсовые) части Омского, Петропавловского, Павлодарского, Кустанайского, Актюбинского, Семипалатинского и Уральского уездов.

Совершенно иная картина наблюдалась в отдельных кочевых (южных и центральных) скотоводческих районах. Здесь земледелие действительно являлось главным образом «промыслом бедноты». В этих районах при плохом транспорте (отсутствие железных дорог) бай не занимались менее выгодным и более сложным земледелием, тем более, что товарное животноводство имело довольно развитый рынок и вполне гарантивало баям большие доходы. Для своих личных потребностей бай без особых трудов доставали хлеб у земледельцев-бедняков. Во многих скотоводческих южных районах беднота засеивала не столько для себя, сколько для этих же баев. В большинстве случаев бай-скотоводы снабжали бедняков рабочим скотом, семенами, и бедняки работали баям на условиях «уртачества». Условия эти были самые разнообразные. В одних случаях бедняк обязывался дать баю с валового урожая половину, в других — две трети и т. д. Бедняки-земледельцы очень часто выплачивали кредиторам-баям свои денежные долги тоже натурой — просом или пшеницей.

Что общего было в развитии земледелия и в скотоводческо-земледельческих и в скотоводческих районах? Общее заключалось в том, что и в товарно-земледельческих, и в потребительско-земледельческих районах развитие земледелия было тесно связано с расслоением казахского крестьянства и развитием товарности казахского хозяйства. И там, и здесь беднота переходила к земледелию на основе пауперизации. В северных районах пауперизированные бедняцкие хозяйства, не имея возможности заниматься земледелием из-за отсутствия рабочего скота, сельскохозяйственных и т. д., больше выделяли из своей среды батраков и отходников; в этих районах был больше развит наем рабочих, а в бедняцкой группе был относительно меньше процент сеющих хозяйств. В отдаленных скотоводческих районах, где были меньше товарность хозяйства и спрос на рабочих, пауперизированные бедняцкие хозяйства вынуждены были идти на земледельческое «уртачество» и в байские «копсы», иначе говоря — в кабалу к баю; поэтому в бедняцкой группе скотоводческих районов был больше процент сеющих и относительно меньше количество батраков и отходников; здесь бедняцкие хозяйства были сравнительно больше прикреплены к земле и к байскому скоту.

Выводы

1. При анализе развития капитализма в казакском ауле нужно различать два типа казакских районов: северные скотоводческо-земледельческие и южные и центральные кочевые районы.

В первой группе районов, несмотря на сохранившиеся пережитки родовых и феодальных отношений, капитализм развивался интенсивнее, торговый капитал разрушал старый способ производства и способствовал большему развитию товарно-денежных отношений в ауле. Поэтому в северных районах основные признаки развития капитализма в сельском хозяйстве (наем рабочих, значительное количество батрацких хозяйств и отходников, рост товарного и капиталистического производства, рост внутреннего рынка и т. д.) имеют наибольшие показатели.

Во второй группе районов основные признаки развития капитализма имеют наименьшие показатели. Торговый капитал проникал здесь в производство в самой слабой форме и лишь в малой степени способствовал разложению старого способа производства. В этих районах господство торгово-ростовнического капитала являлось фактором, задерживающим, стесняющим развитие производительных сил и товарности казакского хозяйства. Преобладающая часть казакских районов принадлежала именно ко второй группе.

2. Развитие капитализма в казакском ауле сильно осложнялось и затруднялось колониальным положением аула. Русский империализм больше всего был заинтересован в сохранении в казакском ауле отсталого способа производства и господства феодально-родовых пережитков и методов эксплуатации. Этим и объяснялась политика русского империализма в казакской степи, выразившаяся в военно-феодальной грабеже казакских масс и всяческой поддержке докапиталистических методов эксплуатации в казакском ауле.

3. При колониальном положении казакской степи самостоятельное развитие капитализма в последней было невозможно. Казакская степь оставалась колонией с отсталым слабо развитым хозяйством, рынком сбыта промышленных товаров метрополии и сырьевой базой для русской промышленности.

4. «Прусский» путь развития капитализма в колонии означает сохранение господства полуфеодалов и докапиталистических методов эксплуатации, «осуждая крестьян (мелких земледельцев и скотоводов — Т.) на 10-летия самой мучительной экспроприации и кабалы» (Ленин) и на постепенное вымирание значительной части колониальных масс. Такой именно и был путь развития колониального казакского аула.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ О БАЙСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Каков был социально-экономический строй дореволюционного байского хозяйства? Являлось ли оно хозяйством капиталистическим или феодальным, или переходным, соединяющим в себе одновременно черты двух систем — и капиталистической, и феодальной? Этот вопрос в нашей литературе до сих пор остается спорным. Не вдаваясь в историю этого вопроса, постараемся в этой главе разобрать основные черты байского хозяйства. При этом мы исходим из нашей основной установки, заключающейся в том, что байское хозяйство являлось хозяйством переходным — соединяющим в себе черты и феодальной, и капиталистической систем.

Феодальная система эксплуатации в байском хозяйстве

Феодальная система эксплуатации в байском хозяйстве существовала в самых разнообразных формах, начиная от использования баем «невинных» родовых пережитков и кончая типичными «русскими отработками». Очень часто феодальная система в байском хозяйстве переходит в капиталистическую и настолько сливается с нею, что становится почти невозможным отделить одну от другой и различить их» (Ленин).

К сожалению, невозможно привести какие-либо цифровые данные, рисующие феодальный характер байского хозяйства, потому что таких цифровых данных нет. Сложное сочетание различных феодальных и капиталистических форм в байском хозяйстве и большое влияние родовых пережитков крайне затрудняют выделение одной из сторон вопроса, тем более в цифровом выражении. Поэтому изучение возможно большего числа конкретных байских хозяйств является единственной основой для суждений об относительной роли феодальных и капиталистических форм в байском хозяйстве различных казакских районов.

В своей работе «Развитие капитализма в России» Ленин доказывает существование в помещичьем хозяйстве различных видов отработков и перечисляет основные из них. Приведем это перечисление, имеющее непосредственное отношение к нашей теме:

«Виды отработков, как уже было замечено выше, чрезвычайно разнообразны. Иногда крестьяне за деньги нанимаются обрабатывать своим инвентарем владельческие земли — так называемые «издельный наем»,

«подесятидневные заработки», «обработка кругов» и т. п. Иногда крестьяне берут в долг хлеб или деньги, обязуясь отработать либо весь долг, либо проценты по долгу. При этой форме особенно известно выступает черта, свойственная отработочной системе вообще, именно кабальный, ростовщический характер подобного найма на работу. Иногда крестьяне работают за «потравы» (т. е. обязываются отработать установленный законом штраф за потраву), работают просто «из чести» — т. е. даром, за одно угощение, чтобы не лишиться других «заработков» от землевладельца. Наконец, очень распространены отработки за землю либо в форме исполщины, либо в прямой форме работы за данную крестьянам землю, уголья и прочее...

Иногда крестьянин обязывается при этом работать, «что прикажет владелец», обязывается вообще «послушать», «слушать» его, «пособлять» ему. Отработки и обнимают собой весь цикл работ деревенского обихода. Посредством отработок производится все сельскохозяйственные операции по обработке полей и уборке хлеба и сена, запасаются дровами, перевозят грузы...»¹.

Все эти различные виды отработок в той или иной степени имели место и в байском хозяйстве. Правда, многие из них проявлялись несколько в иных формах, носили другие названия, некоторые из них имели «родовую оболочку», но по существу все они являлись только различными видами «отработок». Вот основные из них:

1. Уртачество. Казакский бедняк, не имевший своего рабочего скота и семян, нанимался к баю за обработку его земли и очень часто работал на бая на «общинной» земле или на земле, принадлежавшей самому бедняку. Бедняк обрабатывал определенное количество десятины земли и сдавал баю половину или две третьих части валового урожая. Это называлось «уртачеством», т. е. «супрягой». Однако по форме и по существу это была не «супряга», а обыкновенная «исполщина» — один из видов отработки.

Бедняк, не имевший рабочего скота, нанимался к баю на «извозную» и организовал «извозную» работу — доставлял в город крупные партии хлеба, сырья и соли. Условия такой работы были самые кабальные: бай, верблюд и бедняк считались равными пайщиками; например, если бай давал бедняку для извозной работы 10 верблюдов, то доход делился таким образом: баю один пай, каждому из 10 верблюдов по одному пая и бедняку — один пай, всего 12 паяв; в результате бай получал за 11 паяв, а бедняк — только за один пай, только двенадцатую часть дохода. Иногда бедняк к своим одному или двум верблюдам брал еще 5—6 верблюдов у бая; доходы делились на таких же условиях.

Все это тоже называлось «уртачеством», «объединением»; между тем и это «уртачество» и по форме и по существу — типичный кабальный отработочный заем обездоленного, бесскотного бедняка.

2. Консы. Институт консы еще никак не изучен и не исследован, хотя это была самая распространенная форма кабального найма рабочих

¹ Ленин, т. III, стр. 148, изд. 1928 г.

баями, в особенности — в скотоводческих кочевых и полукочевых районах. Многие бай-скотоводы совершенно не нанимали рабочих за плату, а исключительно пользовались трудом «своих» бедняков — консы. Институт консы принимал в различных казахских районах различные формы, но от этого — существо дела не менялось. Консы — это бедняки, фактически являвшиеся полукрепостными бая. Бай бесплатно пользовался их трудом, считая их «своими людьми», а бедняки работали ему даром, тоже считая бая «своим». Этот «свой» бедняк вечно кочевал с баем, ухаживал за его скотом, исполнял всякие поручения бая. Его жена тоже «помогала» баю в его домашнем хозяйстве — доила кобыл, коров и овец, стирала белье, мыла посуду и т. д. За все это особой платы консы не получали, только питались всякими остатками со стола бая. Иногда бай и байбиче (старшая жена бая) раздобряться — давали им свою старую, рваную обувь, рваные шубы, белье и т. п. Так забитые и закрепленные «своим» бедняк-консы жили в ауле «своих» баев по несколько десятков лет и работали даром, довольствуясь байскими податками и питаясь буквально объедками.

Никаким законом институт консы, конечно, предусмотрен не был. В материалах различных экспедиций консы не зарегистрированы, но в действительной жизни аула их было много. Таких зависимых и полузависимых консы можно было встретить в каждом хозауле, при каждом байском хозяйстве, особенно — в кочевых и полукочевых районах.

Выше мы установили, что в отдаленных кочевых, скотоводческих районах наем труда и отходничество были развиты слабо. Это имеет непосредственную связь с институтом консы. В этих районах вольнонаемный труд в байском хозяйстве применялся слабо, потому что здесь был сильно развит институт консы, потому что бай пользовался трудом «своих» бедняков, которые принуждены были за объедки и податки работать «своему» баю, своему «сородичу». При наличии таких бесплатных рабочих баям не было никакой надобности прибегать к найму платных рабочих.

Институт консы — типичный пережиток феодального хозяйства ханской эпохи. И тогда каждый бай-родоначальник кочевал со своими «сородичами» бедняками, которые ухаживали за этим баем, выполняли все его приказания и следили за его хозяйством. Все это и тогда называлось «родственной связью», «услугами своих» и т. д. Консы позднейшего периода — те же бедные «сородичи», но экономически более разоренные и, стало-быть, еще более прикрепленные к байскому хозяйству в виде даровой рабочей силы.

Иногда у баев бывали консы и не из «близких сородичей»-бедняков. Правда, таких было меньше, они начали появляться в связи с внедрением торгового капитала в казахские степи. Такие консы работали у баев за определенную плату, большей частью — натурой (мелким скотом, старой одеждой и т. п.). Такие консы от вольнонаемных рабочих отличались, во-первых, тем, что работали в байском хозяйстве почти всей семьей: жена «помогала» байбиче в домашнем хозяйстве, дети его

выполняли мелкие поручения бая или его жены. Во-вторых, такой консы, живший с семьей при бае, вечно был должен баю. Эти долги он отрабатывал своим трудом, а поскольку эти долги никогда не покрывались, постольку и этот консы вынужден был оставаться у бая-кредитора вечным работником.

На отработки к баям шли не только казахские бедняки, но и середняки. Правда, середняки всячески старались уплатить байские долги в условленные сроки и на отработки шли лишь в крайнем случае. Как правило, многие середняки, задолжавшие баям, разорялись и превращались в бедняков. В этом отношении интересный факт рассказал автору г. Джзнтлеув из Джамбейтинского района. В этом районе в дореволюционное время славился своим богатством казахский бай Молдагали Жакосов. Имел он около 300 лошадей, 100 верблюдов, 1000 овец и 200 голов рогатого скота, ежегодно заготавливал много сена на ротовицических началах, давал в кредит деньги за мелкий скот, сено и под проценты. Обычно у него всегда было много должников, большая часть из них разорялась и вынужденно шла к этому баю на отработки. Один середняк — некто Сергази Базибаев, как и многие другие, получил заимообразно под проценты деньги от бая Жакосова и начал торговать. Через некоторое время Сергази обанкротился и не мог уплатить баю высокие проценты. Знавшие его казаки говорили, что он разорился из одних подарков четырем женам этого бая. Подарки байским женам — это тоже была одна из форм феодальной эксплуатации зависимых скотоводов. Но и этим он не покрыл всех долгов, все же известная часть долгов за Сергази осталась. Не имея другого выхода, Сергази был вынужден отдать баю своих сыновей в качестве рабочих, — они «отрабатывали» баю долги отца по нескольку лет. Таких дешевых рабочих, «отрабатывающих» трудом свои долги, в хозяйстве Жакосова было не один-два, а по нескольку десятков. Фактически на началах отработки работали у этого бая и те скотоводы-казаки, которые получали от него на кабальных условиях кредит и потом уплачивали его сеном или скотом, сокращая, а иногда и совсем разоряя свое хозяйство, в последующем неминуемо превращаясь в консы этого или других баев.

3. Саун (от слова «сауга» — доить). В первой главе уже отчасти говорилось о «сауне» и было отмечено, что «саун» давался баем в различных формах и с различными целями. Перечислим здесь наиболее характерные формы «сауна».

1. Бедняк, не имевший своего молочного скота, брал у бая корову (или несколько дойных овец) во временное пользование с обязательством «пособлять», «помогать» баю. Казахский бедняк поступал в данном случае примерно так же, как тот русский крестьянин, «который обязывается работать», что прикажет владлец, обязывается вообще «послушать», «слушать» его, «пособлять» ему (Ленин). Такой бедняк мог пользоваться коровой баю до тех пор, пока он преданно «помогает» баю, «слушает» бая. Чуть он провинился, он лишается этого «сауна» — корова у него отбиралась.

2. Бедняку, бай давал на выпас свой скот и в качестве зарплаты давал «саун», т. е. из этого же скота выделял бедняку несколько дойных коров, кобыл или овец для пользования их молоком. Если русские помещики посредством наделения крестьян клочком земли обеспечивали свое хозяйство рабочими, то примерно то же самое делали и казацкие крупные бай: наделяя бедняка во временное пользование скотом, они обеспечивали свое хозяйство пастухами, конюхами и т. п.

3. «Саун» давался баем с целью производства масла для продажи. Казак, получивший коров, обязывался дать баю в установленный срок за пользование молоком его коров определенное количество пудов масла. На таких условиях бай раздавал дойных коров нескольким «надежным» хозяйствам, ежегодно собирал по несколько десятков пудов масла и сбывал его на рынок.

4. «Саун» иногда давался аткамнерам и влиятельным аксакалам. В данном случае преследовались несколько иные цели: бай путем «сауна» вербовал на свою сторону «влиятельных людей», расширял сферу своего влияния и господства над другими аулами. Это — своего рода замаскированный подкуп.

Таким образом «саун», какую бы форму он не принимал, всегда являлся средством эксплуатации и укрепления байского господства в ауле: в одних случаях бай своим «сауном» обеспечивал хозяйство дешевой рабочей силой, в других — он организовал капиталистическое производство на-дому, в третьих — «саун» был взяткой аткамнерам и влиятельным аксакалам.

Такой же кабальный характер носят так называемые «ат майын беру» (дача лошадей во временное пользование), «жун беру» (дача овечьей шерсти) и т. д. Названия — другие, но существо дела — одно и то же.

4. Ростовщичество. В байском хозяйстве очень развито было и ростовщичество. Оно практиковалось тоже в различных формах.

1. Бай давал беднякам мелкий скот на ростовщических условиях. Бесскотный бедняк весной получал у бая баранка (ягненка), а осенью возвращал ему большого барана натурой или стоимостью барана по рыночной цене. Иногда бедняк брал на зиму большого барана («бойдак кой»), а весной возвращал баю «кознили кой» (овцу с барашком). На таких же явно кабальных условиях давался и мелкий рогатый скот.

2. Бай давал бедняку в долг промтовары (чай, мануфактуру, кожу и т. д.) за плату не деньгами, а скотом. При этом бай заранее, с учетом большой процентной надбавки, определял, каким скотом и в каком количестве бедняк будет выплачивать долг.

Поясним это примером из действительной жизни. В Туркестанском уезде в 1922 г. бедняк — некто Эвауаров — получил от бая-ростовщика Момбека в долг подошву на пару обуви за пуд пшеницы; к сроку он не мог найти пшеницы, и бай отсрочил долг на весну, но с условием, что расплата будет не пшеницей, а бараном. Наступила весна, бедняк не мог отдать барана, тогда бай отсрочил долг еще на некоторое время и обязал бедняка погасить долг вместо барана 20 пудами пшеницы.

Ровно через год бедняк Энуаров свой долг за подошву погасил вместо одного пуда 20 пудами пшеницы. Здесь характерно, что каждая «отсрочка» еще более закабалила должника-бедняка, неизмеримо поднимала проценты. Таким ростовщицеством бай разорили не только бедняков, но и середняков, а разоренные казакские бедняки и середняки вынуждены были идти в еще большую кабалу к баю.

Еще Маркс отметил, что «достаточно, чтобы у мелкого крестьянина пала корова, и он уже не в состоянии снова начать свое воспроизводство в старых размерах. Следовательно, он попадает в руки ростовщика и, раз попав к нему, никогда уже более не освобождается»¹. Так было и в казакском ауле. Бедняки и середняки, раз попавшие в руки бай-ростовщика, никогда не могли сами освободиться от него, вечно оставались должниками и свои «долги» отрабатывали трудом или на правах консы, или вечного жалши (батрака) у кредитора-бая.

5. Институт джигитов. Это — тоже один из пережитков феодальной системы эксплуатации. Крупные казакские бай, особенно — в кочевых и полукочевых районах, прибегали часто к организованному воровству и разбою. Для этой цели они держали при себе несколько казакских джигитов — квалифицированных наездников и опытных профессионалов-воров. Казаки говорят — табой-то бай «джигит устайди, урлук кыллады»; это означало, что этот бай специально держит джигитов и занимается организованным воровством. Бай отправляли своих джигитов в отдаленные районы со специальными воровскими заданиями. Джигиты выполняли задания бая — организатора воровства — и возвращались к хозяину с «большой находкой» («олжа»). Как правило, они угоняли большими партиями с пастбища отборных лошадей и продавали их где-нибудь на отдаленном рынке, составляя из лошадей подложные справки и удостоверения.

Нередко в таких операциях участвовали, а иногда сами их организовали волостные управители. В Кастекской волости один из семи братьев Ниязбековых — Саке Ниязбеков — 13 лет непрерывно был волостным управителем, организовал при себе отряд джигитов и ежегодно отправлял их с целью воровства в отдаленные районы. По возвращении джигитов он снабжал их соответствующими подложными удостоверениями и потом продавал украденный скот «на законном основании» на алмаатинском и семипалатинском базарах.

Такие кражи, организуемые казакскими баями, не являлись обычным воровством, имеющим место у всех народов и стран, — это было воровство, уходящее своими корнями в старую барымту (феодальный грабеж) ханских времен и непосредственно связанное с господством полуфеодалов в дореволюционном колониальном ауле.

Таковы были в основных чертах докапиталистические приемы эксплуатации в байском хозяйстве.

Понятно, они не могли оставаться и не оставались неизменными. Они

¹ Маркс, «Капитал», т. III, стр. 430.

видоизменялись, особенно в предреволюционный период, иногда «рядом совершенно неуловимых переходов» сливались с капиталистической формой эксплуатации. Это вполне естественно: развитие товарного хозяйства, расслоение казакского крестьянства, рост внутреннего рынка и т. д. не могли не подрывать основ докапиталистической системы эксплуатации в байском хозяйстве. Медленно, мучительно, встречая на пути своего развития ряд препятствий, все же в казахской степи развивалось товарное хозяйство. Байское полуфеодалное хозяйство медленно, постепенно превращалось в капиталистическое хозяйство.

Капиталистическая система эксплуатации в байском хозяйстве

Переход байского хозяйства к капиталистической системе проявился, во-первых, в том, что в байском хозяйстве вместо прежнего дарового труда полукрепостного начал применяться вольнонаемный труд. В третьей главе были приведены данные, указывающие, что вольнонаемный труд более широко применялся в северных скотоводческо-земледельческих районах и гораздо слабее в кочевых районах. По данным Щербинел, от 70 до 96% байских хозяйств нанимали годовых и сроковых рабочих. Отпускали рабочих, главным образом, безлошадные батрацкие и бедняцкие хозяйства; от 60 до 89% бедняцких хозяйств отпускали батраков. Это одно говорит о том, что в байском хозяйстве задолго до революции полукрепостной труд начал вытесняться вольнонаемным трудом.

С этим тесно связано развитие отходничества. Сильный рост «отхожих промыслов», в частности — уход мелких скотоводов и батраков в поисках заработка в другие районы, означал бегство казахских бедняков от кабальной полукрепостнической формы к более свободной капиталистической форме труда. Еще Ленин указывал, что «перекочевывание» (отходничество — *Г.*) разрушает кабальные формы найма и отработки¹. Действительно, — материалы об отходничестве в казахском ауле показывают, что, где более интенсивно развивалось отходничество, там быстрее вытеснялись всякие докапиталистические формы труда вольнонаемным трудом. В байских хозяйствах северных районов к моменту революции преобладающей формой найма труда уже стала капиталистическая форма. В этих районах каждое крупное байское хозяйство нанимало не менее 10—15 постоянных рабочих.

Вот несколько характерных байских хозяйств:

1. Жетныспай Андреев (Кустанайский уезд) — бывший свинопас, потом мелкий скунщик, впоследствии крупный торговец и землевладелец. Ежегодно засеивал по 300 десяти. Имел около 300 лошадей улучшенной породы и около 100 дойных коров. На рынок в большом количестве доставлял хлеб (пшеницу), масло и скот. Из сельскохозяйственного инвентаря имел две молотилки, 5 лобогреек, 8 сенокосилок, несколько веялок,

¹ Ленин, т. III, стр. 192, изд. 1923 г.

более 15 плугов и т. д. Нанимал за деньги более 20 постоянных рабочих, а количество сезонных рабочих доходило от 75 до 150 человек. Кроме наемных рабочих при нем находилось несколько хозяйств консы—«бедных сородичей», которые имели небольшое хозяйство, но большую часть своего времени проводили в хозяйстве «родственника»—бая. Таких Андреевых в Кустанайском уезде было не один и не два, а несколько десятков.

2. Жексембай Глеукин (Омский уезд) — сначала мелкий скунщик, потом крупный торговец и землевладелец. Ежегодно засеивал по 500—600 десятин. Имел паровую молотилку, более 20 однолемешных плугов, 30 железных борон, 6 лобогреек, столько же сенокосилок. Построил несколько деревянных сараев. Нанимал за деньги 20—25 постоянных рабочих, а количество сезонных рабочих во время уборки хлеба доходило до 200 человек. В качестве сезонных рабочих главным образом работали отходники из других казахских волостей. Таких Жексембаевых — может быть более мелких — не мало было и в Петропавловском, Павлодарском и Актюбинском уездах.

3. Шангерей Буев (Урда) — бывший феодал, потомок хана, имел свое помещичье имение. Ежегодно засеивал около 700 десятин посева. Имел большой фруктовый сад. Занимался и скотоводством — имел 250 лошадей, 300 голов рогатого скота, из них 200 голов рабочих быков. Пользовался усовершенствованными сельскохозяйственными орудиями (молотилки, плуги, лобогрейки, сенокосилки и т. д.). Держал 20—25 постоянных рабочих, а количество сезонных доходило до 300—400 человек. Кроме этих наемных рабочих при нем жили несколько хозяйств консы, которые обслуживали лично Шангерей и его членов семьи, выполняли обязанности «придворных» певцов, охотников, пастухов, конюхов, садоводов и т. п.

По данным Румянцева, в Кокчетавском уезде крупные бай-скотоводы, имевшие свыше 500 голов скота каждый, в среднем на хозяйство нанимали 6-7 постоянных годовых рабочих; в Петропавловском уезде такие же крупные бай нанимали по 9-10 постоянных рабочих, в Омском уезде в среднем на байское хозяйство приходилось 8 постоянных рабочих. В северных скотоводческо-земледельческих районах, не говоря уже о крупных скотопромышленниках и земледельцах, как правило, нанимали 2-3 постоянных рабочих и каждый мелкий бай — типа русского кулака. Прибегала к найму рабочих и зажиточная часть середняцких хозяйств. Этим и объясняется большой процент хозяйств, прибегавших к найму труда в северных районах (от 24 до 42%).

Капиталистический характер байского хозяйства проявляется и в употреблении более усовершенствованных сельскохозяйственных орудий, улучшении породы скота, в заготовке сена, в постройке скотных дворов и т. д.

В более слабой степени капиталистическая система производства проявлялась в байском хозяйстве кочевых районов. Здесь крупные скотоводы-кочевники, нанимая 3-4 постоянных годовых рабочих, все же

продолжали обеспечивать свое хозяйство рабочей силой главным образом путем различных «отработков» и других кабальных форм найма труда, перечисленных выше. Это вполне понятно. Из истории других народов мы знаем, что крупное феодальное или отработочное хозяйство уступало место крупному капиталистическому не всегда «непосредственно», а сплошь и рядом создавая слой полу-зависимых, полу-батраков, полу-соб-

Казакский султан—помещик Шангерей Букеев

ственников»¹. Казакское полуфеодальное хозяйство также уступало свое место крупному капиталистическому, создавая обычно слой полузависимых, полу-батраков, полу-собственников — жонсы, сауинши (пользовавшийся сауном), колбала (приемыш), «енишлес кедей» (привенный бедняк), крме и т. д.

¹ Ленин, т. IX, стр. 300, изд. 1923 г.

Все это дает нам основания утверждать, что казакское байское хозяйство являлось хозяйством переходным, соединявшим в себе черты и капиталистической, и феодальной системы. Первая только возникала, вторая очень медленно, но постепенно изживала себя.

О двух типах баев

В нашей марксистской литературе принято различать два типа баев: крупный бай — полуфеодал и мелкий бай — типа русского кулака.

Такое деление, конечно, нужно понимать относительно. Между крупным и мелким баем предреволюционного периода не было существенного различия, они оба относились к одному экономическому типу. И тот, и другой вели в основном капиталистическое хозяйство, используя докапиталистические формы и методы эксплуатации. Чем больше было у бая скота, посева и торговли, тем сильнее был он экономически и политически, чем остальные бая, тем большую возможность имел такой бай применить в своем хозяйстве наряду с капиталистическими и докапиталистические, крепостнически-кабальные методы эксплуатации. Но и мелкие бая, каждый в соответствии с масштабом и влиянием своего хозяйства, не отказывались от докапиталистических методов эксплуатации, хотя бы в отношении окружающих бедняков и середняков, живущих в пределах того же хозаула. Как известно, родовые и феодальные пережитки и до сего времени живучи главным образом в более мелких родовых делениях, в частности — в хозаулах (20—30 хозяйств). Хозаульные бая эксплуатируют «ближайших родственников» большей частью на докапиталистической (патриархально-родовой и феодальной) основе.

Поэтому, когда противопоставляют крупного бая — полуфеодала и мелкого бая — капиталиста типа русского кулака, то не нужно понимать так, что речь идет о двух различных системах хозяйства, о двух различных «сословиях». Отличие крупного байского хозяйства от мелкого заключалось, главным образом, в том, что крупный бай владел большим количеством скота, большими посевами (в северных районах), одновременно вел крупную торговлю и поэтому сферу своего влияния и господства распространял не только на хозяйственный и административный аул, но и на целую волость, а иногда — и на уезд. Чормановы в Павловском уезде, Акаевы в Каркаралинском, Жалталины в Омском, Ямайшаловы и Алдаровы в Кустанайском, Букеевы в Уральском и т. д. — являлись баями именно такого типа, такого масштаба. Таких баев мы обычно называем феодалами. Эти же бая, будучи крупными скотопромышленниками и крупными торговцами, в то же время являлись и яростными защитниками и применителями докапиталистических форм и методов эксплуатации в ауле. Русский империализм опирался главным образом на них, всячески их поддерживал и различных своих «правителей» вербовал именно из таких баев.

Некоторые товарищи склонны отделять казакскую крупную торговую буржуазию от полуфеодалов. Это, конечно, неверно. Во-первых, такое деление выдуманное, искусственное — в казакском ауле нет и не было обособленной торговой буржуазии. Казакский крупный торговец — он же или крупный скотовод, или крупный землевладелец. Даже и те казакские торговцы, которые жили в городах и вели там крупную торговлю, в степи имели крупное скотоводческое хозяйство (Абурахимовы, Баймагаметы и др.). Во-вторых, при отсутствии казакских городов, при кочевом и полукочевом образе жизни и не могло быть у казаков особой торговой буржуазии. Своеобразие казакского крупного байства, вытекающее из колониального положения казакского аула, в том и заключается, что казакские феодальные бай (потомки султанов и родоначальников) постепенно превращались в полуфеодалов-капиталистов, а настоящий капиталист — «выскочка из черни», ставший крупным кулаком, превращался в капиталиста-полуфеодала. Крупной торговлей занимался и тот, и другой.

Вот конкретный пример: **Ж а р а с б а е в** (Кзыл-Ордынский уезд) — знаменитый бай — крупный скотовладелец. Про таких баев казаки говорят — «ууызы арылмаган-ески бай», что значит — старый бай. Имел несколько сыновей. Одни сыновья управляли кзыл-ордынскими волостями, другие — кустанайскими; и там, и здесь они «избирались» в качестве волостных управителей. Каждый из них имел по 500—1000 верблюдов, 1500—2000 овец. Кроме наемных рабочих с ними кочевали на правах консы и «бедных сородичей» по 15—20 эксплуатируемых бедняцких хозяйств. Одновременно эти же Жарасбаевы занимались и крупной торговлей, и ростовщичеством. Короче говоря, это были типичные полуфеодалы-скотопромышленники.

К какой группе баев отнести их — к группе торговой буржуазии или к группе полуфеодалов? По нашему мнению, их в одинаковой мере можно отнести и к той, и к другой группе. Они одновременно являлись и полуфеодалами, и крупными торговцами.

Как обстояло дело в отношении новых баев — этих «выскочек из черни»? И здесь — то же самое.

Вот пример: **Я м а н ш а з о в И с м а н л** — сначала мелкий скотовод, скупщик, впоследствии стал крупным скотоводом. До 1905—1906 гг. занимался промышленным скотоводством — имел до 1000 лошадей, около 300 коров, до 800 овец, вел полукочевой образ жизни. В связи с усилением колонизации казакских степей и сокращением пастбищ, Яманшалов переходит к земледелию, сокращает количество скота, покупает усовершенствованные сельскохозяйственные орудия (молотилки, лобогрейки, сенокосилки и т. д.), арендует землю у соседних казаков. К 1915—1916 гг. доводит посев до 1000 десятин. Одновременно занимается крупной торговлей хлебом и скотом и ростовщичеством. В г. Троицке Яманшалов имел бойню и крупными партиями доставлял мясо в центральные города. Он нанимал много годовых рабочих, вместе с тем многих мелких земледельцев привлекал в качестве рабочих на «отработ-

Кустанайский полуфеодал Алдиаров, 30 лет был волостным управителем при царской власти

казах». Давал деньги нуждающимся мелким земледельцам на ростовщических началах — за «обработку» земли, за «отработку трудом» во время уборки хлеба, за мелкий скот и т. д. Отличался среди казаков тем, что жил комфортабельно. Он построил мечеть и 12-комнатный большой деревянный дом. Короче говоря, Яманалов был типичным деревенским крупным капиталистом-полуфеодалом, одновременно и крупным торговцем.

Вот другой бай — Султанкулов Имамбай (Джаркентский уезд), занимался исключительно скотоводством, имел около 500 лошадей улучшенной породы (смесь с английской полукровкой). Ежегодно продавал по несколько десятков лошадей, отправлял лошадей для продажи в Фергану и Ташкент. Т. Кошкунев рассказывает, что его лошади сбывались по цене в три-четыре раза дороже обыкновенных лошадей: если двухлетка у казаков стоила 40—50 рублей, у Султанкулова она стоила 150—200 рублей. Нанимал годовых рабочих, по большей части использовал на кабальных условиях своих «ближайших сородичей» — консы, крме и т. п. Короче говоря, и он был деревенским капиталистом-полуфеодалом, одновременно занимавшимся торговлей.

Таковыми были и почти все мелкие бай. Вся разница лишь в том, что одни использовали родовые и феодальные пережитки и приемы эксплуатации в большей, а другие — в меньшей степени.

Нельзя считать правильным и определение т. Федорова, который отличает простого бая от полуфеодала по видам скота: бай, мол., — овцеводы, а полуфеодалы — коневоды. К такому заключению приходит т. Федоров на основании цифровых материалов двух уездов — Верненского и Кокчетавского. Но эти данные его же опровергают. Вот они:

На одно хозяйство в среднем приходилось голов скота по Кокчетавскому уезду:

Социальные группы	Лошади	Крупный рогатый скот	Овцы	Козы	Верблюды
1 Бедняки	3,3	5,2	4,4	3,3	0,0
2 Средняки	14,4	9,4	22,6	6,7	0,02
3 Бай	45,3	18,4	70,0	10,2	21,3
4 Полуфеодалы	162,1	32,8	143,3	12,0	61,8

(Смотри таблицу на стр. 104).

Вопреки утверждению т. Федорова, эти данные характеризуют только вполне закономерный рост почти всех видов скота сверху вниз по социальным группам. У мелких баев было больше скота всех видов, чем у середняков, а у полуфеодала — крупного бая — больше, чем у мелкого бая. Если в Кокчетавском уезде у мелкого бая было в среднем овец 70 штук, то у полуфеодала — 143 шт., в два раза больше; то же самое и в

На одно хозяйство в среднем приходилось голов скота по Верненскому уезду

Социальные группы	Всего скота в переводе на лошадей	Лошади	Крупный рабочий скот	Овцы	Козы	Верблюды
1 Бедняки	3,9	1,4	2,2	5,1	2,7	0,09
2 Средняки	14,3	4,2	3,3	39,1	6,7	0,8
3 Бай	34,3	11,9	5,0	99,0	9,0	2,3
4 Полуфеодалы	85,5	49,5	10,1	235,2	11,1	5,5

Верненском уезде: у мелкого бая—99 овец, а у полуфеодала — 235,— в два с половиной раза больше, чем у первого. Казалось бы, т. Федоров должен был делать обратный вывод из этих цифр: поскольку он судит по количеству овец, постольку он должен был бы считать овцеводами полуфеодалов. Но и тогда без он был неправ: никогда нельзя определять тип того или иного байского хозяйства по видам скота, это—не марксистский подход. Марксизм определяет тип хозяйства по характеру и способу его производства. Полуфеодал может быть одновременно и крупным овцеводом. Вот, например, Н и я з б е к о в ы (Верненский уезд). Их было 7 братьев. Каждый из них в отдельности имел по 2000—3000 овец, от 50 до 100 лошадей. Все они занимались торговлей и ростовщичеством, давали беднякам «сут коры» (скот на ростовщических началах). Панимали и рабочих, главным образом, на крепостнических, кабальных условиях из консы—«ближайших бедных сородичей», кроме и т. п. Как же их назвать? Байми-овцеводами или байми-полуфеодалами. По определению т. Федорова, они бай-овцеводы. На самом же деле это—типичные полуфеодалы, имевшие крупное овцеводческое хозяйство.

Выводы

1) Казакское байское хозяйство — хозяйство переходного типа, соединившее в себе черты и капиталистической, и феодальной системы эксплуатации. Капиталистическая система, наиболее ярко была выражена в северных, прирельсовых, полупустынных районах, а феодальная система — в кочевых районах. Поскольку большинство казакских районов в дореволюционное время оставалось кочевыми районами, постольку и преобладающей формой в казакской степи оставалась докапиталистическая форма эксплуатации.

2) Русский империализм, насаждая капитализм в казакской степи, одновременно старался сохранить и увековечить все докапиталистические формы эксплуатации. Поэтому в байском хозяйстве происходило сращивание, сочетание феодальной системы с капиталистической. Вчерашний

феодал-султан или родоначальник-бай, сегодня—феодал-капиталист (Бу-кеев, Жарасбаев и др.). «Выскачка» из черни—бай-купец или землевла-делец-скотовод, разбогатевший в условиях развития товарного хозяйства в колонии, одновременно был и мелкий феодал (Глеукин, Яманшалов и др.).

3) Такая характеристика байского хозяйства дает ключ и к пони-манию классовой позиции партии «Алаш», являвшейся выразительницей и защитницей интересов казакского байства. Не случайно алашордынцы в вопросах экономического развития казакского аула стали на путь за-щиты господства полуфеодалов и сохранения старых докапиталистиче-ских методов эксплуатации в ауле, вслестически поддерживаемых и поощряе-мых колонизаторской политикой русского самодержавия.

Перечень литературы по данному вопросу

1. Материалы по киргизскому землепользованию экспедиции Шербины: Кокчетавский, Омский, Акмолинский, Атбасарский, Петропавловский, Семипалатинский, Устькаменогорский, Каркаралинский, Павлодарский, Кустанайский и Зайсанский уезды.
2. Материалы по киргизскому землепользованию по Сыр-Дарьинской области: Чимкентский, Ауэлиатинский, Казалинский уезды (1910—1913 гг.).
3. Материалы экспедиции Румянцева по Семиречинской области: Ленинский, Верненский и Копальский уезды (1911—1913 гг.).
4. Киргизское хозяйство в Акмолинской области. Повторное исследование, Кокчетавский, Омский, Атбасарский, Петропавловский и Акмолинский уезды.
5. Материалы по обследованию хозяйства и землепользования киргиз Семипалатинской области. Повторное обследование. Павлодарский, Семипалатинский уезды.
6. Ленини. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Части I, II и III, издание 1833 г.
7. А. Добросмыслов. Суд у киргиз Тургайской области в XVIII и XIX веках. Издание 1904 г.
8. Материалы по земельному вопросу в Азиатской России, выпуск I: Степной край. Составил В. Тресетский под редакцией П. Чермака и Г. Чиркина. Издание 1917 г. Петербург.
9. Рыскуаов. Казакстан. Издание Госплана 1927 г. Москва-Ленинград.
10. Сборник «Вопросы колонизации» под редакцией Г. Чиркина и Н. Гаврилова. № 5, издание 1909 г. Петербург. Статья П. Румянцева «Киргизский народ в прошлом и настоящем».
11. Ч. Валиханов. Собр. сочинений. Издание 1909 г. С.-Петербург.
12. Материал для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Под редакцией Н. Мамаева. Выпуск IV. 1876 г. Петербург.
13. Т. Седельников. Борьба за землю в киргизской степи. Издание 1907 г.
14. П. Алкин. Средняя Азия. Часть I. Издание 1931 г.
15. П. Галузо. Туркестан — колония. Издание 1929 г. Москва.
16. Справочник «Весь Казакстан» за 1932 г.
17. Зелькина. Очерки земельного вопроса в Средней Азии.
18. А. Кауфман. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края.
19. А. Добросмыслов. Скотоводство в Тургайской области. Изд. 1895 г.
20. Н. Зверяков. От кочевания — к социализму.
21. Труд и быт в колхозах. Книга II.
22. Сборник. Влияние колонизации на киргизское хозяйство. Издание Переселенческого управления.
23. Журнал совещания о землеустройстве киргиз. Издание министерства внутренних дел. 1907 г.
24. Бартольд. История Туркестана. Издание 1922 г. Ташкент.
25. Чулошников. Очерки по истории киргиз-казакского народа. Издание 1924 г.
26. Н. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Издание 1891 г.

27. А. Харуани. Киргизы Букеевской орды. Выпуск I. Издание 1889 г. Москва.
28. Красовский. Область сибирских киргизов. Издание 1868 г. Часть I и II.
29. Г. Сафаров. Колониальная революция. ГИЗ, 1921 г.
30. Отчет Палена. Переселенческое дело в Туркестане. Издание 1910 г.
31. Отчет Палена. Народные суды Туркестанского края. Издание 1909 г.
32. Обзор Акмолинской области за 1912 г. Издание 1913 г.
33. Обзор Семипалатинской области за 1905 г.
34. Н. Курамысов. За женскую национальную политику в Казахстане. Издание 1932 г.
35. Сарымолдаев К. Путь к социализму, минуя капитализм.
36. Журнал «Народное хозяйство Казахстана», № 10—11, 1931 г. Статья Федорова.
37. То же № 9—10, 1930 г. Статья Федорова.
38. Сборник «Вопросы колонизации» № 18. Статьи П. Хворостинского «Эволюция киргизского хозяйства в Тургайской области».
39. Журнал «Большевик Казахстана» №№ I и II за 1933 г. Статья Федорова.
40. Журнал «Большевик Казахстана» № 10—11 за 1932 г. Статья Тимофеева.
41. То же № 6 за 1932 г. Статья Асфендиарова.
42. Г. Кортанцев. Тургайская область. Издание 1913 г.
43. Журнал «Научное обозрение», 1901 г., № 1. Статья К. Бала «К истории экономических отношений у киргиз». Стр. 48—57.
44. Крафт. Сборник узаконений о киргизах.
45. Сборник. Материалы для изучения юридических обычаев киргиз. Издание 1896 г.
46. М. Бродский. Очерк киргизской степи. «Землеведение». 1913 г., книга III.
47. Н. Гродков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт. Ташкент, 1889 г.
48. Загряжский. Юридические обычаи киргизов. «Туркестанский ежегодник», 1876 г., вып. IV.
49. И. Ибрагимов. Этнографические очерки киргизского народа. «Русский Туркестан», 1872 г., вып. II.
50. Ф. Лобысевич. Киргизская степь Оренбургского ведомства. 1891 г.
51. «Россия». Полное географическое описание нашего отечества. Т. XIX. Туркестанский край. 1913 г.
52. То же самое. Т. XVIII. Киргизский край. 1913 г.
53. Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. 1865 г.
54. Г. Н. Потанин. Казак-киргизские материалы. «Живая старина», 1916, вып. II и III.
55. Р. Карути. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке.
56. М. Тынышпаев. Огнем о труде А. П. Чулошниковца по истории казак-киргизского народа. Издание 1926 г. Кызыл-Орда.
57. В. И. Даль. Сочинения, посмертное издание, т. VII. «Бикей и Мауляна», стр. 267—375.
58. «Экономический журнал» под редакцией А. Субботина. Книжка восьмая. Статья П. А. «Киргизская степь в хозяйственном отношении», стр. 92—116.
59. И. Ибрагимов. Очерки быта киргизов. Поминки. Сборник «Древняя и новая Россия», т. III, 1876 г., стр. 51—63.
60. Путешествие по Сибири. Составители А. фон-Этцель и Г. Вагнер. Издание 1865 г.

61. Газета «Дейтельность» 1868 г. № 109. Статья Х. Бабаджанова «Спор уральских казаков с киргизами Внутренней Орды».
62. В. Долинский. Об отношениях России к Средне-Азиатским владениям об устройстве киргизской степи. Издание 1865 г.
63. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен. Часть III. Киргизское наречие. 1870 г.
64. И. Казанцев. Описание киргиз-кайсакских. Издание 1867 г.
65. А. Кадомцев. Отчет о поездке в Киргизские степи. Издание 1877 г. С.-Петербург.
66. Журнал «Русский Вестник», 1880 г., апрель. Статья В. Юзефовича «О быте киргиз Тургайской области», стр. 799—835.
67. М. Иснуллов. Земельный вопрос в Туркестане (на казахском языке). Издание Тургосиздата, Ташкент, 1923 г.
68. Х. Досмухаммедов. Аламан. Казахская народная литература (на казахском языке). Издание Казиздата, 1926 г.
69. Г. Тогжанов. О казахском ауле. Издание Казгиза 1927.
70. В. Соколовский. Казахский аул. Издание 1926 г., Ташкент.
71. Тимофеев. Товарность сельского хозяйства Уральской губ. Часть II. Товарность скотоводства. Издание Уралгубплана 1927 г.
72. Казахское хозяйство в его естественно-исторических условиях. Под редакцией С. Швецова. Издание 1926 г.
73. Т. Шопанов. История земельного вопроса в Казахстане. (На казахском языке). Издание Казгиза, 1926, Кызыл-Орда—Ташкент.
74. В. Лаврентьев. Капитализм в Туркестане. Издание Комкадемии, 1930 г.
75. В. Бартольд. История турецко-монгольских народов. Издание 1928 г., Ташкент.
76. Н. Жемчужников. Движение на Восток. Центриздат, 1927 г., Москва.
77. С. Сейфуллин. Казахская литература. 1-я книга (литература феодального периода). Издание 1932 г.
78. С. Дубровский. К вопросу о сущности «азиатского способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала». Издание Ассоциации востоковедения, 1929 г., Москва.
79. Дискуссия об азиатском способе производства. Издание 1931 г., Москва-Ленинград.
80. Г. Сафаров. Проблемы национально-колониальной революции. Издание 1931 г.
81. О. Тарханов. Аграрный вопрос в колониальной революции. Издание 1932 г.
82. Н. Ленин. Аграрная программа русской социал-демократии. Собр. соч., т. V, стр. 83—122.
83. Его же. К деревенской бедноте. Сочинения, издание 1922 г., т. V, стр. 261—317.
84. Его же. Проект речи по аграрному вопросу во второй государственной думе. Сочинения, издание 1929 г., т. XI.
85. Его же. Аграрный вопрос и «Критики Маркса». Сочинения, изд. 1929 г., т. XI, стр. 287—328.
86. Его же. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг. Сочинения, т. XI, стр. 329—499.
87. Его же. Ответ Иксу. Сочинения, издание 1923 г., т. IX.
88. Его же. Капитализм в сельском хозяйстве. Сочинения, т. II, издание 1926 г., стр. 247—271.
89. Его же. Аграрный вопрос и «Критики Маркса». Сочинения, издание 1929 г., стр. 175—243.
90. Его же. Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки. Сочинения, т. IX, издание 1923 г.

91. Его же. Статьи по национальному вопросу. Т. XIX, издание 1924 г.
92. Его же. Развитие капитализма в России. Собр. соч., т. III, издание 1924 г.
93. Его же. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов. Издание Партиздата, 1933 г.
94. Его же. Империализм, как высшая стадия капитализма. Сочинения, т. XIX, издание 2-ое.
95. Сборник. Спорные вопросы методологии истории (дискуссия об общественных формациях). Издание «Пролетарий», 1930 г.
96. Сборник «Империализм и всеобщий кризис капитализма» под редакцией Л. Катарского и В. Серебрякова. Часть I. Издание Партиздата, Москва-Ленинград, 1932 г.
97. П. Погорьельский. В. Батраков Экономика кочевого аула Киргизстана. Издание 1930 г., Москва.
98. П. Кушнер. Очерк развития общественных форм. IV издание.
99. Е. Полочалский. «За новый аул—кыстау». Издание 1927 г., Москва.
100. П. Кушнер. Статья «Манашество в горной Киргизия» в журнале «Революционный Восток» № 2, 1927 г., Москва.
101. А. Силонов. К вопросу о роли ростовщического капитала в сельском хозяйстве Средней Азии. Издание 1925 г., Ташкент.
102. К. Маркс. «Капитал», т. III, часть I и II. Издание Партиздата, 1932 г., Москва.
103. К. Маркс. К критике политической экономии. Издание Партиздата, 1932 г., Москва.
104. Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. Издание Госиздата, 1926 г.
105. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства.
106. Штуосер. Маркс и Энгельс об Индии. Издание Госиздата, 1930 г., Москва-Ленинград.
107. Письма Маркса—Энгельса. Издание Соцгиза, 1931 г.
108. К. Каутский. Аграрный вопрос. Издание Госиздата.
109. Ленинский сборник, т. XIX. Аграрный вопрос.
110. М. Покровский. Русская история, т. I.
111. И. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос (сборник статей и речей). Издание Партиздата, 1934 г.
112. И. Сталин. Сборник об оппозиции. Издание 1928 г.
113. Шилев. Возникновение и развитие противоречивостей между городом и деревней в докапиталистическую эпоху. Издание Сельхозгиза, 1933 г.
114. Ф. Энгельс. Статья «Об общественных отношениях в России» К. Маркс. Избранные произведения, т. II.
115. Газета «Сибирская жизнь», 1902 г., №№ 271 и 272. Статья Т. Сергеева «Ф. Щербина в роли своего собственного критика».

КРА ПОЯС ЛЯ
КРАВАЯ
БИБЛИОТЕКА
№

СОДЕРЖАНИЕ

Стр. §

Предисловие

§

ГЛАВА I. О РОДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ В КИРГИЗСКОМ АУЛЕ.

1. Значение вопроса	5
2. Байское понимание сущности родовых пережитков	5
3. Маркс и Энгельс о родовом строе	8
4. Родовой строй у казаков	12
5. Кошаренная критика основных положений «теории» Баятурсунова	19
6. Выводы	31

ГЛАВА II. О КАЗАКСКОМ ФЕОДАЛИЗМЕ.

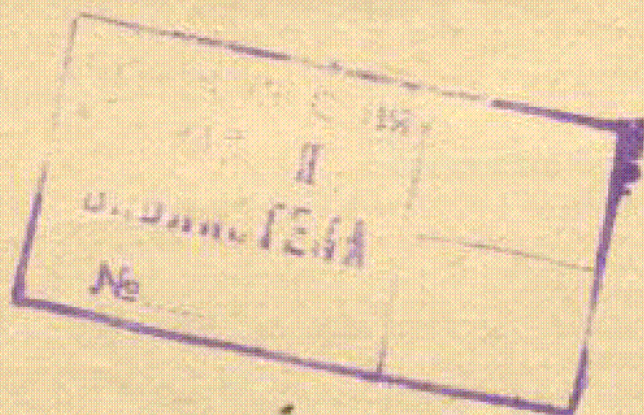
1. Об отрицании казакского феодализма	33
2. Феодализм или «ликвидированные зачатки» феодализма?	36
3. Казакские феодалы и их господство в степи	38
4. О некоторых особенностях казакского феодализма	43
5. Феодальная эксплуатация мелких скотоводов султанами и родовыми феодалами	45
6. Тилленгуты — крепостные казаки султанов	47
7. Коисы, крмо — полукрепостные родоначальников	50
8. Борьба между родоначальниками и султанами	51
9. Ликвидация казакского ханства или ликвидация казакского феодализма?	53
10. Ханское господство и застойный период развития казакского общества	54
11. Победа родовых феодалов над феодалами «белой кости»	55
12. Выводы	59

ГЛАВА III. ПРОНИКНОВЕНИЕ КАПИТАЛИЗМА В КАЗАКСКИЙ АУЛ.

1. О двух ошибочных положениях	60
2. О расщеплении казакского крестьянства и развитии товарного хозяйства	68
3. О найме труда	70
4. Об отходничестве	71
5. О роли торгово-ростовщического капитала и о двух типах казакских районов	74
6. Северные скотоводческо-земледельческие районы	75
7. Отдаленные вочарые районы	77
8. Сравнительные статистические данные по характерным районам	80
9. Об изменении состава стада	81
10. О развитии земледелия	85
11. Выводы	90

ГЛАВА IV. О БАЙСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ.

1. Феодальная система эксплуатации в байском хозяйстве	91
2. Капиталистическая система эксплуатации в байском хозяйстве	97
3. О двух типах базиса	100
4. Выводы	104
Перечень литературы	106

Сдано в производство 27/VI-34 г.
Подписано к печати 27/X-34 г.
Объем 7 печ. л. $\frac{1}{16}$ 62×94. Заказ 2125.
Уполномоченный Главлита № Б-39155
Тираж 1.500 экз.

Типография газеты „Правда“,
Москва, улица Горького, 48.